

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ДРЕВНЕГО
И
СРЕДНЕВЕКОВОГО
КАЗАХСТАНА

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
им. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ДРЕВНЕГО
И СРЕДНЕВЕКОВОГО
КАЗАХСТАНА

Издательство «НАУКА» Казахской ССР
АЛМА-АТА·1980

63.4(2)803

А 83 Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана.
Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1980. — с. 203.

Сборник посвящен исследованию истории материальной культуры древних и средневековых обитателей территории Казахстана. В частности, рассматриваются вопросы происхождения древнетюркской рунической письменности, семантики иссыкского головного убора, культа барана у сырдарынских племен и истории движения кочевников евразийских степей в первой половине XI в.

В книге публикуются новые материалы раскопок последних лет, результаты работы лаборатории археологической технологии, заметки о находках и сведения по отдельным частным вопросам археологии. Представлены почти все периоды казахстанской археологии: палеолит, эпоха бронзы, период ранних и поздних кочевников.

Книга рассчитана на специалистов-археологов, историков, студентов и читателей, интересующихся прошлым Казахстана.

Ответственный редактор

кандидат исторических наук
К. А. АКИШЕВ

А 10602—120 4.80.0507000000
407 (07)—80

Издательство «Наука» Казахской ССР, 1980 г.

г. Актобе (Петропавловск)

316753

В. А. Лившиц

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ РУНИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Проблема генезиса древнетюркских руноподобных графем, привлекшая внимание исследователей еще в конце прошлого века, до сих пор не может считаться разрешенной. Существует несколько гипотез о происхождении древнетюркской руники¹: из родовых тамг; пиктографическое или идеографическое происхождение; финикийская алфавитная основа; арамейская гипотеза с рядом вариантов: собственно арамейская, парфянская, пехлевийская (среднеперсидская), согдийская, согдийско-хорезмийская, согдийско-пехлевийско-бактрийская²; наконец, гипотезы, объединяющие элементы различного происхождения — арамейско-тамговые и арамейско-идеографические.

В последние годы интерес к проблеме происхождения древнетюркской руники обострился в связи с открытием на серебряной чаше из иссыкского кургана (50 км к востоку от Алма-Аты, раскопки К. А. Акишева) надписи, относящейся, по археологическим данным, к периоду не позднее VI—IV вв. до н. э. Письмо этой краткой надписи — 2 горизонтальных строки, всего 25 или 26 знаков, из них разных не более 16, — до сих пор не может считаться расшифрованным, остается неясным и его происхождение. Направление письма — справа налево. В трех знаках этой надписи, отделенной более чем тысячелетним периодом от старейших из известных до сих пор памятников древнетюркской руники, можно, вслед за О. Сулайменовым и А. С. Аманжоловым³, найти сходство с ру-

¹ См.: Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, с. 44—50; Щербак А. М. Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения. — В кн.: Тюркологический сборник. М., 1970, с. 133; Фридрих И. История письма. М., 1978, с. 168.

² Clauson G. The origin of the Turkish «runic» alphabet. — Acta Orientalia, XXXII, 1970, p. 51—76.

³ Аманжолов А. С. Руноподобная надпись из сакского захоронения близ Алма-Аты. — Вестник АН КазССР, 1971, № 2, с. 64—66.

ническими граffitiами, однако это обстоятельство не позволяет делать каких-либо выводов о взаимоотношениях рассматриваемых письменностей, поскольку сходство может быть чисто случайным. Формы остальных 12 или 13 знаков иссыкской надписи не имеют, насколько я могу судить, аналогий в рунических памятниках. Заслуживает особого внимания структура ряда иссыкских знаков, в которых граffitoобразующую роль играют короткие диагональные штрихи, отходящие от нижней части вертикальной хасты⁴, — признак, не характерный для структуры древнетюркских рунических граffito. Отдельные знаки надписи могут быть с равным успехом сопоставлены с буквами малоазиатских и некоторых других алфавитов греческого происхождения, с индийским письмом кхарошти и некоторыми другими письменностями, но на таких сопоставлениях нельзя основывать дешифровку или строить выводы о генетических связях иссыкской письменности.

В настоящее время известно еще несколько надписей, письмо которых либо близко родственно иссыкскому, либо является прямым его продолжением. Это: одна из версий трилингвы, обнаруженной в Дашт-е Навур на Газийском плато (Центральный Афганистан, около 100 км к юго-западу от Кабула) и относящейся к раннекушанской эпохе, вероятно, к I в. н. э. (две другие версии этой надписи — бактрийская и пракритская — начертаны, соответственно, бактрийским письмом греческого происхождения и индийским кхарошти)⁵; надпись из Сурх-Котала (Северный Афганистан, II в. н. э.)⁶; фрагмент надписи на керамике из Халчаяна (Южный Узбекистан, I—III вв.)⁷; надписи на глиняных сосудах из Фаяз-тепе (район Термеза, слои I—III вв.) и фрагмент надписи из Кафирниган-тепе (40 км к югу от Душанбе, памятник VII в. н. э.)⁸. Таким образом, перед нами серия памятников неизвестной письменности, обнаруженных на огромной территории — от района Алма-Аты (Иссыкский курган) до Центрального Афганистана — и охватывающих более чем тысячелетний период. Следует отметить, что формы знаков этой письменности (в перечисленных памятниках насчитываются в общей сложности около 50 разных знаков), в том числе представленных на иссыкской чаше, и в наиболее поздних из указанных надписей не обнаруживаются системного сходства с древнетюркской рунической, поэтому генетически связать эти письменности не удается.

⁴ Фотография надписи, опубликованная в «Истории Казахской ССР» (Т. 1. Алма-Ата, 1977, с. 220), показывает, что прорисовки надписи, публиковавшиеся ранее в газетах и популярных журналах, были весьма неточными. На прорисовке, изданной в статье А. С. Аманжолова, знаки надписи воспроизведены довольно точно, однако сама прорисовка перевернута.

⁵ Надпись опубликована в кн.: Fussman G. Documents épigraphiques Kouchansa — «Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême-Orient», t. 61, 1974, p. 1—66. Издатель пытался расшифровать неизвестную письменность, исходя из предположения, что это модифицированное кхарошти, однако попытка не увенчалась успехом.

⁶ Maricq A. Inscriptions de Surkh-Kotal (Baghlan). — Journal Asiatique, t. 246, 1958, p. 417, pl. IV; Fussman G. Op. cit., p. 30—31, pl. VII, et. XXVIII.

⁷ Пугаченкова Г. А. Халчаян. Ташкент, 1966, с. 59 (рис. 35) и 91—92; Fussman G. Op. cit., p. 27.

⁸ Надписи из Фаяз-тепе и Кафирниган-тепе еще не опубликованы.

Естественно, что, пока иссыкская надпись и примыкающие к ней по письму памятники не расшифрованы, любые заключения о языке этих памятников будут гипотетическими. Поскольку в надписи из Дашт-Навур две версии — бактрийская и пракритская — отражают официальные языки и письменности Кушанского царства, мы вправе предположить, что и письмо третьей версии употреблялось достаточно широко в этом государстве и принадлежало какой-то части его пестрого в этническом отношении населения. Так как бактрийские языки и письмо принадлежали коренному населению северных областей Кушанского царства (лево- и правобережная Бактрия), а пракрит с письмом кхарошти — населению Северо-Западной Индии, находившейся под властью Кушан, то можно далее предположить, что неизвестная письменность скрывает язык пришельцев, из среды которых вышли династии кушанских правителей. Судя по сообщениям письменных источников и памятникам кушанского искусства, этими пришельцами были скорее всего саки, так что неизвестную письменность можно было бы предположительно связать с сакской средой⁹. Сходную гипотезу сформулировал К. А. Акишев, рассматривающий иссыкскую надпись как свидетельство высокого уровня социальной организации саков Семиречья в середине I тыс. до н. э.¹⁰

С методической точки зрения целесообразно ограничиться лишь рассмотрением происхождения графической системы центральноазиатских рунических памятников, не привлекая рунических надписей, происходящих с территории Юго-Восточной Европы (секельские руны, «руны западных тюрок», «печенежские», «хазарские рунические письмена»). В надписях этой группы, представляющих, очевидно, несколько вариантов рунической письменности, обнаружены несомненные аналогии орхоно-енисейским рунам, однако нынешнее состояние изучения восточноевропейских рунических памятников (все они, вероятно, не старше VIII—IX вв.) и значительные отличия в формах ряда графем сравнительно с орхоно-енисейскими надписями (ср., например, графемы для гласных) не позволяют уверенно возводить центральноазиатскую и восточноевропейские рунические письменности к одному источнику¹¹. Попытки, предпринимавшиеся в этом направлении, не увенчались пока успехом (например, гипотеза Ф. Альтхайма о сложении древнетюркской руники в гуннской среде на основе согдийского и хорезмийского алфавитов и последующем ее разделении на региональные ветви¹²).

Старейшими памятниками центральноазиатской руники в настоящее время считаются орхонские надписи. Енисейские и таласские над-

⁹ См.: *Лившиц В. А. Надписи из Дильберджина. — В кн.: Древняя Бактрия. М., 1976, с. 165—166, прим. 14.*

¹⁰ История Казахской ССР, т. 1, с. 219—221.

¹¹ Оценку современного состояния изучения восточноевропейских рунических памятников см.: Щербак А. М. О рунической письменности в Юго-Восточной Европе. — Советская тюркология, 1971, № 4, с. 76—82.

¹² Altheim F. Hunnische Runen. Halle, 1948; Idem. Geschichte der Hunnen. Bd. I. Berlin, 1959, S. 268—289. См. критику этой гипотезы: Maenchen-Helfen O. F. Altheim. Geschichte der Hunnen. — Journal of American Oriental Society, vol. 79, 1959, N 4, p. 295—298.

писи по палеографическим признакам И. В. Кормушин относит к периоду не ранее IX в.¹³; Л. Р. Кызласов датирует большинство енисейских надписей IX—X вв.¹⁴ Более ранние датировки предлагает С. Г. Кляшторный: он относит несколько енисейских памятников к первой половине VIII в. (две надписи — к 711 г.), а в таласских рунических эпитафиях видит памятники, составленные в 40—60 гг. VIII в.¹⁵ Старейшие из точно датированных орхонских надписей относятся к 30-м гг. VIII в. — это памятники Кюль-тегину (732) и Бильге-кагану (735). Более ранними, вероятно, являются надписи в честь Тоньюкука (между 712 и 716?) и Кули-чура (721?), а также Онгинский памятник (около 731?)¹⁶. К концу VII в. относится, возможно, надпись на каменном балбale из Восточного Гоби¹⁷. В любом случае, рунических надписей старше второй половины VII в. до сих пор не обнаружено, а сложение древнетюркской центральноазиатской руники на территории Монголии кажется наименее вероятным.

Уже в самых ранних памятниках орхонская руника выступает как вполне сложившаяся система, базирующаяся на принципах алфавитно-слогового письма: 4 знака для гласных (V), 27 для согласных (С) и сочтаний VC/CV, 3 для сочетаний VC/CV, 1 для сочетания VC и 3 для сочетаний C₁C₂. Поэтому естественно, что из гипотез, выдвигавшихся для объяснения генезиса этой письменности, наиболее вероятной уже давно признается версия о создании рунических графем на основе одного из алфавитов арамейского происхождения. Большинство тюркологов ныне допускает возможность идеографического происхождения лишь для единичных графем, в первую очередь для оq(qo)/uq(qu), которую убедительно интерпретировал как «знак стрелы» Е. Д. Поливанов¹⁸.

Среди алфавитных письменностей, выдвигавшихся на роль источника древнетюркской руники, наибольшее внимание уже давно привлекает согдийская. «Согдийская гипотеза» основывается прежде всего на близости форм ряда рунических и согдийских графем, имеющих тождественные или сходные фонетические референты. При этом учитываются также многовековые контакты согдийцев и тюрок в Центральной Азии, в частности, на территории Монголии. Достаточно указать, напри-

¹³ Кормушин И. В. К основным понятиям тюркской рунической палеографии. — Советская тюркология, 1975, № 2, с. 38, 41—42 и 45—47.

¹⁴ Кызласов Л. Р. Новая датировка памятников енисейской письменности. — Советская археология, 1960, № 3, с. 93—120; Он же. О датировке памятников енисейской письменности. — Советская археология, 1965, № 3, с. 38—49.

¹⁵ Кляшторный С. Г. Стелы Золотого Озера (к датировке енисейских рунических памятников). — В кн.: *Turcologica* (к 70-летию академика А. Н. Кононова). Л., 1976, с. 258—267. Работа С. Г. Кляшторного, посвященная новой интерпретации таласских надписей, находится в печати.

¹⁶ Кормушин И. В. К основным понятиям тюркской рунической палеографии, с. 37; Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. XXVII и XXIX—XXX.

¹⁷ Кляшторный С. Г. Руническая надпись из Восточного Гоби. — In: *Studia Turcica*. Budapest, 1971. Ср.: *Clauson G. Studia Turcica*. — *Asia Major*, NS, XVIII, pt. 2, 1973, p. 212.

¹⁸ Поливанов Е. Д. Идеографический мотив в формировании орхонского алфавита. — Бюллетень САГУ, 1929, № 9, с. 177—181.

мер, на Бугутскую согдийскую надпись, представляющую собой каганскую эпиграфию, близкую по структуре и стилю к орхонским монументальным памятникам. Эта надпись, относящаяся к последней четверти VI в. (не позднее 587 г.), является единственным письменным памятником, дошедшим до нас от I Тюркского каганата, она ясно указывает на роль согдийской письменности в каганской ставке на Орхоне¹⁹. Хорошо известна эстафета согдийской письменности, которую заимствовали уйгуры, передали ее через несколько столетий монголам, а последние — маньчжурам. Однако при всей важности этих фактов для оценки историко-культурного фона возникновения центральноазиатской руники решающее значение для нашей проблемы имеет сопоставление систем письма, причем не только форм графем, но и их фонетических значений.

Уже вскоре после открытия и идентификации первых согдийских памятников из Восточного Туркестана В. Томсен отметил сходство ряда рунических знаков с буквами согдийского алфавита. Позднее В. Томсен более решительно писал, что между руническим и согдийским письмом «существуют ясные и неоспоримые соответствия»²⁰. Исследования в этой области начал пионер согдологии Р. Готьо, консультировавшийся с Томсеном. Согласно Готью, основой для создания древнетюркской руники послужил ранний вариант согдийского алфавита, представленный в так называемых «Старых письмах», которые относятся скорее всего к началу IV в. н. э. (Готью датировал их I в. н. э.) и отделены, таким образом, от старейших рунических надписей более чем тремя столетиями. Согдийский алфавит «Старых писем» насчитывает 19 букв, из которых 17 — , β, γ, ω, z, x, y, k, δ, m, n, s, p, č, r, š, t — имеют фонетические референты, '(соответствует арамейской букве 'айин) выступает только в арамейских идеограммах, а h (арам. xē) употребляется в качестве чисто графической приметы конца слова и, подобно ' , не имеет соответствия среди согдийских фонем.

Р. Готью подчеркивал, что в отличие от уйгурского письма, непосредственно продолжающего согдийское, древнетюркская руника была создана на базе согдийского алфавита, причем формы согдийских графем подверглись значительным преобразованиям. Согласно Готью, согдийские прототипы можно достаточно уверенно предположить для 12 рунических знаков: a/ā<c. (согдийский) '(алеф); i/i<c. y; o/u<c. ω; b/v<c. β; d¹<c. δ; l¹<c. δ; k(k²)<c. k; m<c. m; n¹<c. n; p <c. p; r¹<c. r; t²<c. t. Готью допускал также сближения рун γ(g¹) — c. h; η — c. γ; z — c. z; s¹ — c. s; š — c. š²¹.

Поиски согдийских прототипов для других рунических знаков за-

¹⁹ Кляшторный С. Г., Лившиц В. А. Согдийская надпись из Бугута. — Страны и народы Востока. М., 1971, X, с. 121—146; Klyastornyi S. G., Livshits V. A. The Sogdian inscription of Bugut revised. — Acta Orientalia Hungarica, t. 26, fasc. 1, 1972, p. 69—108. Об историко-культурном значении надписи см. также: Bazin L. Turcs et Sogdiens: les enseignements de l'inscription de Bugut (Mongolie). — In: Mélanges linguistiques offerts à E. Benveniste. Paris, 1975, p. 37—46.

²⁰ См.: Gauthiot R. Essai de Grammaire Sogdienne. Première partie: Phonétique. Paris, 1914—1923, p. 5 (о письме В. Томсена от 27 июня 1911 г.); Thomsen V. Samlede Afhandlinger, vol. 3. Köbenhavn, 1922, p. 76.

²¹ Gauthiot R. Essai..., p. 7—10.

труднены прежде всего вследствие различий в количестве графем. Некоторые знаки, очевидно, вообще не имели согдийских прототипов и были изобретены в процессе создания руники. Это кажется наиболее вероятным для 7 орхонских знаков — *lt¹*, *nč*, *nł*, *ič/ič*, *iq/qi*, *oq(qo)/uq(qu)*, *ök(kō)/ük(kū)*, которые можно отнести к «периферийным», поскольку они обозначают только сочетания фонем. Однако возведение к согдийским прототипам только 12 (или 17) из 31 графемы, составляющих «ядро» рунического алфавита, ставило под сомнение согдийскую гипотезу.

Дж. Клосон предложил искать прототипы рунических знаков в трех алфавитах — согдийском, пехлевийском и бактрийском²². При этом для согдийского Клосон, как и ранее Томсен и Готье, привлек алфавит «Старых писем»; для пехлевийского письма была избрана разновидность, засвидетельствованная в рукописи среднеперсидского перевода Псалтири (рукопись VII или VIII в., воспроизводящая, очевидно, тип письма V в.); для бактрийского письма (греческого происхождения) выбор пал на рукописный фрагмент из Лоуляна (III—IV вв.?) и надписи на эфталитских монетах (V—VIII вв.). Согласно выводам Клосона, из согдийского и пехлевийского алфавитов происходят в общей сложности 16 рунических знаков: из согдийского 12 — *a/ā*, *o/u*, *b/v¹*, *q(k¹)*, у Клосона — *x/k¹*, *l¹*, *n¹*, *r¹*, *s¹* (для последнего знака допускается и пехлевийское происхождение), *k(k²)*, *m*, *č*, *p*; из пехлевийского 4 — *ü/i*, предположительно *d¹*, *t¹* (последний, возможно, изобретен), *ş*. К бактрийским, т. е. греческим по происхождению, буквам Клосон вводит 11 рунических знаков: *ö/ü*, *b²*, *d²* (из бактрийско-греческой *каппы!*), *g(g²)*, *y²*, *l²*, *n²*, *r²*, *s²*, *t²*, *z*. Из бактрийского предлагается объяснять и знак *é* енисейских памятников (греческая *альфа*). Знаки *γ(g¹)*, *ϳ(ñ)*, *ϙ*, согласно Клосону, изобретены; знак *y¹* восходит к пиктограмме. Возникновение рунической письменности Клосон относит к середине VI в., к правлению Истеми-кагана, причем создание руники было связано в первую очередь с потребностями дипломатической переписки, для которой руника могла выступать в качестве тайнописи («*scryptography*»).

История письма знает немало случаев, когда при создании новой письменности были использованы графемы, почерпнутые из различных источников²³, однако гипотеза Клосона о гетерогенном характере графических прототипов древнетюркской руники не кажется убедительной. Сомнения вызывает прежде всего постулируемый принцип дифференцированного отбора графических прототипов: твердорядные знаки преимущественно из согдийского, мягкорядные — из бактрийского. Следует заметить, что ни согдийская и пехлевийская, ни бактрийская письменности не имели каких-либо аналогий для «раздельнорядных» графем²⁴. Привлечение Клосоном материалов трех письменностей имело единст-

²² Clauson G. The origin...

²³ Ср., например, заимствование из греческого алфавита прототипов для некоторых графем, обозначающих гласные, при создании армянского алфавита, который в основе своей восходит к арамейскому. (См.: Периканян А. Г. К вопросу о происхождении армянской письменности. — В кн.: Переднеазиатский сборник, т. II. М., 1966, с. 177).

²⁴ Таких аналогий нет и в известных нам письменностях других народов, с которыми контактировали древние тюрки (индийское брахми и родственное ему тибетское письмо; китайская иероглифика и связанная с ней тангутская письменность).

венной целью расширение базы для графических сопоставлений. Выбор прототипов для рунических твердо- и мягкорядных знаков предстает в его схеме случайным, а многие из предложенных им сопоставлений не выдерживают палеографической проверки или кажутся неоправданными с точки зрения фонетической соотнесенности (см. особенно поступилируемые Клосоном прототипы для рунических *ö/ü*; *b/v²*; *d²*; *g*; *r²*; *y²*; *t¹*; *t²*).

Недостаточно обоснованными представляются дата создания руники, принятая Клосоном, — середина VI в., а также объяснение целей ее создания. Древнетюркская руника, как об этом можно судить по многочисленным памятникам, употреблялась прежде всего для надписей на камне и других твердых материалах. Геометризованные формы знаков указывают, что это письмо — лапидарное. Нахodka нескольких рунических рукописных фрагментов в Восточном Туркестане не противоречит сказанному, поскольку и в этих сравнительно поздних текстах (X в.) сохраняются основные особенности лапидарного письма. Можно поэтому полагать, что руника с самого начала была предназначена для надписей на камне. Но в любом случае отсутствие древнетюркской версии на бугутской стеле логичнее всего объяснить тем, что в последней четверти VI в. рунического письма еще не существовало.

Представляется вероятным, что руника возникла в результате единовременной сознательной обработки согдийского алфавита, а не как следствие его длительной стихийной трансформации. Согдийские графемы служили для творцов руники всего лишь исходными прототипами, формы которых были существенно изменены, причем основные изменения были продиктованы задачей создания лапидарного письма. Количества и состав рунических графем определялись в первую очередь избранными принципами обозначения гласных и отражения в системе письма тюркского сингармонизма.

Исходными прототипами для подавляющего большинства рун служили скорее всего буквы согдийского курсивного письма, известного по памятникам уже с V—VI вв.; именно такое письмо выступает в бугутской надписи. Согдийский алфавит, использованный при создании руники, содержал 22 буквы — 19 букв, известных по «Старым письмам» и другим памятникам (см. выше), и еще 3, впервые представленные в согдийской азбуке, которая обнаружена при раскопках городища Пенджикент²⁵, — *d*, *t*, *q*. Эти буквы могли употребляться в согдийском письме только в арамейских идеограммах, однако ничто не препятствовало их использованию, наряду с другими согдийскими буквами, в качестве прототипов для создания рунических знаков²⁶. Творцы руники могли использовать и зеркальные отображения графических прототипов, а также изменять направление составляющих их линий; в нескольких случаях

²⁵ Livshitz V. A. A Sogdian alphabet from Panjikant. — In: W. B. Henning Memorial Volume. London, 1970, p. 256—263.

²⁶ Буквы *d*, *t*, *q* пенджикентской азбуки, как и *'*, *h*, не имели в согдийском фонетических референтов, однако можно полагать, что писцы-согдийцы заучивали не только написание, но и примерное произношение арамейских идеограмм (так поступали и персидские писцы сасанидского времени).

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА СОГДИЙСКОГО И РУНИЧЕСКОГО АЛФАВИТОВ

Согдийский алфавит			Реконструкция графических прототипов в процессе создания рунического алфавита	Руническое письмо		
"Старые письма"	Согдийско-буддийский курсив	Согдийская азбука из Пенджикента		Транслитерация	Орхонские надписи	Рукописные варианты
𠂇 𠂇	𠂇 (нач.)		𠁤 - 𠁤	a, ä	ᛖ	
𠁤 𠁤	𠁤 𠁤 𠁤		𠁤 - 𠁤 - 𠁤	i, ī	ᛁ	
	"		𠁤 - 𠁤 - 𠁤	y ¹	ᚦ	
	"		𠁤 - 𠁤	y ²	ᚦ, ᚦ, ᚦ	
𠁥 〇	〇 〇		𠁥 - 〇 или 〇 - 〇 - 〇	o, u	ᚢ, ᚢ, ᚢ	
			𠁥 - 〇 - 〇	o, u	ᚢ, ᚢ, ᚢ	
(2)+(5)						ᚦ
𠁧 𠁧	𠁧		𠁧 - 𠁧 - 𠁧	b/v ¹	ᛃ, ᛃ; ᛃ	ᛃ
𠁨 (нач.) 𠁨 (сер.)	𠁨 (нач.) 𠁨 (сер.)		𠁨 - 𠁨	b/v ²	ᛃ, ᛃ; ᛃ	
𠁩 𠁩	𠁩 𠁩		𠁩 - 𠁩 - 𠁩	ȝ	ȝ, ȝ, ȝ	ȝ
𠁪 𠁪	𠁪 𠁪		𠁪 - 𠁪 - 𠁪	d ¹	ᛞ; ᛞ	ᛞ
	"		𠁪 - 𠁪 - 𠁪	d ²	X, x; X	X
	"		𠁪 - 𠁪 - 𠁪	i ¹	ᛁ, ᛁ; ᛁ	ᛁ
	"		𠁪 - 𠁪 - 𠁪	i ²	ᛚ, ᛚ; ᛚ	ᛚ
𠁮 𠁮 (N, ȝ)	𠁮 𠁮		𠁮 - 𠁮 - 𠁮	ȝ(g ¹)	ȝ, ȝ; ȝ	
𠁮 𠁮	"		𠁮 - 𠁮 - 𠁮	ȝ(g ²)	ȝ, ȝ; ȝ	
𠁯 𠁯	𠁯		𠁯 - 𠁯 - 𠁯	x ²	ȝ, ȝ; ȝ	
			𠁯 - 𠁯 - 𠁯	ȝ ²	ȝ, ȝ; ȝ	
𠁰 𠁰	𠁰 𠁰		𠁰 - 𠁰 - 𠁰	ȝ	ȝ, ȝ; ȝ	
𠁱 (нач.) 𠁱 (сер.)	𠁱 (нач.) 𠁱 (сер.)		𠁱	n ¹)	
	"		𠁱 - 𠁱 - 𠁱	n ²	ᚾ, ᚾ; ᚾ	
𠁲 (нач.) 𠁲 (сер.)	𠁲 (нач.) 𠁲 (сер.)		𠁲 - 𠁲 - 𠁲	z	ȝ, ȝ, ȝ	
𠁳	𠁳		𠁳 - 𠁳 - 𠁳	p	ᛁ, ᛁ, ᛁ	
𠁴	𠁴		𠁴 - 𠁴 - 𠁴	r ¹	ᚦ, ᚦ, ᚦ	
			𠁴 - 𠁴 - 𠁴	r ²	ᛏ, ᛏ	
𠁵 𠁵	𠁵 𠁵 𠁵		𠁵 - 𠁵 - 𠁵	s ¹	ᚦ, ᚦ	
			𠁵 - 𠁵 - 𠁵	s ²	ᚦ, ᚦ	
-	-		- - -	s ²	ᛁ	
𠁷 𠁷 𠁷	𠁷 𠁷		𠁷 - 𠁷 - 𠁷	s	ᛚ, ᛚ, ᛚ	
			𠁷 - 𠁷 - 𠁷	t ¹	ᚦ, ᚦ, ᚦ	
𠁸 𠁸	𠁸 𠁸		𠁸 - 𠁸 - 𠁸	t ²	ᚦ, ᚦ, ᚦ	

разные рунические знаки могли быть созданы из позиционных вариантов одних и тех же согдийских букв.

Предлагаемые графические соответствия для 29 рунических знаков показаны в таблице. В графе 2 цифры соответствуют нумерации рунических знаков у Клосона. В графе 3 даны транслитерационные обозначения согдийских букв, в графе 4 приведены их фонетические референты. В графе 5 представлены начертания согдийских букв в «Старых письмах»; 6 — соответствующие формы в буддийско-согдийских текстах (каллиграфический курсив). В графе 7 даны начертания нескольких букв в пенджикентской азбуке (*d*, *t*, которые отсутствуют в согдийских памятниках; *y*, *x*, *s*, несколько отличные по формам от большинства памятников). В графе 8 сделана попытка представить — только предположительно — трансформацию исходных прототипов и пути их превращения в рунические знаки. В графе 9 даны транслитерационные обозначения рун; в 10-й воспроизведены из таблицы Дж. Клосона основные варианты начертаний рун в орхонских памятниках, при этом первый вариант воспроизводит форму в Тон., второй (после запятои) — в КТ и БК, третий (после точки с запятои) — в памятниках уйгурского периода (КБ и др.). В последней, 11 графе даны начертания нескольких знаков в рукописных рунических фрагментах (также по Клосону).

Создатели рунического письма хорошо знали фонетические значения согдийских графем и, как правило, стремились использовать их для выражения соответствующих или близких древнетюркских звукотипов. К таким руническим знакам можно отнести:

№ 1 *a/ä* — из с. 'алефа, передающего в согдийском в начальной позиции наиболее часто гласный |*a*|, в середине слова — |*ä*| или |*a*|²⁷. Путь графического изменения этой буквы в рунический знак не вызывает сомнений.

№ 2 *i/i* — из с. *y*, обозначающей согласный |*y*| (ср. № 3, 4) и — в середине и конце слова — гласные |*î*|, |*i*|, |*e*|.

№ 3 *y*¹, № 4 *y*² — из вариантов начертаний с. *y*.

№ 5 *o/u* — из с. *w*, обозначающей согласный |*w*| и — в середине и в конце слова — гласные |*û*|, |*u*|, |*o*|. Форма этой буквы в «Старых письмах» ближе к руническому знаку, чем в позднейшем курсивном письме (здесь буква обычно «закрыта»), однако кажется более вероятным, что при создании рунической графемы за основу был взят курсивный вариант, подвергшийся сильному преобразованию.

№ 7 *b/v*¹ — из с. *β*, с упрощением верхней части буквы. В согдийском эта буква выражала фонемы |*p*| и |*f*|, в передачах иноязычной лексики иногда также *b* (в согдийском [b] — аллофон фонемы |*p*|; в древнетюркском смычная |*b*| имела щелевой аллофон [v] или [β]).

№ 8 *b/v*² — из с. *p*, обозначающей в согдийском фонемы |*p*| и |*f*|, а также аллофон [b]. Кажется вероятным, что прототипом для рунического знака послужил вариант, выступавший в согдийском в середине и конце слова.

²⁷ В согдийском имелись краткие и долгие фонемы *a*, *ā*, *i*, *ī*, *u*, *ū*, а также *o* и *e*, для которых количественный признак, очевидно, не был фонематичным.

№ 8 + *p* — из варианта с. *p*, обычного для начала слова.

№ 9 *č* — из с. *č*, обозначавшей фонему |č| и аллофон [j]. Наиболее близка к руническому знаку форма *č* в согдийском вертикальном письме, однако не исключен и поворот буквы на 90° при создании руники.

№ 11 *d²* — из с. *δ*. В согдийском эта буква обозначала звонкую щелевую фонему |δ| и соответствующую глухую |θ| (ср. ниже об употреблении этой буквы для передачи иноязычного *l*). В уйгурском письме соответствующая буква выражает |d|, что, возможно, указывает на существование согдийских диалектов, в которых |δ| переходила в |d|²⁸.

№ 12 *l¹*, № 13 *l²* — также из с. *δ*, передававшей иногда иноязычное *l* (например, *βυdk*=тюрк. *Bilgä*; в идеограммах δ соответствует арамейскому *l*). Можно полагать, что для создания рунических *d²*, *l¹*, *l²* были использованы различные варианты начертаний с. *δ*.

№ 15 *q(k¹)* — из с. *x*. Ср. в уйгурской азбуке из Кочо соответствия уйг. γ(*q*) — с. γ и уйг. γ(*q*) — с. *x* (в согдийском письме в неконечной позиции γ и *x* совпадали по начертаниям уже к V в.).²⁹

№ 16 *k(k²)* — из с. *k*, с преобразованием верхней части буквы.

№ 18 *m* — из с. *m*; наличие вариантов рунического знака уже в ранних орхонских памятниках (Тон., КТ, БК) может объясняться разными путями графических преобразований прототипа.

№ 19 *n¹* — из с. *n* в позиции начала слова.

№ 20 *n²* — из с. *n* в позиции середины слова; № 21 *z* — из с. *z* в той же позиции. Преобразования обеих букв очень значительны, но шли аналогичным путем; примечательно, что -*n*- и -*z*- в согдийском письме часто совпадали по форме.

№ 22 *r¹* — из с. *r*, с простой геометризацией буквы.

№ 24 *s¹* — из с. *s*; как и в случае с руническим знаком *m*, наличие ранних вариантов может отражать различные пути преобразования прототипа (две «рабочие плаформы»?).

№ 26 *š* — из с. *š*; графическая трансформация могла быть и не такой, как это показано в таблице.

№ 28 *t²* — из с. *t*, с простой геометризацией начертаний (ср. сходные по типу трансформации, легко объяснимые при создании лапидарного письма, в № 1, 2, 8+, 12, 15, 16, 22).

Руны, не имеющие прямых соответствий в согдийском алфавите, могли быть созданы различными путями. Знак № 17 *g²* скорее всего возник как зеркальное изображение с. *k* (ср. № 16); при этом следует учитывать, что в согдийском буква обозначала не только фонему |k|, но и ее аллофон [g]. № 6 ö/ÿ может быть понят как происходящий из диграммы — сочетания с. *w+y* (ср. аналогичное выражение ö, ÿ в уйгурском письме посредством *wy*). № 10 *d¹* можно связать с *d* пенджикентской азбуки; предложенный в таблице путь преобразования этой

²⁸ Ср. δ<*d* в ягнобском языке, продолжающем один из согдийских диалектов.

²⁹ См.: Von Le Coq A. Türkische Manichaica aus Chotscho, III. — Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Kl., 1922, N 2, S. 22; Henning W. B. Sogdian loan-words in New Persian, — Bulletin of the School of Oriental Studies, X, pt. I, 1939, p. 97.

буквы — один из многих возможных. Для № 27 *t¹* ясного прототипа не видно, наиболее вероятной кажется связь с с. *t* пенджикентской азбуки. Возведение № 25 *s²* к с. *h* весьма сомнительно, более вероятно считать этот знак изобретенным, равно как и № 14 *γ* (или из с. *γ?*) и № 23 *r²* (или модификация с. *r?* Ср. № 22). Знаки *η*, *j* (*ñ*), не включенные в таблицу, как и 7 «периферийных» знаков, также могут рассматриваться как изобретенные.

Создание двух серий графем — твердорядных и мягкорядных (10 пар знаков в ранних орхонских памятниках) — было, несомненно, наиболее оригинальной идеей творцов рунической письменности. Осуществление ее обусловило своеобразное, экономное и весьма точное отражение на письме древнетюркской фонологической и морфонологической структуры. Принципы обозначения гласных, во многом определяющие орфографию рунических памятников, основаны на глубоком понимании тюркского сингармонизма и связанной с ним «предсказуемости» фонетической структуры неначальных слогов. Состав группы «обоюдорядных» (амбивалентных) графем свидетельствует о том, что создатели руники тонко понимали особенности структуры древнетюркских начальных слогов; ср., например, отсутствие собственно древнетюркских слов с начальными *č*-, *p*-, *š*-, *z*-, почти полное отсутствие (по крайней мере, в некоторых древнетюркских диалектах) слов с начальным *t*- и соответственно наличие только «обоюдорядных» графем *č*, *p*, *š*, *z*, *t* в орхонской рунике³⁰. Избранные принципы обозначения гласных привели к усилению в письме силлабического начала. Примечательно, что согдийской письменности была присуща противоположная тенденция — обозначение, хотя и нерегулярное, с помощью *'*, *y*, *w* (и сочетаний *'y*, *'w*) всех гласных и соответственно усиление звукового начала по сравнению с арамейским прототипом. Своебразие выражения гласных в древнетюркской рунике выступает особенно ясно при сопоставлении ее с уйгурской письменностью, в которой способы обозначения гласных первоначально лишь в некоторых деталях отличались от согдийской³¹.

Мы сознаем, что предложенные графические сопоставления и комментарий могут лишь несколько уточнить и дополнить согдийскую версию происхождения руники, разработанную уже Р. Готье; эта версия и ныне остается только гипотезой, хотя и наиболее правдоподобной.

³⁰ Труднее объяснить наличие знаков *n¹* и *n²*, поскольку фонема |n| в начальной позиции в собственно древнетюркской лексике также не зафиксирована.

³¹ См.: Von Gabain A. Alt-türkische in sogdischer Schrift. — In: Hungaro-Turcica Studies in Honour of J. Németh. Budapest, 1976, p. 69—77.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СЕМАНТИКА ИССЫКСКОГО ГОЛОВНОГО УБОРА

Хорошая сохранность захоронения в кургане «Иссык» дала возможность реконструировать одежду, головной убор, воссоздать систему размещения на них золотых украшений¹.

Иссыкский головной убор (кулах²) очень сложен по своему оформлению (рис. 1, 1). И все-таки по ряду признаков он имеет аналогии у древних индоевропейских и не индоевропейских народов. Аналогии можно найти среди изображений на рельефах, в скульптуре, торевтике, в росписях, петроглифах, наконец среди реконструированных головных уборов из скифских и сакских курганов.

Материалы, которые мы использовали, имеют широкий хронологический диапазон. Некоторые из них разного происхождения. Однако эти головные уборы объединяет ярко выраженная культовая функция и сходное орнаментальное оформление.

Иссыкской головной убор — это высокий (до 65 см) прямостоящий конический колпак с нащечными лопастями, или наушниками, и полу-круглым языком, прикрывающим шею. В композиции его орнаментов была запечатлена картина организованного космоса: три сферы, сквозь которые прорастает солнечное Мировое дерево; 4 угла, или стороны све-

¹ Акишев К. А. Курган «Иссык». М., 1978. В реконструкции А. К. Акишева есть цезиантельные отличия. (См.: Акишев А. К. Искусство и идеология саков Семиречья. Автореф. Дис. ... канд. истор. наук. — Алма-Ата, 1980).

² Термин кулах принят условно. *Kulāh* — шапка в зороастрийском пехлеви и новоперсидском (келе, кюло, гюлэ, кулох — остроконечная шапка в совр. тюрк.). Видимо, это диалектная форма с *l* от «шапка». Старое написание известно из надписи Каира в Кааба и Зартунит — *kul'ru* — шапка. Более позднее *kylāf* (см.: Bailey H. W. Ariana «Orientalia Suecana». Uppsala, 1955, p. 9, 10) перешло в тюркские. В казахском *кулакшын* — ушанка, колпак. Греки передавали древнеперсидское наименование мидийской шапки как *χυρβασίη*, *kurbasia* — восходит к *kurgrasa* (*Ibid*, p. 11). Вероятно, *kurgrasa* у иранцев назывался головной убор типа куль-обского с лопастями для прикрытия щек. Этот термин будет употребляться нами для обозначения похожего головного убора из кургана «Иссык».

та, с «локопалами», а в центре диаграммы — образ четырех солнечных коней (ипостаси Митры или других солнечных богов, например Ашвинов) ³.

Можно предполагать, что иссыкский кулах был сшит из кожи или имел внутри плотную основу (дерево, войлок). Иначе конец шапки, перегруженный всевозможными украшениями, загибался бы, что привело бы к поломке деталей оформления, но главное — нарушилась бы композиция, а она имела важнейшее политическое значение. Высокие (в среднем 70 см) и богато украшенные амулетами свадебные казахские колпаки — саукеле (рис. 1, 4) обязательно имели основу из картона или дерева ⁴. В Пазырыкском кургане найден головной убор, вырезанный из

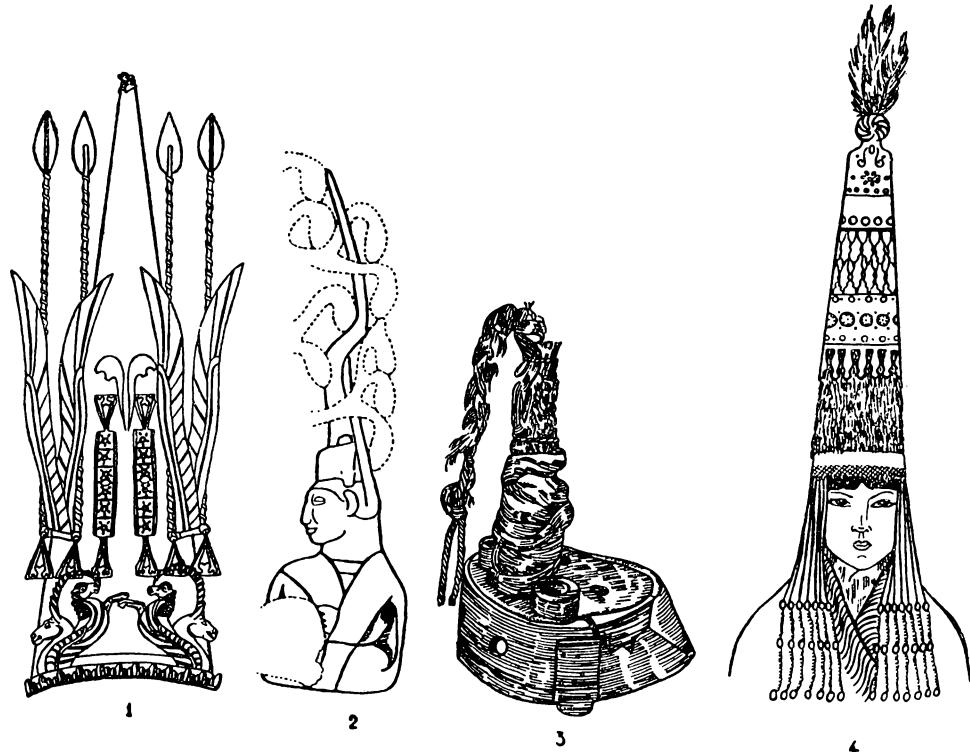

Рис. 1. 1 — иссыкский головной убор. Фас; 2 — деталь изображения на золотой бляхе «Отдых в пути». Сибирская коллекция; 3 — головной убор из Пазырыкского кургана; 4 — саукеле

дерева. Сверху он имел круглые отверстия для накладных кос, которые должны были держаться вертикально. М. П. Грязнов сопоставил этот головной убор с изображением шапки на золотой бляхе с так называемым мотивом «отдыха в пути» (рис. 1, 2, 3). Шапка имеет непонятную

³ Акишев А. К. Искусство и идеология саков Семиречья. — КСИА, М., 1978, № 154; Он же. Искусство и идеология саков Семиречья. Автореф. Дис. ... канд. истор. наук. — Алма-Ата, 1980.

⁴ Захарова И. В., Ходжаева Р. Д. Казахская национальная одежда XIX — начала XX века. Алма-Ата, 1964, с. 110—114.

высокую «мачту»⁵. Деревянная основа для высоких шапок типа иссыкского, может быть, была похожа на такую конструкцию.

Высокие остроконечные шапки были широко известны в скифо-сакском мире.

В древних описаниях и иконографии нередко отражался этнографический веризм, благодаря чему мы различаем изображения разных народов. Например, на рельефе лестницы в ападану Персеполя или на гробнице Дария в Бехистуне изображена какая-то группа саков в похожих на иссыкскую остроконечных шапках⁶ с нащечниками, нашейным

Рис. 2. 1 — изображение сака-тиграхауда на лестнице в ападану Персеполя; 2 — сак Скуиха. Рельеф на Бехистунской скале; 3 — изображение демона на Картагинской диадеме; 4—10 — изображения атраванов на вотивах из «Сокровища Окса»

языком и то ли прошитые кантом вокруг головы на уровне лба, то ли обвязанные ремешком⁷ (рис. 2, 1). В такой же шапке, но со свернутыми наподобие бараньих рогов нащечниками (?) изображен вождь саков —

⁵ Грязнов М. П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири. — В кн.: Археологический сборник, вып. 3. Л., 1961, рис. 8, а, б; 10, а, б; 11, 12; Курьер ЮНЕСКО, 1977, январь, с. 26—27.

⁶ Реконструкция иссыкской шапки очень точна благодаря уникальной сохранности всех дателей *in situ*, которые располагались в соответствии с формой и «конструкцией» шапки; как образец взяты изображения из Персеполя и с Бехистунской скалы.

⁷ Эта деталь (например, лента у основания тулы современных шляп) очень древнего происхождения. (См.: Тэйлор Э. Первобытная культура. М., 1939, с. 137).

тиграхауда (*saka-tigrahauda*) Скунха. Его фигура замыкает вереницу покоренных Ахеменидом царей⁸ (рис. 2, 2).

Шапка типа тиграхауда, кажется, была этническим признаком саков. Ее отождествляет с *saka-tigrahauda* этимология: «саки с острыми шапками», упоминаемыми в накш-и-рустамском списке⁹.

Рис. 3. 1 — реконструкция женского головного убора из Чертомлыка; 2 — изображение всадника-сака на остряке из Кой-Крылган калы; 3 — деталь скульптуры из Халчаяна; 4 — скиф. Изображение на сосуде из Куль-обы; 5 — парфянский катафрактарий: графити из Дура-Европас; 6 — «основатель ламаизма» — цзонкоба. Бронзовая скульптура; 7 — Митра. Рельеф из Немруд-дага

Геродот в числе скифских племен называет ортокарибантев¹⁰. Этноним является калькой с тиграхауда. Но, перечисляя пешее войско Ксеркса, он сообщает, что и амюргии (саки-хаумоварга) носили прямо-

⁸ King L. W., Thompson R. C. The Sculptures and Inscription of Darius Great on the Rock of Behistun in Persia. London, 1907, pl. XVI, N 5; Дьяконов И. М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. М.—Л., 1956, рис. 43, с. 249; Ghirshman R. Perse. Protoiranians, Medes, Achemenides. Paris, 1963, p. 129—237; Артамонов М. И. Сокровища саков. М., 1973, рис. 3—5; Дандалаев М. А. Иран при первых ахеменидах. М., 1963, с. 269; Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968, с. 52.

⁹ Струве В. В. Этюды по истории..., с. 56, 109.

¹⁰ Геродот, III, 92.

стоящие шапки с острым концом¹¹. Комментируя эти данные, В. В. Струве предположил, что остроконечные шапки были этническим символом только сако-тиграхауда (ортокарibanтиев). Саки-тиграхауда носили их всегда, амюргии — лишь в военных походах¹². Ранее, по мнению В. В. Струве, у амюргиев это был также повседневный головной убор. В свое время Г. И. Боровка считал, что скифские кулахи были не столько повседневными, сколько культовыми головными уборами¹³.

Заманчиво использовать сходство иссыкского головного убора с кулахом типа тиграхауда, например, для обоснования гипотезы о расселении сакских племен, но нужно учитывать тот факт, что изображение Скунхи — это изображение не просто сака, а «главного из них», т. е. вождя. На лестнице в ападану также представлены образы не средних саков, а представителей союза, значит, или очень знатных, или вождей отдельных племен, так как символика рельефов связана с имперскими праздниками¹⁴. Может быть, головные уборы типа тиграхауда были кастовой привилегией сакских вождей.

Древнему искусству демократизм был чужд, и поэтому, прежде чем реконструировать обычный костюм сака или скифа, стоит задуматься: будет ли реконструкция достоверной. Скорее, мы получим реконструкцию богатого, кастового костюма. Еще более вероятно, что это будет культовый костюм. Для мифологического сознания и, следовательно, для художественно-образного строя древнего искусства ценностно только сакрализованное. Сакрализован мог быть и обычный головной убор, но тогда он должен был впоследствии приобретать особые отличительные признаки, выделяющие его из числа других. Естественно, что с развитием идеологии в первую очередь должны были сакрализоваться все атрибуты, связанные с властью (светской и религиозной): они становились регалиями. Головные уборы типа тиграхауда на изображениях из Сибири¹⁵, на остряке из Кой-Крылган калы в Хорезме периода Сиявущидов, в коропластике Халчаяна эпохи сако-юечжийского «штурма Бактрии» и кушанского времени (рис. 3, 2, 3), на граффити с изображениями парфянских катафрактариев из Дура-Европас (рис. 3, 5), на каргалинской диадеме из Семиречья (рис. 2, 3) — это принадлежность элиты. Но этот тип головных уборов развился из обычного кочевнического колпака вроде куль-обского. Г. В. Бэйли, анализируя терминологию, связанную с одеждой, в индоевропейских языках, доказывает ее древние

¹¹ Геродот, VII, 64.

¹² Струве В. В. Этюды по истории..., с. 56.

¹³ Боровка Г. И. Женские головные уборы Чертомлынского кургана. — ИРАИМК, т. 1, 1921, с. 169—193.

¹⁴ Pone A. U. Persepolis as a Ritual City. — Archaeology, 1957, 10, p. 123—130; Duchesne-Guillemin J. A la recherche d'un «art mazdéen». — V Congress of Iranian Art and Archaeology. Teheran, 1972, p. 265—270; Уилбер Д. Персеполь. Археологические раскопки резиденции персидских царей. М., 1977, с. 94—95.

¹⁵ Оглохтинская писаница, которую Н. Л. Членова сопоставляет с изображениями саков-тиграхауда. (См.: Вяткина К. В. 1961, с. 193, рис. 1; Членова Н. Л. Об оленных камнях Монголии и Сибири. — В кн.: Монгольский археологический сборник. М., 1962, с. 193; Она же. Происхождение и ранняя история племен татарской культуры. М., 1967, с. 142). Ср. также оленные камни из Алтая и Монголии.

истоки¹⁶. В принципе головные уборы типа кулаха необходимы в странах с резко континентальным климатом, где летом жарко, а зимой дуют ледяные ветры¹⁷. Их покрой незамысловат, и они вполне могли появиться у разных народов независимо. Однако в скифо-сакской среде они известны чаще всего как особые, военные или культовые, головные уборы. Помимо них существовали и другие виды головных уборов. В скифо-сакское время такие шапки были уже дифференцированы как социальные знаки, что, возможно, произошло еще во времена индоевропейского единства.

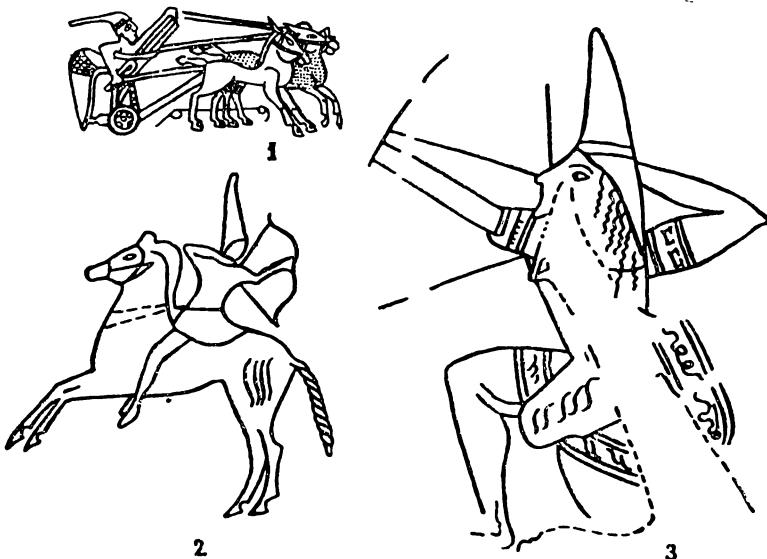

Рис. 4. 1 — изображение колесницы на ситеуле из Куффарна. Этруски; 2, 3 — изображения киммерийцев

Кулахи типа тиграхауда, очевидно, появились у индоевропейцев очень рано. Как церемониальные и культовые они известны с досакского времени. Очень ранние головные уборы этого типа, кажется, изображены на поздних окуневских стелах так называемого тас-хазинского типа¹⁸, связанного с проникновением в окуневские ареалы андроновцев. Головной убор да и вся одежда из Иссыка напоминает колпаки и одежду жрецов хеттов, известные по рельефам из Сакчегеза, Богазкека и Кар-

¹⁶ Bailey A. W. Uppsala, 1955, II Equipment.

¹⁷ Dalton O. M. The treasure of the Oxus with other objects from ancient Persia and India. London, 1905, p. 50.

¹⁸ Вадецкая Э. Б. Древние идолы Енисея. Л., 1967; Леонтьев Н. В. Наскальные рисунки Коровьего Лога (к вопросу о перинодизации антропоморфных изображений окуневской культуры). — Известия Сибирского отделения АН СССР, 11, вып. 3, серия общественных наук, 1976, с. 128—136, рис. 2, 5, 4, 3.

кемиша¹⁹. Г. И. Боровка остроконечный головной убор считал изобретением хеттов, а скифский — дериватом хеттского²⁰. Хетты, судя по изображениям, чаще носили колпаки без лопастей. Однако воины (изображение в Богазкее Хаттусасе) носили уборы, закрывающие щеки и шею и, видимо, имеющие по краю валик окольыша, что придавало убору жесткость.

Авеста упоминает воинов в остроконечных шлемах (Яшт, 9, 30), но неясно, были ли эти шлемы похожи на прямостоящие кулахи. Возможно, высокие прямостоящие шапки носили и киммерийцы. На одной этрусской вазе (середина VI в. до н. э.) изображен всадник, стреляющий из лука на скаку, полуобернувшись назад. На голове его высокий прямой колпак, кажется, с языком, закрывающим шею. На греческой вазе есть изображение киммерийца-лучника или скифа в высоком колпаке с окольышем²¹ (рис. 4, 2, 3).

Скифы знали несколько разновидностей головных уборов: женские, мужские, жреческие и царские, типа кулафа, тиары, башлыка и колпака²². Но наиболее древним и, вероятно, ставшим культовым, был простой невысокий мягкий колпак — *kurgrasa* с вырезом для лица (рис. 3, 1, 4). Судя по изображению на сосуде из Куль-Обы (рис. 3, 4), у скифских кулахов нащечники не были отделены от нашейного языка. К армированным броней военным башлыкам они крепились отдельно. Нащечные лопасти у шапок, по археологическим источникам, известны в основном у саков Средней Азии. Они, должно быть, как-то завязывались под подбородком, чтобы шапка не сваливалась с головы во время верховой езды. Не от нащечников ли ведет свое происхождение зороастриское забрало, предохраняющее священный огонь от осквернения дыханием? Головные уборы магов, или атраванов, как предполагает О. М. Дальтон, ведут свое происхождение от обычных кулахов кочевников²³. У атраванов было несколько видов головных уборов. Среди более ста изображений на вотивных пластинках «Сокровища Окса» («Амударынский клад»), правда, нет ни одного головного убора, полностью соответствующего типу *tigrashaunda*: то тулья шапки мягко опущена вниз, то шапка имеет вид тиары или башлыка, то изображен и вовсе непонятный головной убор с каким-то козырьком наверху²⁴, напоминающий шапку.

¹⁹ Meyer G. R. Durch vier Jahrtausende alt vor der asiatischer Kultur. Berlin, 1962, t. 3; Weber Q. Die Kunst der Hethiter. Berlin, s. a., taf. 46, 14; Zimmer H. The Art of Indian Asia. Its Mythology and Transformations, vol. I—II. Bollingen series XXXIX, Kingsport, 1955, p. 42—43, fig. 1.

²⁰ Боровка Г. И. Женские головные уборы Чертомлыкского кургана, с. 169—192.

²¹ Дьяконов И. М. История Мидии..., с. 249, рис. 40; Граков Б. Н. Ранний железный век. М., 1977, рис. 71.

В высоких остроконечных шапках изображены колесничий на рельефе ситулы (рис. 4, 1) из Куффарна. Хотя ситула обнаружена в гальштатском могильнике, вероятно ее этрусское происхождение. (См.: Граков Б. Н. Ранний железный век, с. 41, рис. 21).

²² Мирошина Т. В. Об одном типе скифских головных уборов. — СА, 1977, № 3, с. 79—94.

²³ Dalton O. M. Op. cit., p. 48f.

²⁴ Ibid, pl. XIII, N 48, 49, p. 94—95, pl. XIV, N 51, 69, p. 97, N 70, 74, p. 97—98, N 75, p. 98; Ghirshman R. Op. cit., fig. 120, p. 90—94, 245—250, fig. 121.

Только на одной из пластинок атраван изображен в очень высоком и остром головном уборе, кажется, стилизованном под козлиный рог, но конец шапки загнут²⁵ (рис. 2, 4—10).

Есть черты, сближающие головные уборы жрецов на вотивах из Амударьинского клада и шапку из Иссыка. Многие головные уборы атраванов явно имеют язык сзади²⁶, а по окружности головы, на уровне лба, перехвачены повязкой (?), концы которой иногда завязаны сзади; нашечники иной раз соединены перед ртом и образуют забрало²⁷. В одном случае лопасти, вероятно, подвязаны под подбородком, а забрало закреплено отдельно; в другом — забрало спускается сверху, а концы повязки видны над лбом. Обращают внимание налобные утолщения и клювообразные козырьки на некоторых уборах²⁸. В Иссыке на лобной части околыша закреплена скульптурная эмблема в виде совмещенных протомов коней. О. М. Дальтон, предположивший, что на вотивных пластинках изображены маги, выполнившие роль жрецов, или атраваны (*aθgravan* Авесты) — жрецы огня, сопоставил принадлежавшие им атрибуты с 12 зороастрийскими инструментами Авесты²⁹. Головные уборы с забралом, таким образом, были ритуальными. Это обычные кулахи, переосмыслиенные и несколько видоизмененные в религиозном духе. Носили их, как и иссыкский кулах, скорее всего жрецы или вожди, выполнявшие главные религиозные обряды.

Ритуальными были головные уборы ахеменидских царей³⁰. Чаще всего они были цилиндрическими или же в форме короны. Иногда использовались *kirgrasa* «мидийского образца»³¹, причем, согласно Ксенофонту³², коническую прямую тиару мог носить только царь; у остальных вельмож ее конец загибался вниз. Последнее, должно быть, означало подчиненное положение. Прямая тиара тоже имела символическое значение, ведь в индоиранской теократической идеологии царь есть воплощение бога, его действия — реализация воли бога, а одежда — это одежда бога³³. В царской короне или в цилиндрической тиаре, например,

²⁵ Dalton O. M. Op. cit., pl. XIV, N 84, p. 99.

v

²⁶ В Авесте встречается термин *kurīs*, означающий защиту для шеи, пристегивающуюся к шлему сзади и спускающуюся до панциря. (См.: Bailey H. W. Op. cit., p. 8). Вероятно, *kurīt* происходит от слова, обозначающего язык кулаха или башлыка, армированный броней. *Kurīt* — восьмой атрибут в списке 12 частей снаряжения зороастрийского воина. (Видевдат, 14.9; Herzfeld E. Zoroaster and His World, vol. I-II. Princeton, 1947, p. 786).

²⁷ Dalton O. M. Op. cit., pl. XIV, N 69, 75, XIII, N 49; Ghirshman R. Op. cit., fig. 120—121.

Г. В. Бэйли переводит авестийское *paiti* — *dāna* как «защитная броня под панцирем» (*zrēh*). (См.: Bailey H. W. Op. cit., p. 6), тогда как О. М. Дальтон усматривает за этим термином повязку для рта, т. е. забрало (См.: Dalton O. M. Op. cit., p. 46—47). Страбон при описании войлочных тиар у персидских жрецов в Каппадокии упоминает и нашечники, закрывающие даже губы (*Strabon*, XV, III).

²⁸ Dalton O. M. Op. cit., pl. XIII, N 48, 49, XIV, N 70.

²⁹ Ibid, p. 46—47.

³⁰ Widengren G. The Sacral Kingship of Iran. — La Regalita Sacra. Leiden, 1955, pp. 253—254.

³¹ Dalton O. M. Op. cit., p. 52.

³² Ксенофонт. Киропедия, VIII, III, с. 13.

³³ Widengren G. Op. cit., p. 242—258.

изображали Ахура-Мазду. Характерно, что высокие прямые головные уборы с космологической символикой входят в иконографический канон митранстских, индуистских и буддийских богов и святых, например, в коническом прямом колпаке типа *tigrashaúda* иногда фигурирует Майтрея, деришат Митры; последний на митранстских рельефах изображался во фригийской шапке³⁴ (рис. 3, 7).

Превращение военного головного убора в инвеститурный символ хорошо иллюстрируют материалы эпохи эллинизма, особенно времени воцарения так называемых сако-юечжийских династов в государствах Азии. Лучник на реверсах аршакидских парфянских драхм имеет на голове мягкий кулах с наушниками³⁵. Кулах был инвеститурным атрибутом в Хорезме и у ранних сасанидов³⁶. Мягкий кулах на золотых бляшках мы видим у всадника из семиреченского кургана Тенлик (усуньское время), высокие прямые колпаки типа *saka-tigrashaúda* — на шаманах или демонах «сян» каргалинской диадемы (рис. 2, 3). Теперь головной убор стал признаком представителей верховной власти государства. Он имел уже исключительно социально-идеологическую функцию.

Интересно, что высокие и неудобные конические колпаки вроде иссыкского сохранялись веками исключительно в консервативной сфере. Совсем недавно высокий прямой колпак (куле или гюле, кулох) был ритуальным головным убором у сибирских, казахских, киргизских, среднесибирских и монгольских шаманов³⁷. Параллели (а есть основания считать, что существовали и прямые связи) между шаманством и древней индоиранской религиозной практикой отмечались не раз³⁸. Казахские саукеле³⁹ связаны со свадебным ритуалом. Любопытно, что у некоторых посетителей Музея археологии АН Казахской ССР иссыкский кулах вызывает ассоциацию именно с саукеле. Саукеле обычно имело вид конуса, иногда усеченного, как и иссыкский кулах, чаще всего красного цвета, лопасти-наушники, нередко — шлейф сзади, закрывающий лицо. Спереди саукеле обшивалось бляхами: розетками, листиками, мо-

³⁴ Zaeher R. C. *The Dawn and Twilight of Zoroastranism*. — History of Religion, London, 1961, fig. 24; Campbell L. A. *Mithraic Iconography and Ideology*. Leiden, 1968, p. 23 f.

³⁵ Wroth W. *Catalogue of the Coins of Parthia*. London, 1903.

³⁶ Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, рис. 65, Ж; Лукин В. Г. Иран в эпоху первых Сасанидов. Л., 1961, с. 52.

³⁷ Владимицов Б. Я. Этнолого-лингвистические исследования в Урге-Ургинском и Кентейском районах. — В кн.: Северная Монголия. Вып. II. Л., 1927, с. 26—27; Семенов-Тян-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 гг. М., 1946, с. 195; Маргулан А. Х. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане. — Известия АПК Казахской ССР, серия археологическая, вып. 3. Алма-Ата, 1951, с. 31; Абрамзон С. М. К характеристике шаманства в старом быту киргизов. — КСИЭ, вып. XXX. М., 1958, с. 145—146; Он же. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971, с. 313.

³⁸ См., например: Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. М., 1974.

³⁹ Аналог у киргизов — шокуло, куле, гюле, у узбеков — кулох, у каракалпаков — саукеле, у кундровских татар, удмуртов — айшон, мордвы — турка и панга, чувашей — кашнуши, башкиров — кашмау и каляпуш.

нетками, а также украшалось пучками перьев лебедя или филина и растительным орнаментом. Его носили со дня свадьбы до рождения первого ребенка⁴⁰.

Сходство иссыкского кулаха и саукеле привлекает внимание особенно потому, что у многих народов коронация бывает терминологически близка к бракосочетанию.

Иссыкский головной убор являл сакральную модель космоса, организованного мифологического пространства и времени. На нем в сжатой, но емкой форме отражена концепция мироздания — стержень идеологии саков Семиречья, оставивших курган «Иссык». Это был племенной символ веры. Возложение головного убора на вождя, поднимавшее его до уровня божества, прокламировало его божественное избрание. Все изображения на шапке: крылья, звери — инкарнации богов, растительные и геометрические орнаменты — служат пропаганде племенной идеологии. Соответствующие догматика и обряды в азиатских «варварских империях» эпохи эллинизма были не во всем заимствованы из практики государств древнего Востока (Бактрия, Хорезм, Парфия, Иран и т. д.); иссыкские материалы доказывают, что они стали этапом развития теократической концепции власти и культа племенного вождя стадии военной демократии и сложения союзов племен. Значения «сако-юечжийских» корон были сходными, как сходны были символы, которыми они украшались. Они отражали три традиционные формулы теократии: 1) владыка народов волею божьей; 2) подобный богу; бог-«mediator»; 3) властелин четырех сторон света.

Для мифологического мышления ассоциация социокосм (государство или, ранее, союз племен) и макрокосм была естественной. В идеологии племени и государства вождь или царь провозглашался центром мира и образом Народа, а его корона соответственно обладала функцией и этнического индикатора, как тамга, герб, эмблема⁴¹. Соответственно развитию государственного аппарата развивалась иерархия инвестируемых символов — различных частиц той божественной сущности, которой была главная корона царя. Может быть, эта иерархия первоначально была повторением субординации инвестируемых символов в структуре племени или союза?

Для пояснения вышеуказанных тезисов остановимся на типологических и семантических параллелях символам на иссыкском головном уборе.

Если как признак нашего головного убора выделить ореол золотых солнечных стрел и крыльев, то он отвечает иконографическому канону образов солярных богов, в соответствии с которым одевались служители

⁴⁰ Захарова И. В., Ходжаева Р. Д. Казахская национальная одежда..., с. 110—114; Касиманов С. Қазак халқының қол өнері. Алматы, 1969, 187—189-б.

⁴¹ Многие исследователи полагают, что изображения в зверином стиле имели функцию этно-социальных индикаторов. (См., например: Григорьев Г. В. Келесская степь в археологическом отношении. — Известия АН КазССР, серия археологическая, 1948, с. 58; Грибова Л. С. Пермский звериный стиль (проблемы семантики). М., 1975). Функция этно-социального символа объясняет длительное переживание в культурах некогда тотемных образов. (См. подробно: Lévi-Strauss C. Le totémisme aujourd’hui. Paris, 1962).

их культов⁴². Так, например, изображен Митра на перстне-печатке из Иссыка. Если взять в качестве основного признака иссыкского головного убора изображение на нем картины организованного космоса, то окажутся изоморфными с ним, например, конические головные уборы

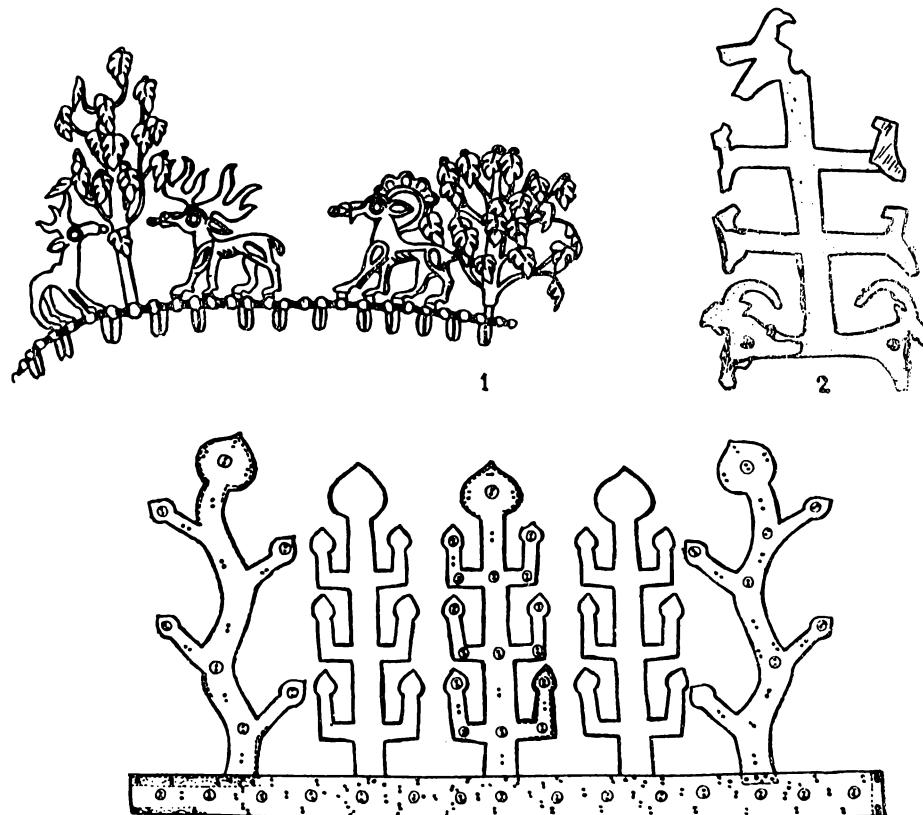

Рис. 5. 1 — новочеркасская диадема. Деталь; 2 — бронзовое украшение из могильника Усть-Лабинский; 3 — диадема из царской гробницы Кинкан-цука. Южная Корея или прически в неолитической антропоморфной скульптуре Хаджилара (Анатолия). Скульптуры, изображавшие богинь земли, в своем строении моделировали вертикальную космограмму, т. е. выражали контекст

⁴² Афанасьева В. К., Дьяконов И. М. Об основных этапах развития изобразительного искусства древнего Шумера. — ТГЭ, т. V. Л., 1961, с. 14, 15, рис. 8; Barnett R. D. Assyrische Palastreliefs. Prague, taf. 54; Zaehner R. C. Op. cit., fig., 24; Campbell L. A. Op. cit., p. 101, 103, 134; Луконин В. Г. Культура сасанидского Ирана. М., 1969, с. 84; Он же. Иран в эпоху первых Сасанидов, с. 155—156; Он же. Искусство древнего Ирана. М., 1977, с. 180; Агулай. Метаморфозы. XI, 24, 29; Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX — начала XX в.). — В кн.: Народы Севера и Дальнего Востока. М.—Л., 1963.

Мирового дерева; аналогичную семантику имела, например, золотая диадема шумерской царицы Шубад с фигурами мифических животных и Мировым деревом⁴³; навесы ритуальных головных уборов у китайских императоров⁴⁴. По сходству головного убора космограммой к «Иссыку» близки и скифская царская тиара из Чертомлыка, и пектораль из Толстой могилы⁴⁵, и многие сако-юечжийские короны эпохи эллинизма (рис. 5, 1). Последние и головные уборы кушан, сасанидов и эфталитов дают ближайшие аналогии символам на иссыкском кулахе.

Изображениям корон на монетах, фресках, произведениях торевтики и анализу письменных сведений об инвеститурных символах посвящено много работ⁴⁶. С. П. Толстов указывал на взаимосвязи типов корон в виде зверей и птиц у династов Средней и Центральной Азии, Индии и Ирана со временем «штурма Бактрии» до эпохи сасанидов. Он полагал, что наиболее ранние короны возникли на юечжийской основе, они были простыми, как, например, кулах в виде головы птицы на керамической фляге из Кой-Крылган калы⁴⁷. Такие уборы распространились с парфянского и кушанского времени и особенно с III в. н. э.⁴⁸ Находка в Иссыке доказывает, что инвеститурные кулахи и короны «варварских государств» — это головные уборы сакских племенных вождей, препрезентирующие уже государственную идеологию. В эпоху эллинизма они попросту стали широко «тиражированными» монетным чеканом. По выражению Г. А. Кошеленко, монета служила «средством пропаганды определенных идей... Вся система символов, помещенных на монете, отражала определенные идеологические концепции...»⁴⁸. Изображение владыки в короне сакрализовывало монету. Корона, кулах или инвеститурные эмблемы на монете играли ту же роль, что и герб страны. На участие саков Семиречья в этнических процессах, приведших к сложению сако-юечжийских государств, помимо аналогии «иссыкскому письму» в кушанской дашт-и-навурской трилингве может указывать тот факт, что центральный солярный символ на иссыкской шапке в виде протомов коней с четырьмя стрелами, возможно, является изобрази-

⁴³ Вулли У. Ур халдеев. М., 1961, с. 68; Антонова Е. В. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1977, с. 78—113, табл. XVI, XVII, XIX, XX.

⁴⁴ Они совмещали круг и квадрат — символы единения Неба и Земли. (См.: Сычев Л. П. Китайский декор как часть единой системы космологических символов. — Научные сообщения ГМИИ. Вып. IX. М., 1977, с. 124).

⁴⁵ Курьер ЮНЕСКО, 1977, январь, с. 19, 24. Здесь запечатлена «проекция» вертикальной схемы на горизонтальный «срез».

⁴⁶ Herzfeld E. Kushano-Sassanidai coins. — MASI, Calcutta, 1930, N 38; Erdman K. Die Entwicklung der Sasanidische Krone. — Ars Islamica, VI, Paris, 1951; Göbl R. Investitur im sassanidischen Iran. — Wiener des Morgenlandes, Bd. 56, 1960; Jänichen H. Bildzeichen der Königlichen Hoheit bei den iranischen Völkern. — Antiquitas, Reihe 1, Aza G., Bd. 3; Луконин В. Г. Культура сасанидского Ирана, с. 177—180, табл. XVIII; Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977, и др.

⁴⁷ Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, с. 177, рис. 65.

⁴⁸ Кошеленко Г. А. Царская власть и ее обоснование в ранней Парфии. — В кн.: История Иранского государства и культуры. К 2500-летию Иранского государства. М., 1971, с. 212.

тельным «дешифрующим» прототипом тамги — «царского знака» Великих Кушан.

Широкие соответствия символики на различных коронах династов сако-юечжийского происхождения доказывают и их этногенетические связи и сходство религиозно-мифологических представлений, сложившихся на общей индоиранской основе. С другой стороны, они отражают единые пути социально-политического развития. Закономерно, что в новых империях, где к власти приходили вожди сакских племен и союзов, племенная реликвия (церемониальный головной убор) становилась общегосударственным символом. Это хорошо характеризует родо-племенные пережитки в сако-юечжийских государствах. Династы помнили о своем происхождении, а функции управления монополизировались представителями сако-юечжийских родов и племен. Китайские хроники сообщают, что владетели из Юйтянь (Хотан), Гуйцы (Кучи), Сулэ (Кашгар) и Цао (дом юечжей Чжаову) восседали на тронах в виде золотых коней, львов, носили золотые шляпы в виде зверьков, львов, рыб⁴⁹. Эти описания корон и кулахов известны нам по многочисленным изображениям эпохи эллинизма.

Иссыкский головной убор позволяет по-новому взглянуть на происхождение так называемой «орлиной короны», известной в Хорезме, Парфии, Согда, у кушан (Канишка, Васудева) и сасанидов⁵⁰. Такие короны, а также обычай зооморфных наверший на головных уборах существовали в Согда долгое время, о чем мы можем судить по изображениям на фресках Варахши, Пенджикента, Кизила и Кучи⁵¹. Б. И. Вайнберг считает, что «орлиная корона» хорезмийского происхождения. Из Хорезма она заимствована кушанами, а от поздних кушан или от царей Хорезма и Парфии ее перенял сасанид Шапур I⁵².

Как показывают материалы кургана «Иссык», обычай украшать короны вождей изображениями орлиных крыльев был у саков Средней Азии и Казахстана уже в IV в. до н. э. «Иссык» — не единственный памятник такого рода⁵³ (рис. 1, 1). Очень близки к иссыкским, а соответственно к сако-юечжийским крылатым кулахам и золотые изображения корон из гробниц ванов государства Силла (Корея, I в. до н. э.—VII в. н. э.). Короны надевались на колпак, на котором изображалась пара

⁴⁹ Бейшу, гл. 97, 147; 160—161, 163, 189; Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.—Л., 1950, с. 247, 256, 258, 276; Т. III. М.—Л., 1953, с. 147, 160, 162, 183, 186, 188; Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, с. 175, прим. 3.

⁵⁰ Вайнберг Б. И. Ранняя хорезмийская монета из собрания Самаркандинского музея и некоторые вопросы истории докушанской хорезмийской чеканки. — ВДИ, 1962, № 1, с. 128; Луконин В. Г. Культура сасанидского Ирана, табл. XIX, а.

⁵¹ Шишгин В. А. Варахша. М., 1963, табл. XIV; Беленицкий А. М. Новые памятники искусства древнего Пенджикента. Опыт иконографического истолкования. — Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., 1959, с. 32; Werner J. Nomadische gürtelbe Posen Byzantiner und Langobarden. — Problemi Attuali Di Scienza e Di Cultura, Roma, 1974, s. 114, abb. 4, (1); 3.

⁵² Вайнберг Б. И. Ранняя хорезмийская монета..., с. 128—129, прим. 17.

⁵³ Артамонов М. И. Сокровища саков. М., 1973, с. 189—190, рис. 241.

ажурных крыльев, предназначенных для полета вана в иной мир (по Саньго чжи — китайской династийной хронике «История троецарствия»). Короны украшались подвесками в виде рогов олена или в виде деревьев (корона из царской могилы Kinkan-Tsuka в Южной Корее). И. Вернер справедливо считает короны Силла каким-то образом связанными с эмблематикой хунну. Характерно, что похожие короны носили знатные сарматы. На некоторых из них Древо мира, как и в «Иссыке», «растет» из спины протомов козлов⁵⁴ (рис. 5, I—3). Золотые изображения крыльев украшали и тиары скифских царей (Чертомлык). Таким образом, происхождение «орлиных корон» у скифо-сакских и иранских народов, скорее, имело общую идеологическую основу, тогда как иконическое своеобразие «орлиных корон» сако-юечжийских династов намекает на их единое происхождение. Иссыкский кулах является одним из прототипов «орлиных корон».

Птица или ее перья, крылья и т. п. на коронах везде были связаны с идеей божественной инвестиции и ролью царя-жреца как посредника между людьми и миром богов. В древнем Египте солнечный бог Хор — покровитель фараонов изображался в виде парящего крылатого диска⁵⁵. Этот символ в Месопотамии стал царским штандартом. В Атхарваведе (АВ, III, 3) царь сравнивается с летящим соколом, а Геродот⁵⁶ приводит легенду о сне Кира, увидевшего будущего царя Дария парящим на крыльях, тень от которых падала на Азию и Европу. Если вспомнить, что ахемениды изображали Ахура-Мазду в одежде царя, причем, иногда фигура его выступала из солнечного крылатого диска, становится ясно, что и ахемениды считали крылья солнечной птицы и полет знаками божественной инвестиции. Как показывает Э. Херцфельд, у ахеменидов изображение царя под крылатым осеняющим его диском соотв-

ствовало идею царь *vasna* Огамаздаха волею бога, в тени бога. Аналогичный символизм у царских зонтов (с Саргона до абассидов и до сих

пор в Индии)⁵⁷. Хотя формула *vasna ahūgāmazdāha*, многократно повторяющаяся в надписях Дария и Ксеркса, не встречается в Авесте⁵⁸, сама теистическая идея царь — бог или персонификация его воли, несомненно, существовала у ираноариев, причем у них она строго связывалась с идеей порядка — артой (ашой). У ахеменидов орел стал штандартом царя⁵⁹. В Шах-намэ⁶⁰ имеется любопытный эпизод из сновидения Кей-ковада, одного из царей, обладавших хварном. Кей-ковад увидел,

⁵⁴ Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila Reiches B. Tafelteil. München, 1956, taf. 32, 2a, 66. I—3; Глухарева О. Н. Ювелирное искусство Силла. — В кн.: Корейское классическое искусство. М., 1972, с. 30—37, рис. 5, 6.

⁵⁵ Сказки и повести Древнего Египта. М., 1956, с. 29, прим. 2; Carter H. The Tomb of Tomb of Tutankhamen. London, 1972, p. 214.

⁵⁶ Геродот, I, 205—215.

⁵⁷ Curt, III, 3, 16; Herzfeld E. Op. cit., 1947, p. 817.

⁵⁸ Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968, с. 142.

⁵⁹ Ксенофонт. Киропедия, I.IV, 1—2; II.IV, 19—20; VII.I, 3—4; VIII.VII, 6—7; Он же. Арап. I, 10, 12.

⁶⁰ Фирдоуси. Шах-намэ, I, 10442—10446.

как два сокола увенчали его царским венцом. Этот мотив повторяется в византийских легендах о полете Александра. Сходные мотивы, видимо, общеиндийскоевропейские и, конечно, не удивительно, что они известны во многих сказках средне- и центральноазиатских народов. Вообще же символика орла как царской птицы охватывает не только Хорезм, Парфию, Согд и Средний Восток⁶¹, но и Сибирь⁶², Восточный Туркестан⁶³, многие другие районы мира вплоть до Южной и Северной Америки⁶⁴.

У иранцев, в частности саков, птицы крылья и перья на царских коронах, очевидно, отражают концепцию хварна, ведь в Авесте⁶⁵ хварн отлетает от первоцаря солнечного Имы в образе птицы Варган. Тожество корона — хварн было утверждшимся. Хотя Р. Гёбль сасанидскую корону с орлом связывает с Анахитой, В. Г. Луконин — с Вретрагной и птицей Варган, Б. И. Вайнберг — с Митрой, а А. М. Беленицкий птицу, венчающую царя на фреске из Пенджикента, считает эволюцией Ники и орла Зевса⁶⁶ — в любом случае корона должна была связываться с инвеститурной догматикой хварна.

С большей уверенностью можно видеть в зооморфных изображениях на коронах образы индоиранского пантеона, но полиформизм их инкарнаций не позволяет однозначно ответить на вопрос, какому божеству соответствует какая форма короны. Доказано только то, что у сасанидов и ахеменидов зубчатая корона была символом Ахура-Мазды, а лучистая — Митры. Золотые стрелы на иссыкском кулахе, помимо прочих значений, являли лучи солнца. В зороастрийской символике нимб или лучи вокруг головы Митры означали именно лучи солнца, символизирующие авестийское *cista* — проявление порядка и Религии. *Cista*, вероятно, проявлялась в виде разных животных, особенно птиц — *vargapna* инкарнации Веретрагны (*Vṛθragna* — Яшт XIX, 35) и в виде Сраоша. Австийские *Sraosa* или *Cista* и *Rasnu* фигурируют как спутники Митры. Лучистой (солнечной) короной во время праздника Михраган (ст.-перс. *mithrakana*) венчались сасаниды, что символически означало идею: царь — Митра на земле⁶⁷ и царь — *artava* или *asava* — при-

⁶¹ Вайнберг Б. И. Ранняя хорезмийская монета..., с. 128.

⁶² Штернберг К. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936, с. 112—116.

⁶³ Williams C. A. S. Outlines of Chinese Symbolism. Peiping, 1931, p. 141.

⁶⁴ Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки. М., 1974, с. 317; Серов С. Я. Динамика этногенетического мира инков. — В кн.: Этническая история и фольклор. М., 1977, с. 48—50.

⁶⁵ Яшт 14, 36; 19, 34—35; Herzfeld E. Iran in the ancient East. London—New York, 1941, p. 296; Вайнберг Б. И. Ранняя хорезмийская монета..., с. 127—128; Литвинский Б. А. Каппойско-сарматский фарн. Душанбе, 1968, с. 53—54.

⁶⁶ Göbl R. Op. cit., s. 37; Луконин В. Г. Иран в эпоху первых Сасанидов, с. 155—156; Вайнберг Б. И. Ранняя хорезмийская монета..., с. 128, прим. 11; Беленицкий А. М. Новые памятники..., с. 32.

⁶⁷ Луконин В. Г. Иран в эпоху первых Сасанидов, с. 155—156; Он же. Искусство древнего Ирана, с. 180; Zaeheher R. C. Op. cit., p. 139 f.; Campbell L. A. Op. cit., p. 103—104, 134; 185—188; Топоров В. П. Из наблюдений над этимологией слов мифологического характера. — В кн.: Этимология, 1967. М., 1969, с. 16.

частный к арта или аша, т. е. к праву, правде — порядку. Символика корон входит в солярные циклы, а корона отражает концепцию власти — порядок, «харизма власти». Различие символов, по мнению В. Г. Луконина, могло соответствовать иерархии власти; царь жаловал специальные головные уборы как знаки достоинства и степени знатности приближенного⁶⁸.

Иссыкский инвестирующий головной убор с солярной символикой отражает идею хварна, а фигурка золотого барана на его конце была широко распространенным символом Митры и хварна у североиранских народов⁶⁹. В то же время кулах выражает локализацию вождя в центре мира, ассоциируется с Древом мира, Горой или Варой⁷⁰. Символическая структура хварна оказываетсяозвучной организации макрокосма. Интересно, что в Авесте небесные космические горы Нага Вареса окружают хварн со всех сторон, как скорлупа яйца.

Диаграмма Вселенной на сако-юсчжийских коронах и коронах государств Азии эпохи эллинизма может быть закодирована в образах зверей и птиц — солярных инкарнаций. Царь в короне, таким образом, ассоциировался с Мировым древом и его эквивалентами: Гора, Столб, Ось мира, полет птицы вверх, движение солнца, огня. Согласно Бундахишну (GB, VB, 55.3), обращение солнца подобно короне вокруг мира. В цикле мифов о Митре он заставляет Солнце носить лучистую корону, в митраистских мистериях, отражавших прежде всего индоиранскую идеологию, его кулах ассоциируется с небом или мировой горой, оплодотворением и другими процессами и явлениями, образно выражаяющими идею единства дифференцированного космоса. Один из распространенных образов единства — полет птицы. В образе птицы спускается на царя сверху хварн, но орлиная корона означала и способность владыки к полету, поднимавшему его над народом (ср. эпитет «Высочество»). С полетом или движением по Мысленному древу ассоциировались, например, действия шаманов и жрецов во время камланий или подобных литургических действий.

Космология освящала царскую власть, а сам царь персонифицировал социальный организм (племя, союз, государство). Его власть в теологико-историческом аспекте как выражение социальной централизации трактовалась равнозначно явлению космического масштаба — ^vупорядочению, и в этом смысле хварна . перекликается с *ṛta* — *arta/asa*.

⁶⁸ Луконин В. Г. Иран в эпоху первых Сасанидов, с. 52—53.

⁶⁹ Литвинский Б. А. Кангюйско-сарматский фарн. Баран как символ хварна изображен на шлеме сасанидского шахиншаха Шапура II. (См.: Луконин В. Г. Искусство древнего Ирана, с. 210.).

⁷⁰ Конус и столб — обычный образ оси Вселенной в диаграммах типа «мандала» от сакских курильниц типа «бо-шань-лу» до, возможно, баз зороастрийских алтарей огня, тем более что в индоиранской религиозной литературе и лингвиях огонь — эсхатологический первопринцип Вселенной. На митраистских рельефах Митра обычно носит фригийскую шапку-небо (См.: РВ, III, 1, X, 45; Darmesteter, SBE, IV, р. 115; Campbell L. A. Op. cit., p. 23, 178; Лелеков Л. А. Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточноиранских народов в первой половине I тысячелетия до н. э. — В кн.: История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976, с. 7—18).

Царь — Генеалогическое древо, царь (или его действия в церемониях) — Мировое древо, царь — axis mundi, царь — территории и царь — бог — эти соотношения отвечают нормам последовательных семантических переносов и логике первоначально мифологического сознания, а потом — теократической и космократической идеологии с ее формулой — «мантрапой»: «я — царь царей, бог; царь четырех сторон света». Уже у племенного воождя, захороненного в Пазырыке 3, был головной убор с золотым навершием в виде четырех крестообразно расположенных зубцов⁷¹. Зубцы на коронах часто связываются только с архитектурным декором (мерлоны)⁷². Такую корону, по античным представлениям, носила богиня Великая мать:

В этом уборе теперь проносят по целому свету,
Ужас вселяя везде, божественной матери образ.

(Лукреций Кар. О природе вещей. М., 1958, II, 595—613).

Венец Великой матери, таким образом, символизировал космос, а поскольку защищено может быть только сакрализованное и организованное по космическим закономерностям, то и архитектурные конструкции в древности строились по принципу «янтры». Интересно, что в мерлонообразной короне, согласно Яшт 5, 128, изображалась Анахита, которая, возможно, является иранским дериватом переднеазиатской богини земли-матери. Мерлоны нередко встречаются на коронах эпохи эллинизма Средней и Передней Азии и, видимо, символизируют 4 угла света и упомянутую выше формулу — «манту», что было и лигатурой индоиранской идеи царь = *rāvan*. На коронах сасанидов между четырьмя углами иногда помещен шар⁷³, символика которого, возможно, связана с существовавшими в зороастрийской и ведической доктринах представлениями о космическом яйце — образе единого рождающегося мира⁷⁴. У иранцев божественное правление царя приравнивалось к блеску (*cīhr*), а его диада ассоциировалась с небесной степью (мировые горы) и с лучами солнца. Эта концепция ярко воплощена в орнаментах сакского головного убора из кургана «Иссык». В Махабхарате свет солнечных лучей приравнивается к космическому могуществу: они проникают во все стороны. Иранцы в одежде царя видели символ его власти над космосом.

Символика иссыкского головного убора сочетает тезис о сопричастности вождя к космологическим процессам с системой образов сакской

⁷¹ Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953, с. 113—114, табл. XCVI, 2.

⁷² См., например: Кошеленко Г. А. Культура Парфии. М., 1966, с. 209; Пугаченкова Г. А. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент, 1966, с. 51.

⁷³ Луконин В. Г. Культура сасанидского Ирана, табл. I—XXI.

⁷⁴ Рапопорт Ю. А. Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах. — В кн.: Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1977, с. 60–67.

мифологии. Он имел инвеститурные, церемониальные и культовые функции. Смерть и погребение вождя, рассматривающиеся как проявление медитации: перенесения или рождения в новом мире, на небе⁷⁵, — эти события (вернее, связанные с ними мифологемы и ассоциации) уже «запrogramмированы» семантическим полем символов инвеститурного головного убора. Нет оснований считать его исключительно погребальным. Вождей саков, как и ахеменидских царей, хоронили в своих коронах. Новый вождь в ритуалах «божественного избрания» получал новую корону и хвари, созданную по принципу мандала или соответствующую идее рита-арта.

Таким образом, сакские военные головные уборы с развитием государственной теократической идеологии приобретают пышные сакральные атрибуты, отражающие роль сакских царей в государстве. Иссыкский кулах — бесспорное свидетельство существования у саков идеологии, освещющей власть. Как и иссыкское письмо, оно указывает на высокий уровень социального развития саков уже к IV в. до н. э. Судя по этим же данным, сакские вожди совмещали и светские и религиозные функции, поэтому еще раз обратимся к экипировке шаманов. Их шапки, часто конические, украшались перьями и когтями орла, филина и лебедя, амулетами в виде рогов барана, козла и олена. Перья «окрыляли» шамана, помогая ему достигать ислесного мира и в галлюцинациях общаться с духами (онгонами, тенгриями, джиннами, перн). По головному убору подчас можно различить этническую принадлежность шамана. Некоторые шаманские шапки, например из Восточной Халхи (Западная Монголия), удивительно схожи с кулахами зороастрийских магов и сакских вождей-жрецов (Иссык). Некоторые даже имеют забрало из черных висюлок. Конические шапки носили среднеазиатские шаманы — дуана. На шаманских шапках мы видим те же детали, что и на иссыкском кулахе, на коронах среднеазиатских, сако-юечжийских династов. Казахские баксы при камлании призывали на помощь духов в образе орлов, тулпаров и четырех коней разной масти⁷⁶. Около 2,5 тыс. лет тому назад у саков Семиречья четыре золотых коня — солнца «поднимали» вождя во время литургии; превратившись в золотую птицу, он возносился к обители богов, связывая тем самым Землю и Небо, олицетворяя собой арту, являя своей деятельностью образец порядка космического.

⁷⁵ О хтонических и эсхатологических представлениях у индопранцев см.: Лелеков Л. А. Отражение некоторых мифологических воззрений..., с. 7—18.

⁷⁶ Диваев А. А. Из области киргизских верований. Баксы как лекарь и колдун. Каzanoв, 1899, с. 15—16; Чеканинский И. А. «Баксылык». Следы древних верований казаков. — Записки Семипалатинского отдела общества изучения Казахстана. Т. I. Семипалатинск 1929; Семенов-Тян-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань..., с. 195; Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири. — Труды Института этнографии АН СССР, т. XXII. М.—Л., 1954, с. 94—97, рис. 85, 88—94, с. 158, рис. 52, с. 159, рис. 54, с. 686, рис. 133; Маргулан А. Х. Третий сезон археологической работы. Алма-Ата, 1951, с. 31; Вайнштейн С. И. Тувинцы-таджены. М., 1961, с. 184; Борозна Н. Г. Некоторые материалы об амулетах — украшениях населения Средней Азии. — В кн.: Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975, с. 282—283; Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. М., 1893, с. 46; Ильясов С. Пережитки шаманизма у киргизов. — Труды Института языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР, вып. 1. Фрунзе, 1945, с. 182.

**КУЛЬТ БАРАНА
У СЫРДАРЬИНСКИХ ПЛЕМЕН**

В результате исследования археологических памятников на средней и нижней Сырдарье собрана коллекция керамических изделий с изображением барана или его наиболее характерного признака — рогов. Как показали раскопки Оттара и памятников оазиса, изображение барана — устойчивое явление в указанном регионе и прослеживается по имеющимся материалам на протяжении почти двух тысяч лет.

Ранняя хронологическая группа изделий с изображениями датируется в пределах первых веков н. э. до VII в.; две следующие включают изделия VIII—XII и XIII—XIV вв.; наиболее позднюю группу составляют керамические изделия XV—XVIII вв.

В первой группе выделяются следующие типы изображений: 1) реалистические фигурки баранов; 2) стилизованные фигурки баранов, крайней степенью схематизации которых являются так называемые «двойные ручки»; 3) реалистически выполненные протомы баранов; 4) налепы в виде рогов. Первый и второй типы изображений представляют реалистические и стилизованные фигурки баранов, выполняющие роль ручек керамических сосудов, преимущественно кружек. В литературе такая посуда получила название «керамики с зооморфными ручками» (рис. 1, 4, 5, 7, 11). Г. В. Григорьев в Ташкентском оазисе обнаружил великолепный образчик кружки с ручкой в виде фигурки барана¹ и первым связал этот тип керамики с каунчинской культурой. Позже при раскопках поселений и могильников на Сырдарье были обнаружены многочисленные изделия такого рода². Исследователи заметили, что ареал распространения сосудов с зооморфными ручками охватывает

¹ Григорьев Г. В. Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе УзССР в 1934 г. Ташкент, 1935, рис. 16.

² Исчерпывающую библиографию о находках такой керамики см.: Литвинский Б. А. Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968, с. 3—13.

среднюю Сырдарью. Сейчас можно включить сюда и нижнее течение реки.

Самое раннее реалистическое изображение барана на керамике (третий тип) найдено на нижней Сырдарье, при раскопках Томпак Асара, в слоях, датируемых второй половиной I тыс. до н. э. Слив во-

Рис. 1. Группа изображений I—VII вв.

долея выполнен в виде головы барана с характерной горбоносостью и спиралевидными рогами, украшенными насечками. Глаза показаны круглыми налепами с проколами на месте зрачков³ (рис. 1, 1).

Великолепное изображение барана найдено на городище Карагултобе в верховьях Арыси, в слое первых веков н. э. Ручкой крышки котла служила протома барана. Морда с полуоткрытым ртом, округлые, слегка выпуклые глаза. Крутие витки рогов, мощная удлиненная шея удивительно точно переданы древним мастером⁴ (рис. 1, 2).

Натурализмом отличается изображение с городища Актобе 2 (I—

³ Левина Л. М. Исследования в Джетыасарском уроцище. — В кн.: Археологические открытия 1976 года. М., 1977, с. 517—518.

⁴ Подушкин Н. П. К вопросу о керамике раннеземледельческих поселений верховий реки Арыси (I—IV вв.) — В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, с. 101, табл. II, рис. 1.

IV вв. н. э.) в Ташкентском оазисе (рис. 1, 3). Своеобразная «протома» в виде головы барана с закрученными спиралью рогами, украшенными насечками, венчает верхние края подставки под «вертел»⁵.

Рис. 2. Группа изображений VIII—XII вв.

И, наконец, различного рода налепы (четвертый тип изображений) обычно находятся на ручке, под неей, на тулове сосуда. В Шаушукумском могильнике обнаружена кружка, на верхней части ручки которой имеется два спиралевидных конических налепы⁶. В Оттарском оазисе наиболее многочисленны налепы в виде горизонтально расположенной S-образной спирали; в виде двух сходящихся спиралей, внешние контуры которых «рисуют» баранью голову как бы в проекции сверху⁷ (рис. 1, 6).

⁵ Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Исследование Актобе 2 (I — начало IV в.) — В кн.: Максимова А. Г., Мерщиев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Древности Чардара. Алма-Ата, 1968, рис. 27, 2.

⁶ Максимова А. Г. Курганные могильники. — В кн.: Максимова А. Г., Мерщиев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Древности Чардара, с. 86, рис. 6.

⁷ Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. — ТИИАЭ АН КазССР, т. 5, 1958, рис. 83.

прочерченным орнаментом, форма большинства налепов (л. 1, 8, 9).
ируемую VIII—XII вв., входившие в аранов, выполненные реалистичные гурки барана, покрытые по-
в виде бараньих рогов;
в.

Рис. 3. Протома барана. XII
— начало XIII в.

удя по следам копоти и
та, это, скорее, навершие
рога моделированы в же-
выполнены в виде четырех-
угольников на каждой грани. На за-
смотря на подчеркнутую
лично (рис. 3).

изображения. Зооморфно-
ышек. Известно до 15 фи-
4—6). Достаточно показа-
XI вв. стратиграфического
ным орнаментом, располо-

Древний Отрап. Алма-Ата, 1972,

женным в 4 поясах, разделенных прочерченными концентрическими линиями. Край крышки волнистый, далее идет ряд каплевидных вдавлений, затем полоса, заполненная солярными оттисками, полоса из наклонных оттисков в виде стилизованных веток и последний поясок состоит из каплевидных вдавлений⁹. Конической формы ручка имеет в верхней части налепы в виде гипертрофированных закрученных рогов, которые на тыльной части стилизованной головы почти соприкасаются, давая в плане характерный абрис. Навершие имело петлевидную ручку, соединяющую вершину конуса с основанием.

Еще одно изображение, несколько более раннее (IX—X вв.), найдено вместе с комплексом посуды в заполнении гончарной печи, у северо-западного обвода городища. Это обломок крышки с ручкой высотой 5 см,

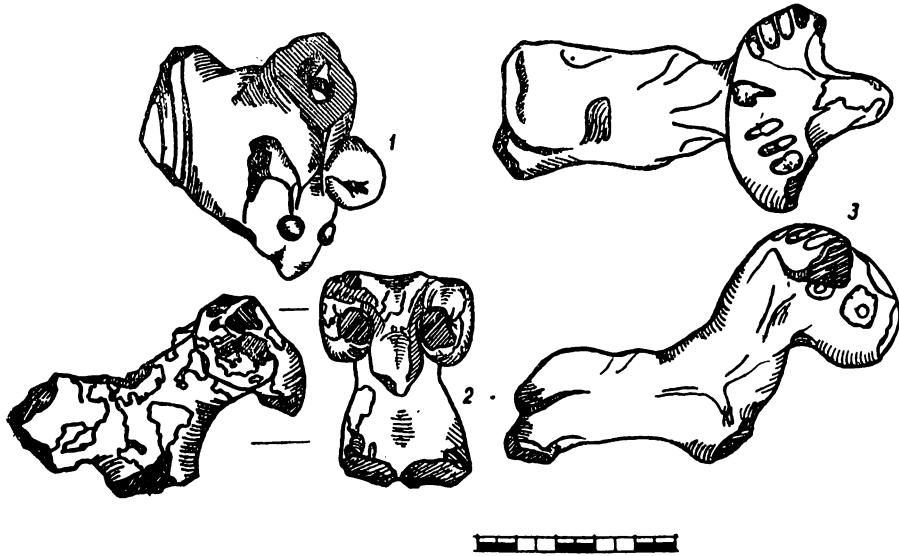

Рис. 4. Группа изображений XIII—XIV вв.

округло-конической формы. На ручке два витка стилизованных, закрученных в полтора оборота рогов с насечками. Концы рогов обломаны. Поверхность крышки украшена штампованным орнаментом, расположенным в четырех поясах. По краю идет полоса из наклонных линий в сочетании с волнистой, затем полоса зубчатых листьев, как бы наложенных один на другой, полоса, занятая овальными зубчатыми листьями, вытянутыми по вертикали в сочетании с треугольными оттисками, расположенными между листьями, и пояс, заполненный двойной аркадой. По основанию ручки нанесен ряд наклонных каплевидных вдавлений. Два вышеописанных навершия характерны для указанного типа изображений.

Третий тип составляют фигурки баранов, также являвшиеся ручками крышек. Они покрыты поливой и подглазурной росписью. Одна из

⁹ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отран, с. 95, рис. 57, 1.

таких фигурок (рис. 2, 3) выполнена из плотной глины желтого обжига. Ноги и часть морды отбиты. Длина фигурки 11 см, высота в холке 6 см. Сохранился округлый завиток рога и глаза в виде налепных калачиков. Фигурка покрыта прозрачной поливой поверх белого ангоба. На тулове роспись в виде трех широких коричневых полос. Датируется XI—XII вв.

Четвертый тип изображений — налепы на посуде в виде бараньих рогов.

Наконец, к пятому типу относятся сосуды с прочерченным или резным орнаментом, основным мотивом которого является бараний рог.

К группе изображений барана XIII—XIV вв. относятся три фигурки. Две являются ручками крышек, а третья оформляла слив водолея (рис. 4). Все три фигурки реалистичны. Первая сильно повреждена: у нее отбиты ноги и часть головы. Длина ее 10 см, высота 5 см. У барана массивная горбоносая морда и круто закрученные рога, мощная шея и массивная грудь. Туловище поджарое с выделенным курдюком. Фигурка покрыта темно-зеленой поливой и подглазурной, едва просматривающейся коричневой росписью. Рисунок росписи на рогах имитирует их кольцеватость (рис. 4, 3).

Вторая фигурка — тоже ручка крышки. Длина ее 9 см, высота при отбитых ногах 5 см. У барана горбоносая морда и закрученные рога, красиво обрамляющие голову. Тулово мощное, с широкой грудью. Фигурка покрыта темно-коричневой поливой (рис. 4, 2).

Третья фигурка, обрамлявшая носик водолея, дана как бы в проекции сверху. Глаза выполнены налепами, рога закручены в полтора оборота. Сосуд покрыт темно-зеленою поливой (рис. 4, 1).

Наиболее многочисленную группу составляют фигурки, датированные XV—XVIII вв. Датировка их подтверждается нахождением многих из них в комплексе с другими предметами.

К сожалению, сохранность большинства фигурок плохая, в ряде случаев сохранилась передняя часть с головой или обломки туловища. Закрученные рога, туловища с курдюками не оставляют сомнения в определении большинства фигурок (рис. 5).

Все фигурки относятся к одному типу и являются ручками крышек. Для них характерен реализм изображения. Скульптуры покрыты голубой и синей поливой различных оттенков, как правило, в сочетании с росписью, выполненной черной и марганцевой краской.

Керамика с образом барана появилась и существовала на Сырдарье на фоне сложной этнополитической ситуации. Первая группа изображений связывается с культурами раннеземледельческих племен, которые получили название каунчинская, оттарско-каратауская и джетыасарская.

Важные результаты по динамике развития всех культур получены Л. М. Левиной на основе анализа керамического материала из раскопок поселений и могильников, а также из сборов. Исследователь выделила три этапа развития каждой из культур: первый, общий для всех — от

рубежа или I в. до н. э. по III—IV в. н. э.; второй этап для каунчинской и оттарско-каратауской культур — с конца III — начала IV в. по V в. н. э. для джетыасарской — с IV по VII в.; третий этап оттарско-каратауской культуры был отнесен к VI—VIII вв., каунчинской — к VI—VII вв., джетыасарской — к VII—IX вв.¹⁰

Как известно, в районе среднего течения Сырдарьи располагался центр государства Кангюй. Письменные известия о Кангюе немногочисленны. Сведения, позволяющие поставить вопрос о локализации его, относятся ко второй половине II в. до н. э. Они принадлежат Чжан Цяню,

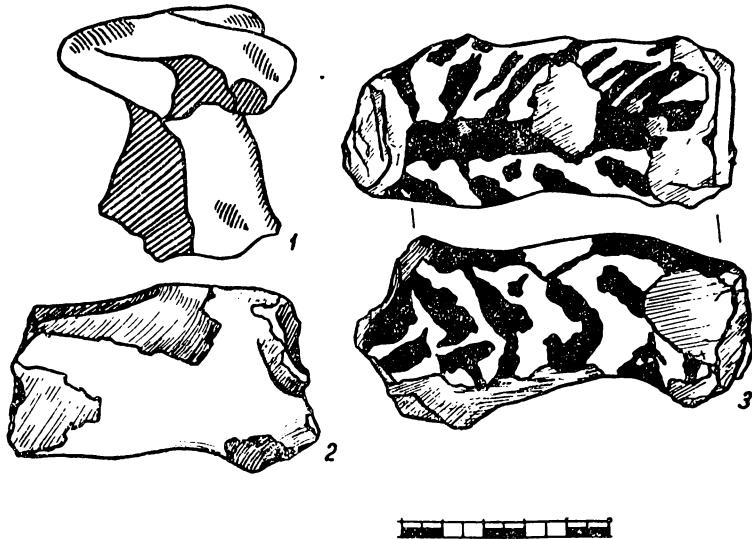

Рис. 5. Группа изображений XV—XVIII вв.

китайскому князю, отправленному императором У-ди в 138 г. во главе посольства на запад. Чжан Цянь открыл для Китая целый мир городских цивилизаций и кочевых государств. Кангюй, согласно записям Чжан Цяня, «лежит в 2000 ли от Давани на северо-запад». В первые века н. э. власть Кангюя распространилась на соседнее владение Яньцай. «Яньцай лежит почти в 2000 ли от Кангюя на северо-запад и это кочевое владение; в обычновениях совершенно сходствует с Кангюем». В это же время «Яньцай переименовался в Алланью»¹¹. О Яньцай писалось, что «народ живет внутри стен»¹². А поскольку обычаи населения Кангюй и Яньцай были схожи, то исследователи правомерно распространяют сведения об оседлости на территории Яньцай и Кангюй¹³. Известно, что кангюйский владетель жил в городе Битянь¹⁴.

¹⁰ Левина Л. М. Керамика..., с. 225—227.

¹¹ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.—Л., 1950, с. 150, 229.

¹² Shiratori K. A new attempt at the solution of the Fu-lin problem. — Memories of the Research department of the Toyo Bunko (The oriental library). Tokyo, 1956, N 15, p. 226.

¹³ Литвинский Б. А. Кангюйско-сарматский фарн..., с. 18.

¹⁴ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений..., с. 184.

Кангюю подчинялись пять «малых владений» — Сусе, Фуму, Юени, Ги, Юегянь¹⁵.

По поводу локализации перечисленных владений существует обширная литература. Наиболее полный обзор ее, а также всех имеющихся источников о Кангюе предложил С. Г. Кляшторный. Он сопоставил Кангюй с Кангхой Авесты, Кан-Дезом зороастрской литературы VIII—IX вв., Кангом Шах-наме и локализовал Кангюй на средней Сырдарье¹⁶.

Относительно этнической принадлежности кангюйцев существует две точки зрения. Первая из них наиболее четко сформулирована А. Н. Бернштамом. Согласно ей, кангюйцы на рубеже н. э. были тюркоязычными¹⁷. Вторая, которая поддерживается большинством исследователей, относит кангюйцев к кругу северо-иранских кочевых племен, которые лишь к середине I тыс. н. э. под влиянием проникших на Сырдарью тюркоязычных племен стали менять свой этнический облик¹⁸. Более осторожно высказывается по поводу этнической атрибуции сырдарьинских культур Л. М. Левина. Она предположительно связывает племена каунчинской и отраско-каратаяуской культур с юечжами либо с потомками местного кангюйского населения¹⁹. Считается, что памятники джетыасарской культуры оставлены тохарами²⁰.

Описанная историческая ситуация связана с так называемой «кангюйской проблемой», которая решается в контексте с общим комплексом исследований, посвященных «эпохе великого переселения народов». Одним из проявлений материальной культуры этого времени на Сырдарье является керамика, в том числе керамика с изображением барана.

В первые века н. э. керамика с зооморфными изображениями, в том числе и барана, появляется в восточных, южных и юго-западных районах Средней Азии и южнее, распространяется далеко на запад — в Поволжье, на Северном Кавказе, Дону и в Прикубанье. Исследователи связывают появление ее там с передвижениями кочевых племен²¹. Некоторые из направлений движения представляют интерес. Так, в последнее время получают подтверждение связи средней Сырдарьи и Хорезма. По мнению Б. И. Вайнберга, тамга на хорезмийских монетах в виде значка S является символикой бараньих рогов и связана с изображениями барана на каунчинской керамике Сырдарьи²². Предполагается, что в III—IV вв.

¹⁵ Там же, с. 186.

¹⁶ Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники. М., 1964, с. 161—179.

¹⁷ Бернштам А. Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. — Известия АН КазССР, № 57, серия археологическая, вып. 2, 1949, с. 94—95.

¹⁸ Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники, с. 174.

¹⁹ Левина Л. М. Керамика..., с. 241.

²⁰ Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 186.

²¹ Левина Л. М. Керамика..., с. 230—240; Литвинский Б. А. Кангюйско-сарматский фарн..., с. 6; Сорокин В. С. О происхождении керамики катакомбных могил Ферганы. — СА, М., 1954, XX, с. 62—63; Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А. Дильтберджин. М., 1977, с. 55.

²² Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977, с. 39.

в Хорезме появилась группа туранских племен из присырдарьинских районов²³.

В связи с передвижением сырдарьинских племен необходимо остановиться еще на одном, пока только намечающемся направлении, связанном с появлением аланов и ассов на Северном Кавказе. В свое время А. Н. Бернштам предположил, что этнические наименования аланы — аорси — осы сохранились на юге Казахстана в названии реки Арыс (Арси)²⁴. Видимо, имеет смысл искать прародину части аланов и ассов в среднем течении Сырдарьи и в долине Арыси²⁵. В указанной связи приобретает важное значение опять-таки керамика с зооморфными ручками. Наиболее интересны сосуды с «двойными ручками». Такие сосуды найдены в первых веках в Карагултобе и Костобе на Арыси²⁶. Если здесь они появляются в первые века н. э., то на Кавказе — в VII—IX вв.²⁷ Кроме того, и там и здесь бытуют сосуды с ручками, имеющими выступ в верхней части; совпадают также формы кружек с петлевидными ручками, рифление на тулове; орнамент в виде шишечек.

Преемником Кангюя на Сырдарье стало объединение кенгересов (кангаров). О них впервые упоминает руническая надпись в честь Кюль-Тегина²⁸. Кенгересов удалось уверенно сопоставить с кангарами — печенегами византийских источников. В начале VIII в. оазисы средней Сырдарьи, именовавшейся тогда рекой Канга, входили в единую политическую конфедерацию, объединенную общим сузеренитетом полукочевых печенежских племен²⁹. Во второй половине VIII в. политическая ситуация на Сырдарье меняется. Вожди огузов, объединившись с частью карлуков и кимаков, напали на печенегов. Остатки разгромленных печенегов откочевали на запад, оседлые и полуоседлые группы остались на месте и были ассимилированы огузами. Процесс ассимиляции завершился в XI—XII вв., но начался гораздо раньше — в IX в.³⁰ Огузские племена широко расселились по Сырдарье и Карагату. Достаточно характерен список огузских городов, приведенный Махмудом Кашгарским: Сауран, Сюткент, Сыгнак, Карнак, Каракчук³¹. Огузы кочевали в районе между Фарабом и Кенджидой, в пределах Шаша и Испиджаба³². Этнический состав огузского объединения отличался большой разнородностью: остатки печенегов, ассов, аланов и других племен.

Огузская держава просуществовала недолго. В начале XI в. под

²³ Там же, с. 97.

²⁴ Бернштам А. Н. Проблемы древней истории..., с. 83.

²⁵ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Оттар, с. 185—186.

²⁶ Подушкин Н. П. К вопросу о керамике..., с. 99, табл. II, рис. 8; Акишев К. А.,

Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Оттар, рис. 8, 89, 3.

²⁷ Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. — МИА, 1962, № 106, с. 60—61, 83, рис. 3, 15, 24, 27.

²⁸ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.—Л., 1951, с. 41.

²⁹ Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники, с. 163—167, 179.

³⁰ Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XII вв. Ашхабад, 1969, с. 129—132.

³¹ Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. М.—Л., 1941, с. 312.

³² Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов..., с. 75.

натиском кипчаков государство огузов гибнет³³. К кипчакам перешло наследие печенегов и огузов на Сырдарье. Владения их заняли огромную территорию³⁴.

С кипчаками были тесно связаны канглы. С. П. Толстов рассматривает последний этноним как переоформление имени кангар (кенгерес) в результате ассимиляции части печенежских племен кипчакской конфедерацией³⁵. По мнению В. В. Бартольда, родство кипчаков и канглы не подлежит сомнению, поскольку мусульманские авторы XII — начала XIII в. употребляют этноним канглы и кипчак как синонимы³⁶. С. Г. Кляшторный замечает, что принятие имени канглы верхушкой кипчакских племен «выражало стремление последних связать себя с генеалогической традицией завоеванных земель, прежде всего по Сырдарье и таким путем легитимизировать свои права на власть над страной»³⁷.

Как видно, период VIII—XII вв. характеризовался постоянной смешанной политической власти, вызванной борьбой тюркоязычных племен. Однако на протяжении пяти веков на Сырдарье сохраняется этноним кангюй — кангар — канглы. И хотя меняется язык племен, их этнический облик, многие традиции в материальной, духовной культуре сохраняются. Это относится и к производству керамики с изображением барана.

Типы изображений в группе керамики VIII—XII вв. разнообразны. Здесь присутствуют скульптуры, натуралистически выполненные прототипы барана, стилизованные изображения барана и рогов, выполненные в пластике, налепе и рисунке. Особенно интересно воскрешение древней традиции изготовления реалистических протом барана в качестве ручек крышек. Они удивительно близки аналогичным изделиям первых веков из Томпак-Асара, Карапултобе и Актобе, своеобразным эмблемам джетысарской, оттарско-каратаяуской и каунчинской культур.

Появление керамики с образом барана в соседних районах, как и раньше, иллюстрирует направление перемещений племен, связи между ними. Налепы с изображениями рогов барана распространяются в Семиречье в карлукский период. А. Н. Бернштам, публикуя серию ручек с налепами, отмечал, что это «кангюйская традиция» зооморфных изображений на том этапе, когда утрачен реалистический образ барана и существует лишь его символ — обобщенный образ³⁸. Продолжается проникновение сырдаринских племен в Хорезм. В пользу этого свидетельствует близкое сходство некоторых типов керамики. Посуда, покрытая красно-коричневым ангобом, геометрическим орнаментом, с зооморфными «зубчатыми» ручками из Оттарского оазиса³⁹ и низовьев Сыр-

³³ Там же, с. 158.

³⁴ Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии.— Соч., т. V. М., 1968, с. 99.

³⁵ Толстов С. П. Города гузов. — СЭ, 1947, № 3, с. 101.

³⁶ Бартольд В. В. Двенадцать лекций..., с. 98.

³⁷ Кляшторный С. Г. Древнетюркские runические памятники..., с. 179.

³⁸ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — МИА, 1950, № 126, с. 153—154, рис. 67.

³⁹ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Оттар, с. 89—90, рис. 42, 16, рис. 45, 10, 11.

дары⁴⁰ находит аналоги в кердерской керамике Хорезма⁴¹. Б. И. Вайнберг связывает появление такой керамики в Хорезме с проникновением сюда кангаров — кенгересов (печенегов), создавших в низовьях Амуударын самостоятельное кердерское владение.

На западе, в южнорусских степях, где печенеги, огузы и кипчаки господствовали в X—XII вв., также прослеживаются некоторые из характерных признаков их материальной культуры. С. А. Плетнева выделила в керамике Саркела — Белой Вежи группу посуды кочевников. В ней имелись сосуды, украшенные прочерченным орнаментом в виде «бараньих рогов», а также чашка, полукруглая ручка которой оформлена как стилизация бараньих рогов⁴². Горшкообразные сосуды с Дона удивительно близки горшкам из Оттара, украшенным и штампованным орнаментом в виде гирлянд, в которых легко узнается мотив «бараньего рога»⁴³.

По мнению С. Г. Кляшторного, монгольское завоевание, превратившее в руины города Сырдарьи, прервало более чем 1500-летнюю преемственность «Великой Кангхи»⁴⁴. Прервало, но не уничтожило окончательно. Несмотря на жестокие опустошения, города на Сырдарье вскоре поднимаются из пепла. Полное объяснение этому феномену пока не дано. В числе причин подъема исследователи указывают перемещение на юг Казахстана торговых путей, важное стратегическое положение региона и наличие здесь административных ставок. Однако не последнюю роль, видимо, играли традиции, в том числе и «Великой Кангхи».

Во второй половине XIII—XIV в. города Оттар, Сыгнак, Сауран, Дженд, Ясы вновь становятся крупными торговыми и культурными центрами на Сырдарье⁴⁵. Основной этнический массив населения здесь остается, а пришлый монгольский элемент постепенно ассимилируется. Поэтому неудивительно продолжение традиции изображения баранов, реалистические фигурки которых на крышках и на сливе обнаружены на Оттаре в слоях XIII—XV вв.

Этнонимы кипчак и канглы продолжают бытовать и в позднем средневековье, в XV—XVIII вв. В русских источниках одним из первых казахское племя канглы упоминает П. И. Рычков⁴⁶. В составе Старшего жуза называет канглы И. Тевкелев⁴⁷. У А. Левшина канглы также в реестре племен Старшего жуза⁴⁸. Казахский этноним «канглы», «канка» Авасты и «кангюй» китайских источников связывал Н. А. Аристов⁴⁹.

⁴⁰ Левина Л. М. Керамика..., с. 84, рис. 21, 70.

⁴¹ Гудкова А. В. Ток-Кала. Ташкент, 1964, с. 62—64, рис. 14, 15, 17.

⁴² Плетнева С. А. Керамика Саркела — Белой Вежи. — Труды Волго-Донской археологической экспедиции, т. II. МИА, 75. М., 1959, с. 231, рис. 15, 7, 21.

⁴³ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Оттар, с. 93—94, рис. 53, 3.

⁴⁴ Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники, с. 179.

⁴⁵ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Оттар, с. 37.

⁴⁶ Рычков П. И. История Оренбургская (1730—1750). Оренбург, 1896, с. 71.

⁴⁷ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1961, с. 407.

⁴⁸ Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. 1. Спб., 1832, с. 10.

⁴⁹ Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. — Живая старина, вып. III, IV. Спб., 1896, с. 403—404.

Скорее всего, надо признать правомочной точку зрения о том, что племенное объединение XII—XIII вв., известное под названием канглы, имеет прямую связь с канглы у казахов Старшего жуза.

Пребывание канглы в среде городского и оседлого населения Сырдарьи доказывается наличием в позднесредневековом Отрабе поливной керамики со знаками в виде прямой линии (косеу) — тамги племени канглы⁵⁰. В качестве дополнительного аргумента в пользу древней и удивительно стойкой традиции может считаться и группа реалистических фигурок барана, покрытых серой, голубой и синей поливой в сочетании с коричневой и марганцевой росписью.

Важным аспектом проблематики, связанной с изучением духовной культуры населения юга Казахстана древнего и средневекового периода, является объяснение семантики образа барана на сырдаринской керамике. В свое время Г. В. Григорьев связывал появление зооморфных ручек на посуде с тотемическими представлениями древних племен⁵¹. Важное заключение о культовом характере изображений барана принадлежит К. М. Скалон. Она считала, что ручки в виде барана «являются художественным образом барана — охранителя сосуда»⁵².

Мнение о внутренней идеи изображений животных на керамике из Отрабского оазиса высказала Е. И. Агеева. В раннекангийской керамике изображения животных, в частности барана, являлись пережиточными моментами древних верований и были связаны с конкретными условиями жизни скотоводческого населения⁵³. Этую точку зрения разделяют авторы книги «Древности Чардара»⁵⁴.

В многоплановой, насыщенной многочисленными материалами и интересными этнографическими параллелями работе Б. А. Литвинского проводится мысль, что появление такого рода изображений на сосудах в Средней Азии у кангийских племен и родственных им сарматских племен связано с распространением зороастризма, в котором образ барана мог быть инкарнацией божества фарна. Последний выступал в нескольких ипостасях — обеспечивающий обилие, гарантирующий здоровье, защиту от злых сил⁵⁵.

Интересные наблюдения о пережитках культов животных сделаны Г. П. Снесаревым. Он замечает, что многие элементы ранних форм религий на периферии зороастризма, в том числе и религии, связанные с сакрализацией животного мира, были очень живучи. Так, культовым значением барана объясняется сакральная связь его с идеей человеческой души, с моментами перевоплощения. «В ряде случаев, когда речь

⁵⁰ Ахинжанов С. М. К вопросу о знаках на керамике позднесредневекового Отраба. — В кн.: Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975, с. 52, 56—57.

⁵¹ Григорьев Г. В. Отчет об археологической разведке..., с. 39.

⁵² Скалон К. М. Изображения животных на керамике сарматского периода. — Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Т. I. Л., 1941, с. 183—184.

⁵³ Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории..., с. 163—164.

⁵⁴ Максимова А. Г., Мерциев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Древности Чардара, с. 250.

⁵⁵ Литвинский Б. А. Кангийско-сарматский фарн, с. 110.

идет о зооморфных перевоплощениях душ умерших, истоки этого явления восходят к тотемическим представлениям»⁵⁶.

В пережиточных верованиях баран являлся прежде всего оберегом. Рога барана — кошкара нейтрализовали, по мнению хорезмских узбеков, «дурной глаз». Кошкарой держали в домах для охраны детей. Баран покровительствовал и взрослым. Так, в Хиве мужчины для успеха дела дотрагивались до головы животного. Сверхъестественной магической силой обладало само слово баран, и его зачастую давали людям в качестве личного имени.

Оберегами служили части тела этого животного. У узбеков, каракалпаков даже овечья шерсть служила в качестве амулета, было популярно гадание на овечьей лопатке. Существовал обычай подвешивать рога барана над входом в жилище; вырезанные из дерева рога укрепляли на детских и девичьих головных уборах. Изображение рогов носили на хлебных печах, орнамент в виде рогов барана на кошмах, коврах, вышивках имел некогда назначение оберега⁵⁷.

Как отмечают исследователи, многочисленные амулеты — обереги, которые входили в состав костюма, были связаны с культом барана. Пластиинки из кости барана украшали резным орнаментом и пришивали к головным уборам женщин и детей⁵⁸. На стариинном головном уборе каракалпаков — саукеле имеются посеребренные пластиинки, изображающие рога. Имитируют рога нагрудные украшения⁵⁹.

Широко был распространен культ барана у огузов и туркмен. Происхождение огузского племени «барани» исследователи связывают с почитанием барана как покровителя рода или племени⁶⁰. По представлениям туркмен, человеку, находящемуся в стаде баранов, не страшны злые духи⁶¹. Особым почитанием пользовались черные бараны⁶². Баран использовался как жертвенное животное в шаманских обрядах. Кровь зарезанного барана шаман лил на больного⁶³. Судя по сохранившимся верованиям, баран у огузов и туркмен играл роль тотемного животного⁶⁴.

Важную роль играл баран в культовых воззрениях казахов. Баран у них выступает в качестве жертвенного животного и оберега. Барана кошкара, который должен быть белым с желтой головой или белым с

⁵⁶ Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969, с. 115—116.

⁵⁷ Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований..., с. 315—317.

⁵⁸ Сазонова М. В. Украшения узбеков Хорезма. — В кн.: Традиционная культура народов Средней Азии. Л., 1970, табл. V.

⁵⁹ Жданко Т. А. Каракалпаки Хорезмского оазиса. — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. I. М., 1952, с. 552, рис. 36.

⁶⁰ Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов..., с. 137—138.

⁶¹ Демидов С. М. К вопросу о некоторых пережитках домусульманских обрядов и верований у юго-западных туркмен. — ТИИАЭ АН ТССР, т. VI, 1962, с. 188.

⁶² Оvezberdyev K. Материалы по этнографии туркмен-сарыков. — ТИИАЭ АН ТССР, т. VI, 1962, с. 167.

⁶³ Басилов Б. Н., Ниязклычев К. Пережитки шаманства у туркмен-човдуров. — В кн.: Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975, с. 126, 129—130.

⁶⁴ Басилов Б. Н. О пережитках тотемизма у туркмен. — ТИИАЭ АН ТССР, т. VIII, 1963, с. 135.

лысиной, приносили в жертву с молитвой, в которой описываются при меты животного: «О, арвах, для тебя именую лунорогого, раздельнокопытчатого с запахом мускуса, или с ушами, подобными баурсакам»⁶⁵. По народным преданиям, каждое из домашних животных имело божественное происхождение: быстроногая, как ветер, лошадь создана из ветра, чистые овца и баран — из неба и огня⁶⁶.

Пока еще не до конца ясно значение казахских надгробных памятников «кайтас» — скульптурных изображений барана из камня. Они были широко распространены на Мангышлаке⁶⁷. Их считают оберегами⁶⁸.

Особое значение при жертвоприношении казахи придавали масти животного. Ценился серый цвет, который связывался с культом голубого неба⁶⁹. В связи с этим небезынтересно вспомнить об описанных фигурах баранов из группы изделий XV—XVIII вв. Все они покрыты именно голубой или синей глазурью.

Таким образом, различного рода изображения барана на керамике Сырдарьи, присутствующие здесь на протяжении многих столетий, связываются с культом этого животного, игравшего важную роль в жизни племен и народов, начиная с древних кангюев⁷⁰, средневековых кангаров (печенегов), огузов, канглы и кипчаков и кончая казахским племенем канглы.

С образом барана соотносились не только реликты тотемизма, но и более сложные представления, связанные с сакрализацией животного мира и элементами зороастризма. Конечно, на протяжении веков идеи, порожденные этим популярным образом, менялись, что-то забывалось, что-то появлялось новое. Сложные этнические процессы, перемещения племен, смешение их тем не менее не привели к забвению культа барана-производителя, кошкара с мощными закрученными рогами, образ которого воспроизводили многие поколения гончаров.

⁶⁵ Валиханов Ч. Ч. Следы шаманства у киргизов. — Избранные произведения. Алма-Ата, 1958, с. 154.

⁶⁶ Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. II. Материалы этнографические. Спб., 1881, с. 152—153.

⁶⁷ Нурмухаммедов Нагим-Бек. Искусство Казахстана. М., 1970, рис. 61.

⁶⁸ Аргынбаев Х. Народные обычай и поверья казахов, связанные со скотоводством. — В кн.: Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М., 1975, с. 195.

⁶⁹ Аргынбаев Х. Народные обычай и поверья казахов..., с. 187.

⁷⁰ Истоки культа, безусловно, уходят в более глубокую древность. У саков Казахстана баран — один из излюбленных образов в прикладном искусстве. На Сырдарье найдены сакские пряжки с изображением барана. (См.: Вишневская О. А. Культура сакских племен поздовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. М., 1973, с. 106; Артамонов М. И. Сокровища саков. М., 1973, рис. 26, 30, 52). Именно фигурка барана венчала головной убор сакского вождя из Семиречья. (См.: Акишев К. А. Курган «Иссык». — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, с. 63).

**ИЗ ИСТОРИИ ДВИЖЕНИЯ КОЧЕВЫХ
ПЛЕМЕН ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XI ВЕКА**

К первой половине XI в. политическая гегемония в обширных степях Центрального Казахстана и прилегающих к нему районах почти полностью перешла к кипчакскому союзу племен. Приблизив свои территории к среднему течению Сырдарьи и северным отрогам Карагандинских гор, кипчаки вступили в непосредственный контакт с оседло-земледельческими районами юга Казахстана и Средней Азии.

Увеличивающаяся потребность городов и поселений, расположенных на указанных территориях, в рынках сбыта, а также повышение спроса на сырье, производимое в кочевой степи, — шерсть, кожи и т. д. — служили одним из мощных стимулов втягивания кочевников в орбиту товарно-производственных отношений с земледельческими районами. В кипчакской среде прослеживается интенсивный рост товарности скотоводства, что стимулировало жителей Дешт-и Кипчака к расширению пастбищ. Такое естественное стремление к увеличению площадей для выпаса скота, а также желание кипчакской верхушки общества непосредственно принимать участие в торговых делах, без каких-либо посредников, неминуемо толкало их в конфликт с раннефеодальным государством огузов, преграждавшим им путь на рынки Средней Азии на юге и контролирующими торговые пути в Восточную Европу на западе. В результате огузы были вытеснены со своих кочевий, перешедших в руки кипчакских ханов, которые благодаря таким акциям существенно продвинулись на запад.

Существовал и внешний фактор расширения пределов Дешт-и Кипчака — миграция кочевых племен Центральной Азии. Древние степи Евразии не раз были свидетелями передвижений огромных масс людей, вспомним хотя бы «великое переселение народов», потрясшее основы многих государственных цивилизаций того времени. И для первой половины XI в. мы имеем пример «сказочного странствия»¹, когда на громадной территории Центральной и Средней Азии произошли события, внес-

¹ Маркс К. Вынужденная эмиграция. — Соч., т. 8, с. 568.

шие довольно большие изменения в этнополитическую карту Евразии, и повлиявшие на историческую судьбу кипчакских племен, чьи земли располагались как раз на путях миграции кочевых народов.

Наиболее полное описание последовательного перемещения ряда племен с востока на запад приводит ал-Марвази: «Среди них есть группа [людей], которые называются кун, они прибыли из земли Китай, боясь китайского хана. Они были христианами несторианского толка. Свои округа они покинули из-за тесноты (разрядка наша.— С. А.) пастбищ. Из их числа был Икинджи ибн Кочкар Хорезмшах. Их преследовал народ, который называется кай. Они многочисленнее и сильнее их (кунов.— С. А.). Они прогнали их с тех [новых] пастбищ. Тогда куны переселились на земли шары, а шары ушли в земли туркмен. Туркмены переместились на восточные земли гузов, а гузы ушли в земли печенегов поблизости от берегов Армянского моря»². Запишем порядок племен во взаимной цепи передвижений: кай — куны — шары — туркмены — гузы — печенеги. Зная истинную локализацию указанных племен на этнополитической карте того периода, приходится только удивляться огромным масштабам этого события. Мы имеем перед собой события чуть ли не глобального масштаба. Действительно, первый импульс миграции, зародившийся почти у берегов Тихого океана, через определенный промежуток времени докатился до берегов Черного моря³.

Внимательный анализ цепи передвижения племен позволяет прийти к выводу — первыми тронулись со своих обжитых мест куны, бежавшие от притеснений китайского хана, т. е. киданьского императора, в поисках «новых пастбищ». Лишь только после обоснования на вновь обретенных землях куны подверглись нападению со стороны могущественного племени кай. Уже вторично согнанные со своих новых пастбищ куны двинулись на своих западных соседей — шаров, которые столкнули с насажденных мест туркмен, двинувшихся, в свою очередь, на гузов, которые были вынуждены откочевать в области, населенные туркменами.

После тщательного исследования этой проблемы В. Ф. Минорский пришел к выводу, что миграция кочевых народов произошла в первой половине XI в.⁴ вследствие образования и возвышения в начале X в. киданьского государства Ляо в Центральной Азии. Однако непонятно, почему агрессивная политика Киданьской империи X в. заставила кунов бежать только в первой половине XI в. и почему это крупное передвижение племен выпало из поля зрения китайских информаторов, обычно весьма чувствительных к политическим изменениям, происходящим в северных пограничных территориях. Ничего не говорится об этих событиях

² Minorsky V. Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. Arabic text with English transl. and commentary. London, 1942, p. 18.

³ Армянское море, значащееся в тексте ал-Марвази, — явная ошибка автора. См.: Бартольд В. В. Новый труд о половцах. — Соч., т. V. М., 1968, с. 395.

⁴ Minorsky V. Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi..., p. 103—104. С. П. Толстов, анализируя текст ал-Марвази, склонен был проецировать его известия на события V—VI вв., связанные с аварским движением на запад (См.: Толстов С. П. Города гузов.— СЭ, 1947, № 3, с. 81). Ю. А. Зуев относит это передвижение к IX в. (См.: Зуев Ю. А. Тамги лошадей из вассальных княжеств. — Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 8. Алма-Ата, 1960, с. 133).

и в официальной истории династии Ляо — «Ляоши». Зато они хорошо известны западному кругу информаторов. Армянский историк Матвей Эдесский в 1050—1051 гг. отмечал, что некий народ змей («отц») разбил племя рыжеволосых, или желтых (др.-арм. «хардеш»), которые, в свою очередь, обрушились на узов (огузов) и печенегов и совместно с ними двинулись в пределы Византии⁵. Термин «хардеш» является калькой названия племени «сары», или «шары», под которыми прежде всего следует иметь в виду половцев русских летописей или кипчаков мусульманских авторов⁶.

Записав племена, участвовавшие в передвижениях по версии Матвея Эдесского, в виде цепочки: отц (змеи) — хардеш (шары) — огузы — печенеги, — мы видим аудентичность их данным ал-Марвази. Вероятно, оба автора описывают одни и те же события⁷, с некоторыми отличиями в деталях. Например, у армянского автора отсутствуют племена кунов и туркмен. Вероятно, самое дальнее звено в цепи миграции выпало из поля зрения Матвея Эдесского, и он заставляет племя «отц» двинуться непосредственно на кипчаков. Отсутствие же у него данных о туркменах не должно вызывать удивления. Даже авторы-мусульмане путали в тот период эти племенные группы. Для армянского же автора, христианина по вероисповеданию, отличить огузов от туркмен было гораздо труднее.

Племя отц у Матвея Эдесского следует сопоставить с племенем кай у ал-Марвази. «Отц» в переводе с древнеармянского означает «змей». То же самое обозначает и слово «кай», если к нему подойти с позиций монгольского языка. В китайском источнике VIII в. тамга племени кай изображена в виде змеи⁸. Та же тамга обнаруживается среди одноименного племени, внедрившегося в состав огузского объединения на Сырдарье⁹.

Племя кай первоначально обитало в Центральной Азии по соседству с киданями и было известно под китайским названием «хи», в среднекитайском диалекте оно произносилось как «хай», или «кай»¹⁰. На рубеже VIII—IX вв. часть кай переселяется на запад, где они под именем кимаков водворяются в долину Иртыша и прилегающие к нему территории Северо-Восточного Казахстана и Южной Сибири¹¹.

Представляется, что, хотя исследуемая миграция племен первой половины XI в. и имела свои истоки на Дальнем Востоке, основные события развернулись гораздо западнее, на территории Восточного Казахстана и Семиречья. Скорее всего, бегство кунов на новые земли еще не

⁵ *Cronique de Matthien d'Edesse trad. par M. E. Dulaquier. Paris, 1858, s. 89.*

⁶ Бартольд В. В. Новый труд о половцах. — Соч., т. V. М., 1968, с. 394.

⁷ Б. И. Кумеков считает, что оба автора отразили различные направления передвижения кипчаков. (См.: Кумеков Б. И. Государство кимаков IX—XI в. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972, с. 128).

⁸ Зуев Ю. А. Тамги лошадей из вассальных княжеств, с. 132.

⁹ Кононов А. Н. Родословная туркмен. М.—Л., 1958, с. 53.

¹⁰ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М., 1950, с. 74.

¹¹ Об отождествлении кай с кимаками см.: Ахинжанов С. М., Ерзакович Л. Б. К вопросу о происхождении канов на Сырдарье. — Известия АН КазССР, серия общественных наук, 1972, № 2.

породило широкого передвижения различных племен. Как мы уже отмечали, лишь после обоснования кунов на новых землях они подверглись нападению со стороны племени кай, или народа змей. Кто же такие куны и где они нашли новые пастища после своего ухода с территории, населенной киданями?

Куны не были известны ни Матвею Эдесскому, ни Махмуду Кашгарскому. Ал-Марвази же говорит о кунах только как о группе людей, отделившихся от киданей. Возможно, мы действительно имеем дело с какой-то частью киданьских племен, отколовшейся в силу сложившихся обстоятельств от своей основной части и бежавшей на запад. В этом свете вызывает интерес сообщение Ибн ал-Асира, по словам которого, часть киданей при Арслан-хане была поселена на границе между Китаем и владениями Караканидов, где они должны были защищать горные проходы, за что получали *пастища* и определенное жалование. Они насчитывали якобы 16 тысяч кибиток¹². Интересно отметить, что и ал-Марвази, описывая этот же исторический отрезок времени, отмечает, что ханы китаев и уйгуротов, боясь притязаний ханов ислама (очевидно, Караканидов), закрыли дороги в свои страны и выставили войско¹³.

Сведения о границах Караканидов в Восточном Туркестане сообщает Махмуд Кашгарский, согласно которому пограничным пунктом на северном караванном пути, ведущем из Мавераннахра в Китай была Куча, на южном — Черчен¹⁴. Пределы же государства Ляо в XI в. на западе ограничивались западной кромкой пустыни Гоби. Между ними лежали горы Восточного Тянь-Шаня, где, вероятно, для охраны горных перевалов и были поселены 16 тысяч семей киданей. Появились они в этих местах при арслан-хане Сулеймене ибн Юсуфе, начавшего править в Восточном Туркестане в 1032—34 гг., после смерти отца Кадыр-хана Юсуфа¹⁵.

Конечно, горные долины и перевалы — не самые пригодные места для выпаса многочисленных стад, и поэтому не удивительно, что через определенное время куны остановили богатый торговый караван и потребовали от купцов сведений о хороших и обширных *пастищах*. Купцы направили их в сторону Баласагуна, т. е. в богатые районы Семиречья. В. В. Бартольд отмечал: «Неизвестно, из какого источника один из компиляторов XVI века заимствовал известие, что это переселение произошло в 433 г. х. (1041—1042 гг.) и что Арслан-хан потребовал от переселенцев принятия ислама, а они решительно отказались, но во всем остальном оказывали хану полное повиновение так, что он решил оставить их в покое»¹⁶.

Как видим, переселение киданей из горных ущелий Восточного Тянь-Шаня произошло из-за тесноты пастищ. Они двинулись в 1041—1042 г. в Семиречье и на этих-то новых местах подверглись нападению

¹² Ибн ал-Асири. Изд. Торнберга. Т. XI, с. 55—56.

¹³ Minorsky V. Sharaf al-Zaman Marvazi, on chine, the Turks and India, p. 19.

¹⁴ Махмуд Кошгари. Девону луготит турк. Т. I. Тошкент, 1960, с. 339, 364.

¹⁵ Бартольд В. В. Богра-хан, упомянутый в Кутадгу Билик. — Соч., т. V, с. 419:

¹⁶ Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. — Соч., т. II, ч. 1, с. 49.

народа кай, или змей, обитавших севернее, в бассейне реки Иртыш и близлежащих к нему районах.

Махмуд Кашгарский приводит интересное сведение, ранее не введенное в оборот исследователей, интерпретация которого позволяет нам проследить дальнейшие события первой половины XI века. Он писал: «Бука — большая змея». В пословице говорится: «у змеи семь голов». Иногда этим словом называют героев, подобно тому, как называли одного из виднейших людей ябагу Бука Будрадж. Все вышний обратил их в бегство в тот день, когда с ними сразился Арслан-тегин-завоеватель с 40 тыс. мусульман, а неверных с Бука Будраджем было 700 тысяч»¹⁷. Далее говорится, что на стороне неверных находились басмылы и джу-мулы. Махмуд Кашгарский еще мог говорить с одним из участников похода, так что война произошла сравнительно незадолго до написания его труда, но, как отмечал уже В. В. Бартольд, «вокруг этого события успел сложиться цикл легенд. К области легенды относится, конечно, и число кафиров, будто бы принимавших участие в сражении»¹⁸. 700 тысяч человек в армии — цифра, конечно, нереальная, но остальное вполне соответствует действительности.

Хорошо известно, что в миграции первой половины XI в. видную роль играл народ змей (отц., или кай). Поэтому у Махмуда Кашгарского во главе племени ябагу стоит представитель народа змей — Будрадж. Ябагу же проживали по берегам реки Ямар, т. е. Оби¹⁹, в непосредственной близости с племенем кай, кочевавшим в бассейне р. Иртыш. Очевидно, кай в пору своего могущества покорили проживающее рядом племя ябагу, вступили в союз с обитающими по соседству джумулами и басмылами и, усилившись таким образом, в 40-е годы XI в. двинулись в сторону Семиречья.

Приведенная Махмудом Кашгарским пословица о том, что «у змеи семь голов», отражает действительный факт существования в X—XI вв. семиплеменного союза кимаков в бассейне Иртыша, о которых писал Гардизи²⁰. Существенно, что сформировавшийся союз назывался по имени главного племени, т. е. народ змей. Согласно Махмуду Кашгарскому, народ змей двинулся в Семиречье при жизни Арслан-тегина, т. е. где-то в границах 1032—1057 гг. Точная дата выплывает при сопоставлении информации Махмуда Кашгарского с данными Абу-л-Фараджа. В послании несторианского митрополита Самарканда католикосу, отправленном в 1046 г., говорится о появлении возле Кашгара неведомого до этого многочисленного кочевого народа, вышедшего из местности между Хотаном и Тибетом. Всадников было якобы 700 000 под командованием семи царей, из которых главный носил имя Назрат²¹.

Совпадение в деталях (700 тысяч всадников, 7 царей, один и тот же

¹⁷ Махмуд Кошгари. Т. III. Тошкент, 1964, с. 247.

¹⁸ Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. — Соч., т. V, с. 86.

¹⁹ Бартольд В. В. Тюрки. — Соч., т. V, с. 586.

²⁰ Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. Спб., 1897; ЗИАН СИФ, сер. VIII, т. I, № 4, с. 105.

²¹ Бартольд В. В. Новый труд о половцах, с. 397.

район действия) двух разнохарактерных информаций не оставляет сомнения в том, что речь идет об одних и тех же событиях, имевших место не позже 1046 г. К этому времени та часть киданей, что известна у ал-Марвази под именем куны, обосновалась на новых пастбищах в Семиречье, куда они переселились, как удалось нам выяснить, где-то в 1042 г. Арслан-хан их не трогал, только потребовал принятия ислама, но, получив отказ, оставил их в покое. Такое нетипичное поведение правителя мусульманского государства, проводившего до этого беспощадные «священные» войны с неверными, могло бы вызвать удивление, если не предположить, что эта переселившаяся часть киданей исповедовала христианство, как и сообщал о кунах ал-Марвази. Известно, что «христиане во владениях караханидов не подвергались притеснению...»²².

В то же время в окрестностях Баласагуна, куда переселилась часть кунов-киданей, согласно Ибн ал-Асира, обитал кочевой народ, принявший ислам. Этот народ имел в окрестностях Баласагуна зимние пастбища, а летние выпасы — далеко на северо-западе, в низовьях Камы. В честь перехода в «истинную веру» (ислам) в 1043 г. было принесено в жертву 20 000 баранов²³. К сожалению, Ибн ал-Асир не говорит об этнической принадлежности этого народа, но вероятнее всего, здесь надо иметь в виду прежде всего кипчаков. Именно им в начале XI века принадлежали земли почти всего Центрального и Западного Казахстана. Не случайно Махмуд Кашгарский писал, что «Кенджак Сенгир (город вблизи Тараза) является пограничной крепостью кипчаков»²⁴. В то же время, говоря о западных пределах кипчакской степи, он отмечал, что «Итиль — название реки в стране кипчаков»²⁵. Конечно, 10 тысяч шатров, упоминаемые им, — небольшая часть всех кипчаков, поэтому мы знаем, и в начале XIII в. подавляющее большинство кочевого населения Дешт-и Кипчака оставалось не мусульманами. Вместе с тем следует отметить, что и в указанной группе кипчаков принятие ислама произошло далеко не так мирно, как это старался донести до нас Ибн ал-Асир. Несогласные с догмами новой религии дружно откочевали, что всегда было одной из существенных форм протesta средиnomадов. Это к ним прилагались слова ал-Марвази: «путник идущий к китаям... достигает группы шары, которые известны по имени их главы, называвшегося Басм. л. Они убежали в эти края от ислама, боясь обрезания»²⁶. Зная, что основной территорией обитания басмылов был регион Бешбалыка²⁷, следует предположить, что шары здесь появились из западных районов. Сообщение же Ибн ал-Асира о принятии ислама в 1043 г. народом, отождествляемым с кипчаками, или шары, не оставляет сомнения, что восточная группа шаров, бежавших к басмылам, по ал-Марвази, до своего бегства обитала

²² Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане. — Соч., т. II, ч. 2, с. 290.

²³ Ибн ал-Асир, т. IX, с. 355—356.

²⁴ Махмуд Кошгари, т. 1, Ташкент, 1960, с. 444.

²⁵ Махмуд Кошгари, т. 1, с. 103.

²⁶ Minorsky V. Sharaf al-Zaman Tahir, Marvazi..., p. 19.

²⁷ Бартольд В. В. Двенадцать лекций..., с. 86.

в Западном Семиречье, в районе Баласагуна, куда прибыли в поисках свободных пастбищ кидани — куны ал-Марвази.

Исходя из всего сказанного, события 40-х годов XI века реконструируются следующим образом. Кай (отц), т. е. народ змей, подчиняют народ ябагу²⁸, входят в союз с басмылами и джумулами и двигаются в сторону Семиречья, где обрушаются на киданей, или кунов, по ал-Марвази, незадолго до этого переселившихся сюда из теснин Восточного Тянь-Шаня. Согнанные со своих мест, кидане устремляются на рядом кочевавших кипчаков, или шаров, и в дальнейшем вместе с ними передвигаются далеко на запад.

Среди исследователей нет единого мнения о локализации народа шары — сары в XI в. В. В. Бартольд помещал их в долине р. Чу, где находилось селение Сарыг²⁹. И. Маркварт первоначально отождествлял страну Сары с городом Сары в Мазендаране, но затем справедливо заметил, что речь идет о местности, расположенной восточнее туркменских степей³⁰. С. Г. Агаджанов, исходя из данных ал-Бируни о расселении туркмен в первой трети XI в. в Семиречье, отодвигает в силу этого народ сары далеко к востоку³¹. Б. И. Кумеков привязывает племя шары к району Алакульской впадины³². По нашему мнению, основная часть кипчаков — шары проживала в Центральном Казахстане. Имея это в виду, В. Ф. Минорский центром расселения сары — шары — кипчаков считал бассейн реки Сарысу и области, примыкающие к Аральскому морю с севера и юга³³. Возможно, современное название Центрального Казахстана — Сары-Арка возникло именно в период обитания в этих местах кипчакского племени сары и являлось тюркским синонимом персидского названия Дешт-и Кипчак.

Имея летние выпасы в привольных степях Сары-Арки, кипчаки — сары на зиму пригоняли свои стада на юг Казахстана, к отрогам Карагауских гор и равнинам Западного Семиречья. В этих местах они и столкнулись с пришедшими с востока племенами кунов. Кипчаки (шары) вынуждены были перенести свои зимние пастбища с равнин Западного Семиречья в низовья и среднее течение Сырдарьи, где прежде всего столкнулись с интересами огузов и туркмен.

Своеобразное преломление эти события получили спустя много времени в легенде, бытовавшей среди казахов низовьев Сырдарьи в XIX в. Согласно легенде, город Джанкент, расположенный в устье Сырдарьи, погиб из-за нашествия несметного количества змей³⁴. Перед нами, не-

²⁸ Как сообщает Абулгази, среди кай имелся государь Инал-йавы. Слово йавы, согласно А. Н. Конопову, можно сопоставить с племенем ябагу (йавы <йабы<ябагу). (См.: Конопов А. Н. Родословная туркмен, с. 95).

²⁹ Бартольд В. В. Новый труд о половцах, с. 395.

³⁰ Marquart J. Über das Volkstum der Komane. — AKGWG, Bd. XIII, N 1. Berlin, 1914, 41, 52, 202.

³¹ Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XII вв. Ашхабад, 1969, с. 157.

³² Кумеков Б. И. Государство кимаков, с. 125.

³³ Minorsky V. Hudud al-Alam. A Persian Geography 372 A. H. — 982 A. D. London, 1942, p. 317.

³⁴ Нестеров А. Прошлое приаральских степей в преданиях киргизов Казалинского уезда. — ЗВОРАО, т. XII, вып. 4, 1900, с. 101.

сомненно, отражение событий, имевших место в XI в., когда кипчаки совместно с кай, или отц (змеями), нанесли сокрушительный удар державе сырдарьинских огузов.

Разгромленные огузо-туркменские племена Приаралья и северо-восточного Прикаспия покидают свои пастища. Не случайно именно в этот период Бейхаки сообщает о появлении в пределах Хорезма огузов, перешедших границу и мотивирующих свои действия нехваткой *пастьщ*. Другая часть огузов устремляется на запад, в южнорусские степи, где теснит печенегов, сидевших в количестве 13 родов между Днепром и Дунаем³⁵. Ханы печенегов уходят в дунайские провинции Византии.

Таким образом, у границ Византии затихает волна той грандиозной миграции кочевых племен XI в., в которой не последнюю роль играли кипчакские племена. К 30-годам XI в., после разгрома огузов, кипчаки становятся практически хозяевами почти всей территории Казахстана, и в исторической географии возникает термин «Дешт-и Кипчак».

³⁵ Васильевский В. Г. Труды. Т. 1. Спб., 1908, с. 9.

ИНДУСТРИЯ ПАЛЕОЛИТА ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА

Летом 1973 г. отряд Отрарской археологической комплексной экспедиции ИИАЭ АН КазССР под руководством автора посетил и обследовал район Қзылкиндык. Местонахождение расположено в 1,8 км к северу от совхоза им. Ильича Таласского района Джамбулской области. Территория совхоза, с юга на север постепенно повышаясь, образует небольшую поверхность, протянувшуюся с востока на запад. Абсолютная отметка местонахождения 378 м над уровнем моря. Над окружающей местностью оно приподнято на 37 м. Во времена обитания палеолитического человека местонахождение Қзылкиндык было приурочено, вероятно, к одному из рукавов р. Пракоктала. Коллекция каменных орудий, собранных здесь, насчитывает более 228 экземпляров. Большинство изделий изготовлено из валунов местного происхождения молочно-белого, светло-серого цвета кремнистой породы карбонского круга. Поверхность каменных изделий, оформленных рукой палеолитического человека, покрыта темной, желтовато-серой патиной. Незначительное количество их (38%) сохраняет естественную валунную корку. В отличие от орудий со стоянки им. Валиханова изделия этого местонахождения можно разделить на все 5 основных типологических групп, исходя из наличия валунной пятки, причем в технических приемах. Изделия внутри каждой группы обнаруживают много своеобразных рабочих функций.

В типологическом отношении изделия из Қзылкиндыка распределяются на следующие группы: двусторонне-обработанные рубящие орудия; ручные рубила; дисковидные орудия; нуклевидные изделия; орудия из отщепов (скребла); отщепы.

Двусторонне-обработанные рубящие орудия (9 экз.) Среди рубящих орудий типа чоппингов с пяткой имеются поперечные усложненные формы, удлиненный тип с узкой пяткой, орудия-сечки, а также дисковидные орудия типа чоппинг. Последние довольно близки к дисковидным формам этого местонахождения и отличаются от них утолщенной нижней

частью, покрытой патиной (рис. 1). Если в более архаичных комплексах лезвие было двусторонним, т. е. грубые орудия с пяткой обрабатывались чередующимися сколами с двух сторон, благодаря которому создавалось неровное, извилистое лезвие, то в Қзылкиндыке это характерно и

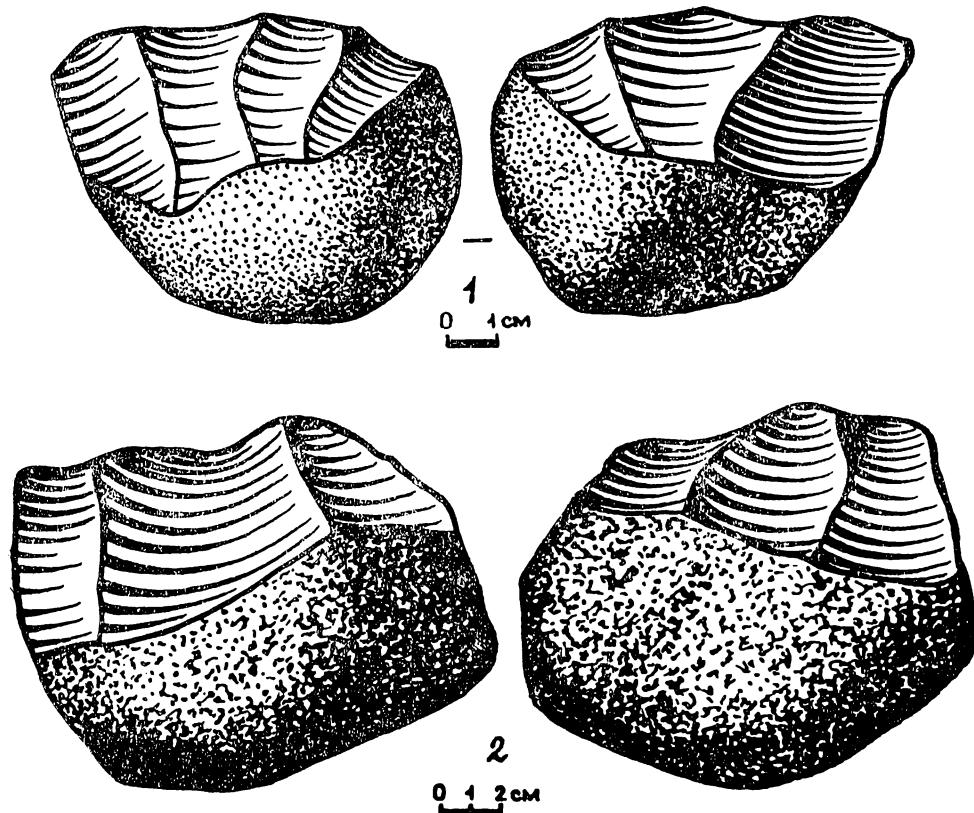

Рис. 1. Двусторонне-рубящие орудия из Қзылкиндыка.

для дисковидных орудий и для каменных изделий типа чоппинг с узкой пяткой. Рабочий участок лезвия у таких орудий оформлялся с помощью приема полусного скальвания, характерного для нуклеусов. Двусторонне-рубящие орудия, обработанные такими приемами, схожи по форме с нуклеусами леваллуазского типа. Технологическим приемом на местонахождении Қзылкиндык является одно крупное скальвание и дополнительная обработка с другой стороны либо мелкими сколами, либо таким же крупным сколом, но несколько под углом к первому.

Ручные рубила (3 экз.) по форме и технике обработки более всего напоминают орудия, встреченные в архаических комплексах Борыказган, Танирказган. Они оформлены на овальных заготовках. Рабочее лез-

вие обивалось с двух сторон крупными, круто направленными сколами, образующими при стыке высокий центральный гребень. Верхний конец и края обработаны по всей длине бифациально. Нижний конец не обработан и сохранил желвачную корку, поэтому центр тяжести приходится на вторую половину орудия. Сечение этой части подтреугольное, понижающееся к верхнему концу, у нижнего участка утолщенное основание (рис. 2, 2). Второе орудие (рис. 2, 1) миндалевидное, изготовленное из

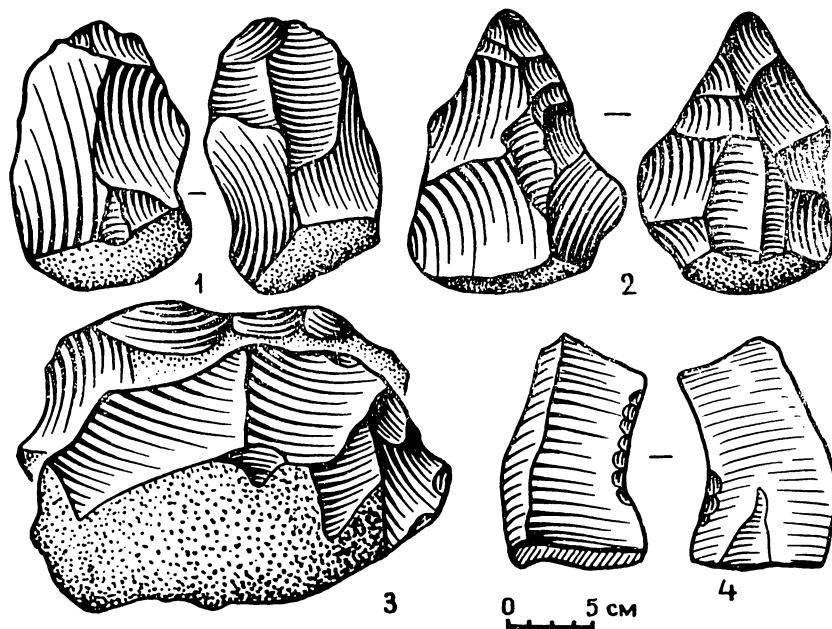

Рис. 2. Каменные изделия из Кзылкыпдыка: 1, 2 — ручные рубила; 3 — двусторонне-рубящее орудие; 4 — архаический отщеп.

овального плитчатого желвака, также обивалось бифациально. Крупные и более короткие сколы наносились от края к центру попеременно, то с одной, то с другой стороны. Как и у первого изделия, сужена верхняя часть, которая приострялась мелкой обивкой и мелкой затеской. Нижний конец сохраняет утолщенную желвачную корку, от чего очень удобно держать орудие в руке.

Дисковидные орудия (5 экз.) имеют с обеих поверхностей желвачную корку. Они могли служить не только в качестве ядрища, но и как орудие, после использования в качестве нуклеуса. Последний отличается тем, что одна сторона его, как правило, более плоская, целиком очищена от желвачной корки, а другая обработана сколами. Второй разновидностью дисковидных орудий являются небольшие изделия, дополнительно преобразованные в орудия путем приострения одного из участков. Третьей разновидностью — двояко-выпуклые или овальные диски. Последние могли служить и в качестве рубящих орудий и в качестве нуклеуса.

Нуклевидные орудия (8 экз.). В эту группу мы относим такие изделия, которые по характеру обработки напоминают пирамидальные, треугольные нуклеусы. Обе стороны обработаны у них неравномерно: одна сторона по одному краю обработана короткими сколами, другая сторона имеет пластинчатые, параллельные негативы сколов, снятых ударами только по одному краю заготовки, а другой край соответствует ударной площадке. Другое нуклевидное изделие — типа леваллуазского четырехугольного нуклеуса для пластин с параллельными сколами, идущими от одного края заготовки. Третье изделие — типа дисковидного нуклеуса обработано с тыльной стороны, причем только с одного края, и напоминает площадку леваллуазского нуклеуса. Противоположная сторона обработана четырьмя сколами. Данное изделие похоже на нуклеус с лезвием.

Орудия из отщепов в местонахождении Қылкиндык занимают значительное место. Это крупные остроконечники, прямые, боковые скребла с одним-двумя зубчато-выемчатыми краями. Отдельные отщепы обрабатываются несколькими крупными поперечными сколами вдоль бокового края и заходят на поперечный конец, слегка закругляя его. Иногда такие формы обрабатываются мелкой зубчатой ретушью, которая образует на обеих плоскостях неглубокие выемочки узкоовального скребла (рис. 2, 4). Следует отметить, что большинство орудий из отщепов повторяет форму и систему обработки рубяще-режущих, скобляющих орудий. Они широко применялись, вероятно, как режуще-колющие орудия, о чем свидетельствует серия архаичных остроконечников, которые представляют собой довольно крупные овально-треугольных очертаний отщепы. По одному либо по двум боковым выпуклым краям они оформлены крупной ретушью, иногда такие отщепы притупляются двусторонней ретушью, а в некоторых случаях такая обработка напоминает резцовый скол срединного типа. Некоторые отщепы на спинке имеют негатив приостряющих край сколов на нуклеусе и могли служить в качестве ножей-клинов. Часто заходящими на спинку сколами оформляется прямой либо выпуклый длинный режущий край, а на поперечном сколе делается прямой либо скошенный край долотовиднорубящего назначения. К этим изделиям примыкают орудия из отщепов с более тщательной обработкой по острому, выступающему краю. Такие ножныскребки характерны для шелльско-ашельского периода нижнего палеолита. Чаще встречаются скребла-ножи с обушком, образованным корочным участком отвесной грани отщепа или более массивным краем. Предпочтение отдавалось скреблам-транше с правильным длинным и овальным лезвием и противостоящим ему обушком. По характеру сколов и формам орудия из отщепов не отличаются от более архаичных комплексов. Здесь встречается большой процент неправильных заготовок без следов корки на спинке, отщепы с двойными бугорками, гладкие склонные крупные площадки и массивные выпуклые в нижней части брюшковой поверхности.

В технико-типологическом смысле материал данной стоянки сходен с более архаичными комплексами Борыказган, Танирказган, что позволяет датировать данное местонахождение шелльско-ашельским периодом

нижнего палеолита¹. Датировка отодвигается только благодаря наличию леваллуазской техники скальвания камня. Что касается соотношения во времени архаичных материалов Борыкагзанской группы и Кзылкиндыка, то, нам кажется, они одновременны. Отщепы без ретуши и куски нуклеуса представляют собой довольно грубые, неустойчивые формы, сколотые с крупных кусков каменных заготовок, и отличаются

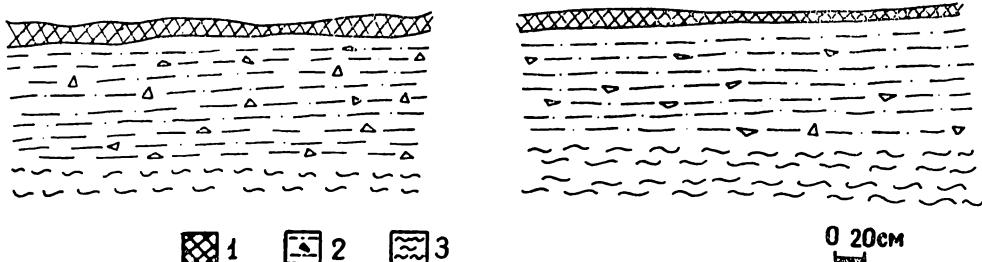

Рис. 3. Разрез западной (слева) и восточной (справа) стен шурфа близ с. Жанаарык:
 1 — дерновый слой; 2 — щебень с желтовато-рыхлым суглинком; 3 — породы палеозоя

массивными бугорками, занимающими более половины поверхности, крупными размерами, часто на площадке и плоскости скальвания имеют следы двойного концевого удара.

Из открытых нами местонахождений и стоянок наиболее древним после нижнепалеолитической стоянки Кзылкиндык является местонахождение **Жанатас**. Место, где выявлены каменные изделия, расположено на правом берегу р. Беркутты, на южной и северной сторонах дороги Джамбул — Жанатас, на террасовидной возвышенности. Позднее рельеф здесь был видоизменен природными процессами и строительством дороги, моста через р. Беркутты. Там, где река, подрезая правый склон возвышенности, поворачивает на запад, в сторону города Жанатас, нами собраны совершенно новые, не известные до сих пор в Казахстане комплексы каменных изделий раннемустьерского времени. Аналогичные каменные орудия известны из местонахождений Кульбулак в Узбекистане² и Киник-Кобе в Крыму³. Шурфовка обнажения, ориентированная вдоль склона в направлении юг — север и доведенная до коренных пород, выявила, что каменные поделки залегали в желто-рыхлой валунно-щебенистой толще суглинка, под дерновыми слоями. Толща отложений не более 1,20 м, глубже залегали коренные твердые породы палеозоя (рис. 3). В расположении каменных изделий определенного порядка не наблюдалось, они были рассеяны по всей толще слоя. Второй

¹ Алпысбаев Х. Открытие памятников древнего и позднего палеолита в Южном Казахстане. — Советская археология, 1961, № 1, с. 151—164.

² Касымов М. Р. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак в Узбекистане. — МИА СССР, 1972, № 18, с. 111—120.

³ Бонч-Осмоловский Г. А. Палеолит Крыма, вып. I. М.—Л., 1940, с. 113, табл. V—XI.

и третий горизонты оказались более богатыми, чем первый, где встречались лишь единичные отщепы. Необходимо выяснить, содержатся ли такие каменные изделия в горизонтах, расположенных выше к северу, и оттуда ли сползли эти находки. Никакого существенного различия в патинах изделий не выявляется. Вся толща валунно-галечниковых щебенистых горизонтов с каменными изделиями, в том числе находки нижнего горизонта, представляет единовременное отложение. Костей животных и других следов деятельности человека, кроме каменных изделий, на вскрытой части шурфа не встречено, культурные слои на данном участке отсутствуют. На сколотой поверхности у большинства каменных изделий имеются толстая известковая корка и глубокая патина. Интересно, что обитатели Жанатаса преимущественно пользовались местными валунно-галечниковыми и другими кремнистыми породами палеогеновых и меловых отложений. Преобладают кремнисто-известковые гальки темно-зеленого цвета, как и в других палеолитических местонахождениях подобного типа: в долинах р. Арысь, низовьях р. Чу и других пунктах северо-восточных участков Мойн-Кума. Такие мустьевские зубчатые индустрии впервые выявлены нами как наиболее характерные древние прототипы леваллуазской пластинчатой и зубчато-выемчатой техники с преобладанием больших сколов, в основном укороченных отщепов различной формы. На переотложенность всего комплекса этой стоянки указывают компактность залегания каменных изделий, наличие в нем наряду с крупными массивными отщепами и нуклусами мелких экземпляров, а также характер сохранности.

Коллекция каменных изделий из Жанатаса насчитывает 429 экз. Из них 8 крупных желваков представляют собой единичные крупные и мелкие сколы, сделанные рукой палеолитического человека, 6 экз.— крупные аморфные обломки желваков кремнистого желтого сланца без признаков искусственного скальвания. Со следами многократных сколов и вторичных обработок 139 экз. Отбросы и отходы производства, так называемые невыразительные отщепы и их осколки, составляют 276 экз. Для техники скальвания галечного камня характерна некоторая небрежность, прослеживаемая в орудиях. Края иногда скошены, сочетаются с зубчатой или выемчатой растушью, подобная обработка является показателем древности ее в пределах этого комплекса. Особенность наложения вторичной обработки на заготовку орудий в комплексе Жанатас приближается к Кульбулаку: рабочие края оформлены противолежащей или чередующейся ретушью.

Особое место занимают гладкие каменные изделия (120 экз.), слегка выветренные (25 экз.), сильно выветренные (195 экз.), в том числе с фасетированными и подправленными ударными площадками (5 экз.). Каменные изделия со следами корки на спинке составляют 29%. Преобладают зубчато-выемчатые комбинированные каменные изделия (41%). Довольно значительное число орудий, как мы наблюдали, сочетают несколько рабочих функций на одной заготовке. Такие закономерности встречаются в изделиях аналогичного возраста в аналогичных местонахождениях.

В коллекции Жанатас представлены атипичные и укороченные тре-

угольные нуклеусы с участками желвачной корки, со следами радиального, параллельного и противолежащего скальвания (рис. 4, 1—6). Чувствуется леваллуазская техника, хотя здесь она развивалась, ве-

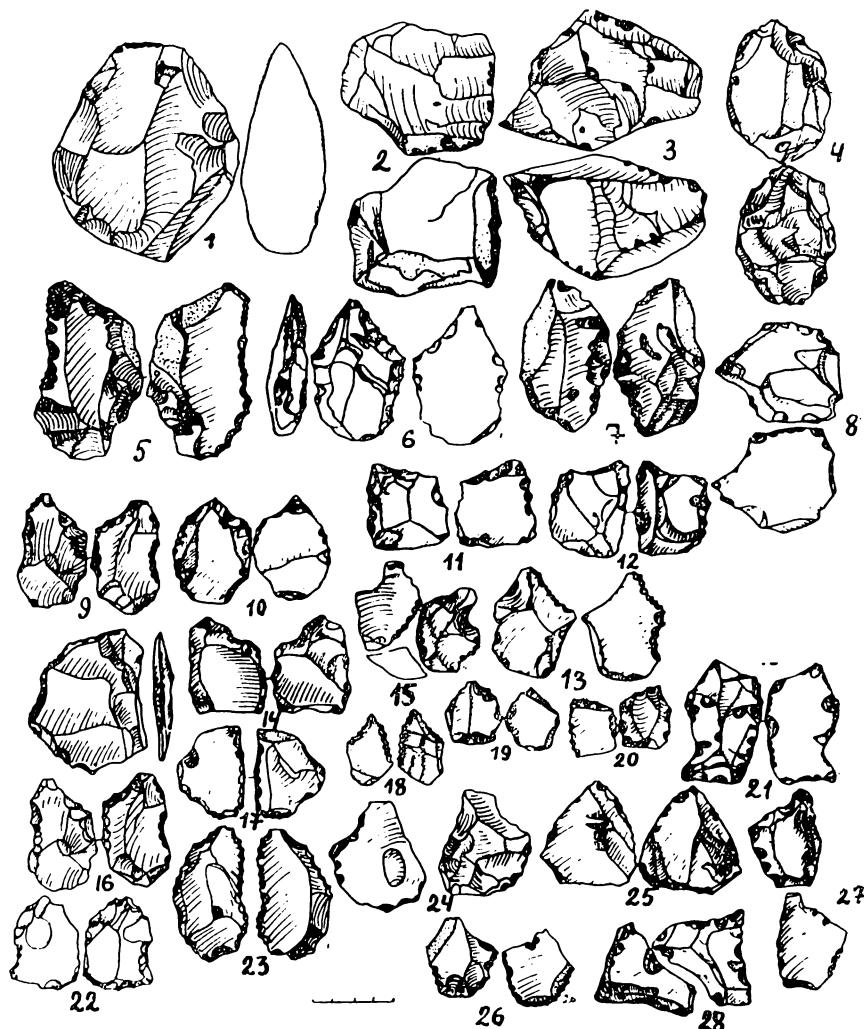

Рис. 4. Каменные изделия: 1—24 — из Жапатаса; 25, 26 — из Коктала; 27, 28 — из Байкадама.

роятно, независимо от основной леваллуазской техники скальвания. Об этом свидетельствуют встречающиеся леваллуазские отщепы, эквивалентные негативам подобных нуклеусов. Формы нуклеусов, по которым можно было выявить технику скальвания, отчетливо обнаруживают постепенный переход от нуклеуса к функциям каменных орудий.

Нуклеусы встречаются как с одиночными, так с многократными сколами. Но, учитывая довольно большое количество как массивных, так и мелких отщепов и их сколов, можно полагать, что в данном местонахождении существовали дисковидные и другие формы, которые использовались до предела, а затем превращались в орудия.

Атипичные нуклеусы часто имеют беспорядочные сколы в разных направлениях. Встречаются короткие, заостренные концы которых использовались как рубящие орудия (рис. 4, 6—9). Очень велико количество крупных и мелких отщепов и заготовок орудий, частично обработанных и превращенных в другие формы орудий. Среди них грушевидное ручное рубило, очень грубо выполненное, форма орудия симметрична, рабочие края на $\frac{3}{4}$ окружности орудия обработаны бифасиально по всей длине, верхний конец сужен. Пяточный участок так же тщательно оформлен, затуплен противолежащими мелкими сколами и слегка закруглен. Наибольшая массивность падает на середину изделия, а сечение здесь биконическое. В продольном сечении данное орудие имеет контур груши, наиболее длинная приподнятая часть составляет пятку (рис. 4, 10).

Двусторонне-рубящее орудие типа чоппинга изготовлено из сероватого кремнистого сланца ($11 \times 9 \times 4$ см). Заостренный конец образует дугообразное острие лезвия, оформленное параллельными пластинчатыми сколами, направленными от нижнего конца рубящего орудия. Другая сторона отделана противолежащими сколами, а края этого орудия обработаны мелкими, причем скальвание велось с противоположных сторон. По своей форме, характеру рабочей части и функции орудие аналогично рубящим орудиям типа чоппинг, известным из низнепалеолитических памятников хребта Каратай, Монголии, Сибири, Индии паряду с ручными рубилами, чоппингами, чопперами и орудиями из отщепов.

Представленные в коллекции Жанатас скребково-скребловидные орудия выполняли различные функции. Некоторые из них от длительного пользования затуплялись и подвергались вторичной обработке ретушью, мелкими сколами, подтеской, после чего эти изделия использовались для других целей, например, как ножи-скребла (9 экз.) с одним и двумя краями. Основная черта, объединяющая изделия скребково-скребловидной группы, — оформление рабочих краев крутой крупной и мелкой ретушью. Форма этих изделий самая разнообразная, как и характер рабочих краев, всякое крутое пересечение двух плоскостей могло быть использовано в качестве рабочего края. Довольно часто одни и те же скребла выполняли две и более функций. Скребки-ножи с заострениями на длинных краях, часто ретушированы по двум и более краям, сходящимся под острым углом (рис. 4, 11, 12). Скребки имеют различные варианты. Большинство отщепов обрабатывается зубчато-выемчатой ретушью, чаще с брюшковой поверхности, изредка с противоположной плоскости (рис. 4, 11—13). Иногда крупные отщепы переоформляются в двусторонне-обработанные орудия — скребла, тогда плоскости оформляются крупными сколами, идущими от продольного края к центру, заостряющими рабочее лезвие, а противоположный край затуплен либо не обработан (рис. 4, 12, 14). Особо следует подчеркнуть, что зуб-

чатое и выемчатое орудие оформлено чередующейся (плоскостной, краевой) ретушью, рабочие элементы этого орудия — так называемые зубцы и выемки оформлены крупной ретушью, аналогичная вторичная подправка нанесена со стороны спинки и брюшка. Наконец, у таких скребел с брюшковой плоскости сделаны маленькие выемки, зубчатость (рис. 4, 17). При помощи вторичных подправок и резцовых сколов эти орудия преобразовывались в скребло-зубчато-выемчатые. Наиболее характерные орудия оформлены на продольных краях леваллуазских отщепов со стороны двух плоскостей. На самом конце этих изделий с обеих сторон сделаны маленькие выемки (рис. 4, 18, 19).

В коллекции выделяются остроконечники и изделия зубчатой и выемчатой формы. Один остроконечник — скребло лавролистовидное, частично обработанное со стороны спинки (рис. 4, 20). Изготовлено на удлиненном треугольном темно-сером кремнисто-сланцевом отщепе путем вторичной обработки продольных краев верхней поверхности заготовки и частично — нижнего конца. Ретушь частая, приподнятая, чешуйчатая, с подтесками, крупная и мелкая. Крупная ретушь удаляет частицы с краев и придает орудию задуманную форму остроконечника, а мелкая лишь приостряет остроконечник как скребло (рис. 4, 21). Второе подобное изделие отличается неодинакостью в обработке. Изготовлено из короткого, подтреугольного темно-зеленого кремнисто-сланцевого отщепа при помощи вторичной отделки вдоль поверхности отщепа, вдоль правого продольного края и части противоположной плоскости. Ретушь плоская и приподнятая, мелкая с заломами. Изделию придавали форму скребка-скребла, затем остроконечника, а далее путем подтески переделывали его в выемчатое орудие (рис. 4, 22). Последнее имеет по правому и поперечному краю более тонкую, чем обычно, мелкую ретушь, а следующий не отретуширован. Острый конец идеально заострен более пологой зубчатой ретушью.

Мелкие каменные зубчато-выемчатые орудия применялись при выделке шкур, размягчении кожи, для перекусывания сухожилий, стирания мездры, строгания дерева. Такие орудия создавались путем вторичной отделки продольного правого и частично поперечного верхнего края с верхней плоскости. Ретушь весьма пологая. На продольном левом крае резцовых сколов имеется зубчатость (рис. 4, 15, 16). Наложение вторичной подправки придает подобным орудиям характерную зубчато-выемчатую форму.

Представлены орудия с разнообразными рабочими элементами на углу режущего края заготовки. Например, мелкозубчатые ножи-скребла-резцы различного назначения, совмещающие в себе режущие, долотовидные, скребловидные функции. Первоначально такие орудия обрабатывались, как скребло, а затем — путем поперечных краевых резцовых сколов с помощью подтески и чередующейся зубчатой ретушью (рис. 4, 21—24). Наличие орудий со скребуще-режуще-прокалывающими рабочими элементами свидетельствует о бытовом охотниче-хозяйственном назначении таких комплексов, как Жанатас, где найденные единичные орудия сопровождаются многочисленными невыразительными и незавершенными зубчато-выемчатыми орудиями. У обитателей Жанатаса,

вероятно, существовала комплексная мастерская по добыче каменного сырья. Параллельно с ней в тех же местах могли существовать другие комплексы орудий с другими хозяйственными назначениями.

Коктал. Во время поисково-разведочных работ в верховьях р. Коктал в 1973 г. в 7 км к северо-востоку от населенного пункта Зеленый Коктал на правом высоком берегу р. Коктала, на высоте 25 м от уреза воды были открыты каменные изделия: одно-двустороннерубящие орудия, скребло из массивного отщепа, оформленного ступенчатой ретушью, рабочее лезвие и три отщепа. Все они изготовлены из черного кремня, известного нам по Танирказганскому комплексу. На боку отщепов наблюдаются массивные ударные бугорки. Все данные позволяют считать их аналогичными изделиями из археологического комплекса хр. Карагату.

Во второй группе преобладают отщеповые крупно-зубчатые остроконечники с чередующейся ретушью, зубчатостью с двух сторон (рис. 4, 25). Аналогичные изделия чаще оформляются с помощью чередующейся затески или зубчатой ретуши, что создает зубчато-выемчатое орудие с извилистым рабочим краем.

Вся группа перечисленных орудий выполняла первоначально одну, а затем и другую, конечную функцию. Так, зубцы играли большую роль в перекусывании сухожилий, а после неоднократного подправления ретушью выполняли и другие функции (рис. 4, 26). Особенно это относится к скребуще-рубящим орудиям.

В **Байкадаме** встречены изделия, по технике изготовления более древние, чем каменные индустрии Жанатаса, но по оформлению аналогичные им. К числу ашельско-мустьерских местонахождений типа Жанатас условно можно отнести немногочисленные изделия преимущественно бедных стоянок близ райцентра Байкадам и к юго-востоку от него. Каменные изделия в основном располагались на юго-западном и восточном участках названного райцентра. Основная часть коллекции собрана в 1958 г., а в 1973 г. при повторном осмотре пунктов коллекция была пополнена выразительными каменными изделиями. В общей сложности в районе Байкадама выявлено более 47 каменных изделий, большинство из них сохранили палево-серую известковую корку. Основным сырьевым материалом служили различные каменные породы разных оттенков, выходы которых находятся в 17 км к югу, в районе колхоза «Инталы». Может быть, Байкадам и Жанатас однотипные памятники.

В коллекции Байкадамского местонахождения имеются белый и черный кремень, но в единичном экземпляре. Среди множества целых пластинчатых отщепов и обломков преобладают короткие отщепы и заготовки орудий из отщепов. Все они имеют глубокую патину в отличие от собранных здесь каменных изделий с белой патиной, т. е. молодого возраста. На поверхности лессовидного склона выявлены наиболее интересные экземпляры с чередующейся и краевой приостряющей ретушью одной плоскости. Характерно, что рабочие зубцы и выемки на орудиях крупны и выразительны (рис. 4, 27, 28). Зубчатые орудия с выемками сочетают несколько рабочих функций.

Таким образом, по условиям залегания, форме, технике обработки каменные орудия из Кзылкиндыка примерно одновременны с отложе-

ниями конгломератов на верхней террасе рек хр. Карагатау. Каменный инвентарь из Кзылкиндыка не сопровождается остатками другой палеолитической культуры, хотя он доказывает существование древнейших этапов палеолита Южного Казахстана.

Кзылкиндык — один из первых заселенных человеком памятников щелльско-ашельской эпохи палеолита Южного Казахстана. Как следующую ступень развития палеолитической техники и культуры можно рассматривать каменные изделия, выявленные в местонахождении Жанатас и прилегающих к нему районах. Правда, в Жанатасе был открыт совершенно новый памятник, который перекликается с позднеашельско-мустерскими слоями соседнего Кульбулака, близ Ангрена (Узбекистан)⁴. На обоих местонахождениях прослеживаются одни и те же формы зубчато-выемчатых орудий. Эти данные свидетельствуют о том, что на одной территории в одно и то же время существовало несколько орд, которые жили в соседстве, но каждая из них располагала своими техническими традициями и каменным инвентарем.

⁴ Касымов М. Указ. работа.

**ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЙ МОТИВ ЛЬВА
В ПРИКЛАДНОМ ИСКУССТВЕ ДРЕВНЕГО КАЗАХСТАНА¹**

В 1957 г. в окрестностях Алма-Аты найден бронзовый перстень. Условия находки, к сожалению, выяснить не удалось². Перстень имеет пластинчатую дужку и четко выделенный щиток. Дужка, посте-

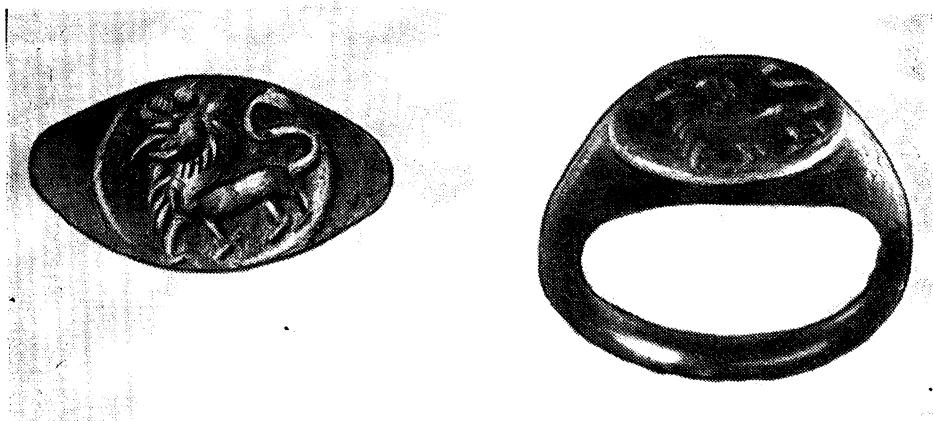

Рис. 1. Бронзовый перстень с изображением льва на щите из Алма-Аты.

пенно расширяясь в передней части, плавно переходит в щиток, более широкий, чем кольцо, имеющий форму вытянутого овала. Вес перстня 11 г, диаметр кольца 21 мм, высота дужки в тонкой части 3 мм, у основания щитка — 7 мм, размеры щитка 12×15 мм (рис. 1). Перстень отлит

¹ Приведенные атрибуции вещей носят предварительный характер, что вызвано малочисленностью добытого материала, и будут уточняться по мере накопления новых данных.

² Хранится в коллекции Центрального музея Казахстана, № КП 9399. Авторы выражают глубокую признательность Т. А. Акимовой за представленный материал.

в форме и сверху покрыт пастой или смолой. На щитке имеется горельефно выполненная фигура льва, идущего справа налево, в агрессивной позе. Огромная голова устрашающе приподнята над тонким корпусом, пасть широко раскрыта, язык высунут, грива взъерошена; тонкий хвост с-образной формы с массивной кисточкой на конце приподнят над торсом хищника (рис. 2). Лапы оформлены как полушечки овальной формы. От головы царственного зверя расходятся лучи. Перстень, видимо, принадлежал высокопоставленному лицу, так как изделия такого функционального назначения обнаружены в богатых курганных погребениях.

Рис. 2. Прорисовка льва, изображенного на щитке алматаинского перстня

Оправленная в золотой перстень халцедоновая печать с изображением царя, борющегося со львом, и находка головки египетского божества ахеменидского времени из скифского кургана Большая Близница³ свидетельствуют о том, что перстни с изображением

льва являлись принадлежностью царских особ и служили не только предметом роскоши, но и государственной печатью при оформлении различных деловых документов. Печати-знаки на территории древнего Казахстана появились еще в сако-усуньское время. Несколько глиняных печатей было найдено при раскопке захоронений в Семиречье (могильники Карава, Талгарский)⁴. По сведениям древних хроник, некоторые усуньские военачальники и чиновники обладали золотыми и медными печатями⁵. Широкое применение печатей-булл известно в Средней Азии и в сасанидское время⁶. Алма-атинский перстень в какой-то мере дополняет наши представления о социальной стратификации в древнем обществе Семиречья.

Изобразительный мотив льва в искусстве Казахстана известен с VII в. до н. э. Золотые бляшки с лежащими и идущими львами обнаружены в Казахстанском Приаралье, в могильниках Тагискен и Уйгарарак⁷, датируемых VII—III вв. до н. э. Кроме того, находки лежащих львов сделаны в могильнике Тасмола (Центральный Казахстан), который датируется М. К. Кадырбаевым концом VI — началом V в. до н. э.⁸ Скульп-

³ Пильтровский Б. Б. Скифский мир. — Курьер, 1977, яварь, с. 8.

⁴ История Казахской ССР. С древнейших времен до наших дней. Т. 1. Алма-Ата, 1977, с. 298; Максимова А. Г. Цепочка курганов из могильника Карава I. — В кн.: Помследам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, с. 127, рис. 5.

⁵ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.—Л., 1950, с. 198.

⁶ Дьяконова Н. Сасанидские буллы. — Сообщение ГЭ. Л., 1960, XIX, с. 34, 35.

⁷ Артамонов М. И. Сокровища саков. М., 1973, с. 25, илл. 20—22, с. 26, илл. 25; с. 30, илл. 30, а, б.

⁸ М. К. Кадырбаев считает их тиграми. (См.: История Казахской ССР, т. 1, с. 242).

турное изображение львов (по трактовке А. Н. Бернштама, барсов) широко использовалось саками Семиречья при оформлении культовых предметов, жертвенныхников (V в. до н. э.), характерных в основном только для этого региона⁹.

Изображение льва в искусстве Казахстана продолжало бытовать в IV—III вв. до н. э. Найденная в урочище Берккара I (Таласская долина) бронзовая пряжка с изображением головы льва, глотающего птицу (?), выполнена в типично сакском стиле¹⁰. Однако следует отметить, что изображение льва для сакского искусства Казахстана не характерно, как, скажем, мотив хищников местной фауны кошачьей породы (тигры, барсы, пантеры), и является мотивом малоазийского происхождения.

В тюркское время изобразительный мотив льва получил широкое распространение как на металле, так и на керамике. На обратной стороне монет отарского и частично чачского чеканов изображен лев, шагающий вправо с загнутым над спиной хвостом¹¹. Особенно интересна монета II типа засырдаринского чекана со львом, более художественно оформленным. Лев изображен как бы шагающим по земле, с оскаленной пастью, с плавно изогнутым тонким корпусом и с приподнятым над туловищем s-образным хвостом, завершающимся кисточкой. Все изображение заключено в круглый медальон из перлов (рис. 3). Манера исполнения весьма сходна с изобразительным мотивом этого хищника на бронзовом перстне из-под Алма-Аты: та же поза, горделивая осанка головы и изгибающийся над корпусом s-образный хвост. По технике передачи изображения (в так называемой «штриховой манере»), характерной для позднесасанидского искусства¹², мы относим алма-атинский перстень к тюркскому времени (V—VIII вв.).

Монеты чачского и отарского чеканов выпускались главами тюркских родов, о чем свидетельствуют различные тамги на лицевой стороне. Интересно, что изображение льва присутствует только на тех монетах, которые чеканились тюркскими правителями владетельных родов. Сам лев, символизирующий силу, власть и величие, особо почитался у тюркских народов, проживающих на Сырдарье и в Семиречье, т. е. на

⁹ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — МИА, М.—Л., 1952, 26, с. 45, рис. 20, с. 46.

¹⁰ Бернштам А. Н. Берккаринская пряжка. — КСИИМК, вып. XVII. М., 1947.

¹¹ Смирнова О. И. Каталог монет с городища Пенджикент. (Материалы 1949—1956 гг.). М., 1963, с. 33; Древности Ташкента. Ташкент, 1976, с. 22, рис. 1, 2; Бурнашева Р. З. Монеты раннего средневековья с городища Оттар-тобе и Оттарского оазиса (материалы 1969—1972 гг.). — В кн.: Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975, с. 62—63, табл. I, 1—3.

¹² Луконин В. Г. Искусство древнего Ирана. М., 1977, с. 21.

Рис. 3. Бронзовая монета из Отара конца VII—нач. VIII в. с изображением льва.

территории карлукско-печенежской конфедерации. Не случайно карлукский правитель носил имя Arslan II-tırgıuk¹³.

Письменные источники более позднего времени, а также нумизматический материал XI—XII вв. показывают, что организация и титулатура верховной власти в Карабаханском государстве восходили к двум основным племенным группам — чигилям (знак арслан — лев) и ягма (знак богра — верблюд). Во главе государства стоял верховный каган только с титулом арслан кара-хакан, соправитель носил титул богра кара-хакан. И только двое из четырех каганов государства имели право носить эти титулы¹⁴.

Рис. 4. Клеймо с изображением на хумусе из Тараза (V—VIII вв.).

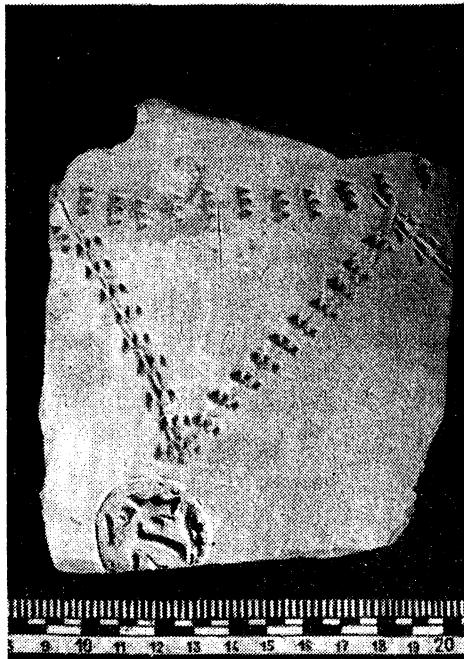

Рис. 5. Изображение льва на клейме, представлена на хумусе из Тараза (X в.).

На городище Тараз (V—VIII вв.) обнаружена серия погребальных кумов, среди которых интересны сосуды, украшенные тремя клеймами. В каждом оттиске изображена неуклюжая массивная фигура льва¹⁵. Одна группа клейм изображала сидящего влево на задних лапах льва, устрашающее приподнятой передней лапой. Его морда с оскаленной

¹³ Goben A. M. Steppe und Stadt im Leben der ältesten Türken. — Der Islam. Heft Berlin, 1949, s. 40, bd. 29.

¹⁴ Pritsak V. O. Die Karachaniden. — Der Islam. XXXI, Heft 1, Berlin, 1953, s. 19.

¹⁵ Сеникова Т. Н. Вопросы идеологии и культов Семиречья (VI—VIII вв.). — В кн. Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, с. 58—59, рис. 2.

пастью и торчащими под треугольной формы ушами обращена вправо, в сторону приподнятого кверху хвоста, заканчивающегося пышной кисточкой. Грифа передана пучком шерсти у повернутой шеи.

Вторая группа клейм имеет одиночное изображение зверя. Лев также передан сидящим на задних лапах, но смотрящим вправо, с высоко поднятой левой лапой и хвостом. Пасть угрожающе оскалена, немного заостренные под треугольной формы уши торчат над головой. Над плавно изогнутой спиной, вероятно, изображена грифа или же крыло. Дополняет данное изображение диск полумесяца у кончика хвоста (рис. 4). Диск с полумесяцем (пирей) — весьма характерный атрибут корон хорезмийских и согдийских царей¹⁶.

Дошедший до нас фрагмент погребального хума с одиночным клеймом (Х в.) сохранил изображение полусидящего льва, с головой, повернутой в сторону вертикально поднятого пышного хвоста. В отличие от описанных этот лев имеет несколько удлиненную форму головы, пасть его также оскалена, но язык высунут. Голова завершается острым ухом. На изгибе утонченной шеи пучком выделена холка. Передняя правая лапа угрожающе поднята вверх (рис. 5). По горловине сосуда идет поясок из зубчиков, от которого симметрично на корпус ниспадают треугольники как бы с подвешенными к ним медальонами-клеймами.

Таразские оттиски со львами, со львом и полумесяцем, очевидно, следует рассматривать как зороастрыйский символ, связанный с культом Аханит (Нанаиа), который был хтоническим, почитаемым аристократией. Письменные источники этого времени свидетельствуют об основании близ Тараза выходцами из Бухары — дихканами и купцами — города Хамукета¹⁷. Факт переселения в Тараз значительной части согдийской аристократии свидетельствует о той значительной роли, которую играл этот город не только в Семиречье, но и в Средней Азии в целом. Не случайно в этой связи особая роль отводится влиянию согдийской культуры в Семиречье, в Таласской долине и в самом Таразе¹⁸. Отсюда становится понятным, почему хумы с клеймами из львов были сконцентрированы только на городском некрополе, где захоронена дворянско-диханская аристократия¹⁹. Традиции хоронить высокопоставленных лиц в погребальных сосудах с изображением львов бытовали в Таразе и в более позднее время²⁰.

Данное предположение вполне подтверждается и керамическим дастарханом с редчайшим изобразительным мотивом, найденным в Таразе в культурном слое VII—VIII вв.²¹ Реконструкция этого предмета

¹⁶ Раппопорт Ю. А. Об изображении на бартымском блюде, найденном в 1961 г.—СА, 1962, № 2, с. 59.

¹⁷ Наршахи. История Бухары. Ташкент, 1897, с. 12—13.

¹⁸ Бернштам А. Н. Согдийская колонизация в Семиречье. — КСИИМК, VI, М.—Л., 1940; Распопова В. И. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины. — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. II. М., 1960.

¹⁹ Сенигова Т. Н. Вопросы идеологии и культов Семиречья..., с. 58—59.

²⁰ Ремпель Л. И. Некрополь древнего Тараза. — КСИИМК, 69. М., 1957.

²¹ Сенигова Т. Н. Орнаментальные узоры на керамических сосудах VI—IX веков. — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, с. 130, рис. 8.

позволила увидеть самобытное художественное творчество древнего мастера, донесшего до нас весьма интересный орнамент, состоящий из четырех чередующихся поясов с двумя различными по характеру сюжетами (рис. 6). В центре дастархана штампом круглой формы изображены четыре полусидящих льва, попарно обращенные головами друг к другу. Задние ноги поджаты, передние широко расставлены. Голова повернута в сторону хвоста, приподнятого над корпусом. Пасть оскалена, уши торчат, грива передана, как у львов на таразских клеймах.

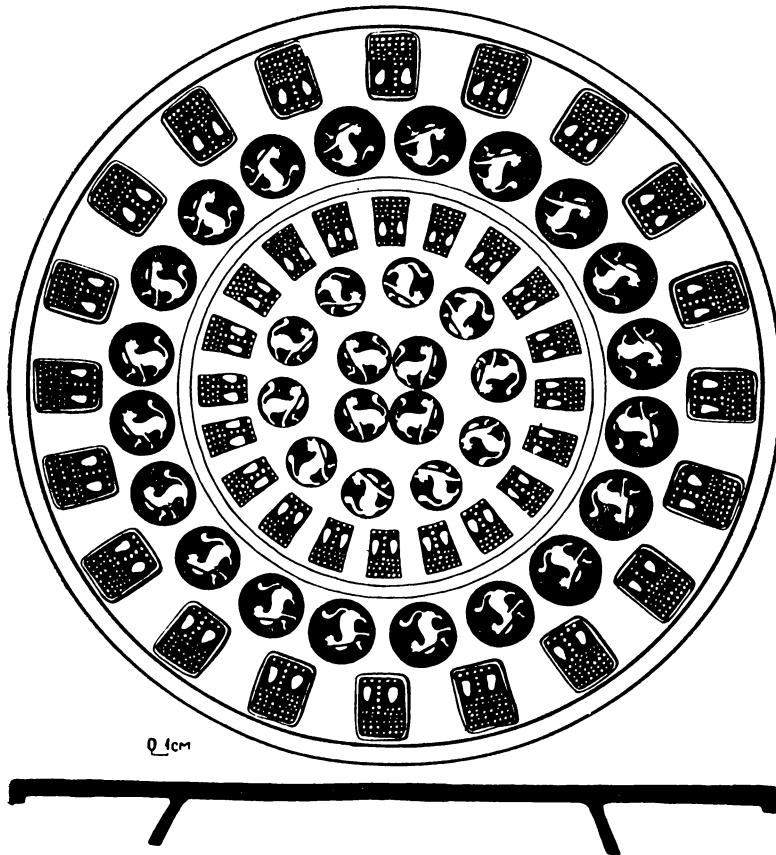

Рис. 6. Дастархан из Тараза с изображением льва и винограда (VII—VIII вв.).

Другой сюжет орнаментальной композиции выполнен штампом квадратной формы и состоит не из зооморфного, а растительного мотива. В каждом штампе, в свою очередь обведенном линейным, тонким светлым ободком, размещено по две симметрично расположенных грозди винограда, разделенных полосой из виноградинок. Над гроздьями идет еще одна такая же полоса, а нижнюю часть всего этого узора составляет обилие виноградинок. Вероятно, художник вкладывал в смысл этого

рянными, но все же дают возможность охарактеризовать владельца их как представителя высшей аристократической прослойки.

Влияние арабской культуры прослеживается и в последующее время на редчайших находках также из Семиречья: бронзовом зеркале и блюде. Зеркало было найдено на руднике Текели на глубине 4 м в лессе и является случайной находкой³⁰ (рис. 8). Оно имеет округлую форму, а в центральной части — маленький квадратный выступ с небольшим отверстием. Выполнено оно в технике литья. Центральную композицию зеркала составляют две фигурки «сфинксов» в профиль, с львиными телами и женскими головками в анфас, повернутых друг к другу спинами. Широко расставленными конечностями «сфинксы» как бы упираются в бордюр зеркала, состоящий, как и унгерлисайское зеркало, из благожелательной надписи. Нижняя часть фигурок оконтурена перлами, постепенно переходящими на тонкий длинный хвост, загнутий крючком. Интересно оформлены крылья, отходящие от плеча фигурок. Оба листообразной формы, крылья сужаются у голов фигур и, переплетаясь, составляют растительный орнамент, который завершается трилистником. Растительными мотивами заполнено также пространство между лапами фигурок. Орнаментированы и задние ляжки, а на левой фигурке от основания крыла отходит лист с завитком на конце. Эта же деталь характерна для кувшина с изображением крылатых сфинксов и львов, обнаруженного в с. Губдор. Датировка предмета — конец XII—XIII вв., происхождение — из Малой Азии³¹. Фантастические животные на рельефах с такой же деталью у крыла изображены на стенках цитадели Коны (около 1221 г.) и на исламских металлических изделиях (бронзовый поднос из Газни и зеркало XIII—XIV вв.)³².

Изыщно и реалистически выполненные головки имеют четко выраженные женские черты. Волосы, разделенные прямым пробором, ниспадая на уши, завершаются локонами. Судя по описанному ранее подобному бронзовому зеркалу с территории Киргизии, которое А. Н. Бернштам ошибочно считал подражанием китайским зеркалам танского-сунского времени (V—X вв.), производство этих зеркал имело место гораздо в более позднее время. Сравнительным материалом может служить другое аналогичное зеркало, хранящееся в коллекции Британского музея в витрине 5 (а) с обозначением: бронзовое зеркало из Персии или Месопотамии XII—XIII вв.³³ (рис. 9). Как видно из анализа этого материала, зеркалами подобной формы, с подобным сюжетом широко пользовались во всем исламском мире — от Месопотамии до Семиречья. Причина унификации сюжетов, иконографии и стиля заключалась во взаимообмене культурными ценностями на «Великом шелковом пути», проходившем через Среднюю Азию и территорию Казахстана. Вдоль этой магистрали располагались основные центры по художественной обработке металла, среди которых немаловажное место занимал Тараз,

³⁰ Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960, № 3078.

³¹ Даркевич В. П. Художественный металл Востока, с. 31, табл. 43, 1—3, с. 32.

³² Там же, с. 32.

³³ Barret D. Islamig metalwork in the British Museum. London, 1949.

которого находились серебряные рудники Ше
му замечанию Б. И. Маршака, международные
проявляющиеся всегда в культуре господствующей
льшей степени отражаются на самых богатых сос

бронзовое зеркало с изображением крылатых фигурок из коллекции Британского музея (XII—XIII вв.).

, богато орнаментированные, включающие в себя как художественных школ, безусловно являются предшествующего класса.

ильный сюжет, состоящий из двух фигурок львов или, известен также и на бронзовом блюде из Т. К. М. Байпаковым этим же временем³⁵. Созданы львами в коронах, с львиными туловищами и крьлись в мусульманском искусстве с конца XII в. Птицы и львы на различных изделиях, подобно благород-

Б. И. Торевтики на согдийскую керамику VII—VIII вв. — Т.

К. М. Талгарское блюдо. — Известия АН КазССР, серия общ-

тельным надписям, играли роль талисманов, дарующих благополучие владельцу вещи³⁶.

Характерными чертами изделий из серебра XI — первой половины XIII в. являлись изображения надписей в узких поясах; фигуры животных сохраняли самостоятельное значение, не сливаясь с фоном. Важное значение придавалось характеру фона в надписях и различных сценах. Для VIII — начала XI в. преобладает гладкий фон или обработанный кольцевым пунсоном, который применялся, как правило, до первых десятилетий XIII в.³⁷

Не утратил свое смысловое значение изобразительный мотив льва и в монгольское время. Он отмечен на многочисленном чекане серебряных и медных монет Золотой Орды³⁸. Львы на них изображены схематично, в профиль, с приподнятой левой лапой и загнутым вверх хвостом. Иногда голова льва дана с поворотом в сторону. За спиной хищника — лучи восходящего солнца, что сближает данный мотив с искусством Ирана. Особо хочется отметить, что изобразительный мотив льва нашел свое отражение и на керамике золотоордынского времени, найденной при исследовании трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая³⁹. Среди археологических находок, относящихся к этому периоду, на территории Казахстана немало серебряных чаш, круглодонных, заполненных растительным орнаментом, одна из них с джагатаидской серебряной monetой⁴⁰.

Анализ предметов монгольского времени позволил А. Н. Бернштаму сделать некоторые выводы относительно техники их исполнения. Он пишет, что «порой мы видим мастера, четко гравирующего рисунок, дающего большую орнаментальную насыщенность, но каждый элемент такого рисунка уместен, четок и выразителен»⁴¹. Однако таких объектов, он считает, было мало. К числу высокохудожественных изделий следует отнести серебряную чашу, найденную в 1895 г. И. П. Петровым в кургане из Акмолинской области вместе с золотыми бляшками⁴², что указывает на знатность погребенного. Чаша полусферической формы, с прямыми вертикально выступающими бортиками, уплощенным дном. У бортика прикреплена маленькая кольцеобразная ручка. На донной части с внутренней стороны размещался орнамент, выполненный в новой технике — чекана. Свообразный сюжет его представлен в виде двойной шестилепестковой цветочной розетки, внешняя линия которой

³⁶ Даркевич В. П. Художественный металл Востока, с. 32, 142.

³⁷ Там же, с. 115.

³⁸ Янина С. А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Булгарах в 1946—1952 гг. — МИА. М., 1954, № 42; Она же. Монеты Золотой Орды из раскопок и сборов Поволжской археологической экспедиции на Царевском городище в 1959—1962 гг. — В кн.: Поволжье в средние века. М., 1970; Ртвеладзе Э. В. К истории Маджар. — СА, 1972, № 3.

³⁹ Федоров-Давыдов Г. А., Вайнер И. С., Гусева Т. С. Исследования трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища). — В кн.: Города Поволжья в средние века. М., 1974, с. 122, рис. 2.

⁴⁰ Археологическая карта Казахстана, с. 372—373.

⁴¹ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки..., с. 178.

⁴² Археологическая карта Казахстана, с. 352—353, рис. 36.

является широко выведенной контурной, а вписанная в нее выполнена техникой чекана и состоит из орнаментального пояска из горошин (рис. 10). Центральная фигура розетки — лев, изображенный в профиль, как бы стоящий на пружинистых задних лапах, в разъяренном состоянии. Фигура зверя имеет самостоятельное значение и не сливается с фоном.

Рис. 10. Серебряная чаша с изображением льва на дне (XIII в.).

ном розетки. В данном изображении сохранена та же традиция сасанидского искусства, выраженная художником в контурной технике рисунка, в высоко поднятой правой лапе и в открытой пасти. Но от описанных выше львов (из Оттара, Тараза, Унгерлисая) данного хищника отличает высокая техника художественного исполнения. Это наблюдается в реализмически выполненной голове зверя с двумя торчащими ушами, в выделенных ноздрях и глазе, в мускулатуре шеи и подбрюшной части тела, в кистях лап с выделенными когтями. Особого внимания заслуживает хвост. Он как бы является продолжением орнаментально-растительной композиции сюжета, заполняющей свободное пространство вокруг основной фигуры животного, усиливая роль фона, выполненного пунсонной техникой. Переплетаясь с растительными завитками, хвост как бы увеличивает удельный вес «чистого орнамента». Техника пунсона и зооморфный сюжет, заключенный в медальон, являлись излюбленным мотивом с X по начало XIII в.

Этот сюжет, переплетающийся с богатейшим растительным орнаментом, не потерял своего значения и в XIV в. Он наглядно проявляется на одном из крупнейших средневековых памятников архитектуры — мавзолее Ходжа Ахмеда Ясави (1397—1405 гг.), хотя встречается на

мотивом и арабской благожелательной надписью и текелийское зеркало со сфинксами и такой же надписью). Местная традиция также не утратила свое лицо, свидетельство тому — оформление таразской поливной чаши.

Положение меняется, когда страну разоряют монголы: нарушается, но не прерывается местная традиция, и народ в своем творчестве доносит лучшие образцы прошлого до наших дней. Это особенно ярко проявляется в серебряной чаше из Акмолинской области и хальке на двери мавзолея Ходжа Ахмеда Ясеви.

К ДАТИРОВКЕ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ ЭПОХИ БРОНЗЫ КАЗАХСТАНСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ

В 1975 г. на территории Жарминского района Семипалатинской области, в урочище Кезимбай (в 70 км южнее г. Семипалатинска) был найден бронзовый однолезвийный нож со слегка вогнутым обушком, прямой рукоятью с двусторонним продольным желобком и овальным отверстием у навершия¹. Прямоэ лезвие со слегка закругленным концом отделено от рукояти плавным выступом. На спинке и по обе стороны рукояти отчетливо видны следы литейного шва, свидетельствующие о том, что нож был отлит в двусторонней форме. Лезвие ножа оттянуто ковкой (рис. 1, 5).

Этот образец входит в коллекцию ножей, выделенных М. П. Грязновым в группу орудий казахстанского типа². Однотипные ножи известны в памятниках эпохи поздней бронзы Северного Казахстана³, Семиречья⁴ и Северной Киргизии⁵. При определении их хронологической принадлежности основным критерием являлись сопутствующие металлические изделия из кладов и поселений.

До сих пор среди исследователей нет единого мнения относительно датировки открытых комплексов. Это обстоятельство дало повод Е. Е. Кузьминой⁶ рассмотреть взаимовстречаемость набора вещей из

¹ Хранится в Семипалатинском областном краеведческом музее.

² Грязнов М. П. Казахстанский очаг бронзовой культуры. — В кн.: Казаки, т. III. Л., 1930, фиг. 3, рис. 2—7.

³ Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение и могильник. — Труды ГИМ, вып. XVII. М., 1947, с. 163; Оразбаев А. М. Северный Казахстан в эпоху бронзы. — Труды ИИАЭ АН КазССР, т. V. Алма-Ата, 1958, с. 278.

⁴ Акшиев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, с. 106.

⁵ Кубиров А., Кожемяко П. Н. Новые памятники эпохи бронзы. — Труды ИИ АН КиргССР. Фрунзе, 1956, с. 43.

⁶ Кузьмина Е. Е. Хронология некоторых кладов Семиречья. — В кн.: Новое в советской археологии. М., 1955, с. 108.

кладов Казахстанско-Киргизского региона, сопоставить их с европейскими и среднеазиатскими материалами и определить новую хронологию кладов — в пределах XII—VIII вв. до н. э. Представляется, что вопрос о

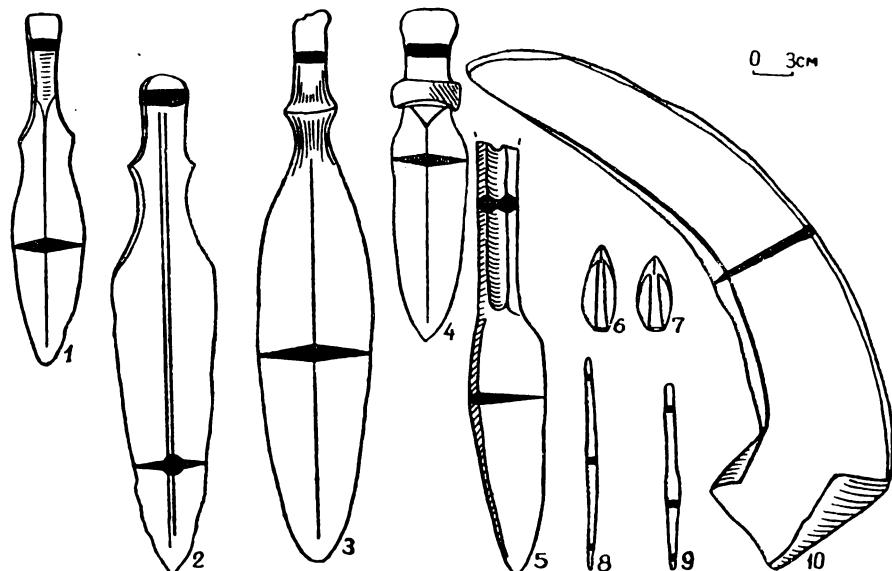

Рис. 1. Бронзовые изделия: 1 — с. Усть-Таловка, 2 — Зевакинский могильник, ограда 72 «б», 3, 5 — Семипалатинская обл., 4 — Зевакинский могильник, ограда 87 «а», 6—9 — у с. Асубулак, 10 — близ г. Лениногорска

датировке случайных находок из Прииртышья также может быть решен путем рассмотрения взаимовстречаемости подобных вещей в инвентаре исследованных поселений и погребений местного региона.

При определении времени бытования ножей с выделенной рукоятью в Прииртышье нельзя обойти вниманием набор металлических изделий и керамики с поселения Мало-Красноярки Восточно-Казахстанской области, где был найден нож⁷, аналогичный семипалатинскому. Бронзовый серп⁸ из Мало-Красноярки по конфигурации близок к серпам, найденным в кладах Семиречья, Сосновой Мазы. Хронология их разнообразна. К. А. Акишев время турксийского клада ограничил VIII—VII вв. до н. э., а новоалексеевского — VI—IV вв. до н. э.⁹ Е. Е. Кузьмина оба клада относит к XII—VIII вв. до н. э.¹⁰

Хронологическую принадлежность клада Сосновой Мазы исследователи определяют по-разному: Н. Я. Мерперт — XIII—XI вв. до н. э.,

⁷ Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. — МИА. М.—Л., 1960, № 88, с. 44, табл. XXXVI, рис. 1.

⁸ Там же, рис. 19.

⁹ Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней..., с. 106, рис. 83, 84.

¹⁰ Кузьмина Е. Е. Хронология некоторых кладов Семиречья, с. 43—44.

В. А. Сафронов — второй половиной XII — началом XI в. до н. э., Н. А. Аванесова — XII—IX вв. до н. э., Н. Л. Членова — XI—VIII вв. Серповидные орудия из Зевакинских захоронений, повторяющие форму секачей из Мало-Красноярки, Семиречья и Сосновой Мазы, датируются VIII—VII вв. до н. э.¹¹ Датировка погребений из 70 оград у с. Зевакино подтверждается ножами «с аркой на кронштейне» и застежками. Зевакино подтверждается ножами «с аркой на кронштейне» и застежками. Зевакино подтверждается ножами «с аркой на кронштейне» и застежками. Любопытно, что прототипы зевакинской застежки зафиксированы среди материалов из Мало-Красноярского¹⁵ и Алексеевского поселений¹⁶.

Таким образом, приведенные аналогии позволяют с определенной уверенностью датировать серпы малокрасноярского типа в пределах XI—VIII вв. до н. э. Обнаруженные в памятниках VIII—VII вв. до н. э. у с. Зевакино варианты серповидных ножей свидетельствуют о преемственности и использовании выработанных форм орудий прииртышским населением на последующем этапе.

Возросший в последние годы интерес к памятникам эпохи бронзы Евразии приводит к созданию типологических и хронологических классификаций металлических изделий андроновской культуры. В этой связи заслуживает внимания разработанная Н. А. Аванесовой периодизация наконечников стрел степных племен эпохи бронзы, в которой малокрасноярские образцы лавролистных наконечников стрел выделены в IX и XIII варианты, соответствующие XII—IX вв. до н. э.¹⁷ Однако, учитывая мнение К. Ф. Смирнова, определившего поздний предел бытования подобных стрел VIII в. до н. э.¹⁸, следовало бы датировать их XI—VIII вв. до н. э.

Клиновидное тесло из поселения Мало-Красноярка в основном повторяет форму аналогичных орудий замараевской культуры, обнаруженных в окрестностях г. Степняк¹⁹ и пос. Челкар²⁰, а также случайных

¹¹ Мерперт Н. Я. О луристанских элементах в кладе из Сосновой Мазы. — КСИА, вып. 108, 1966, с. 134; Сафронов В. А. Некоторые вопросы хронологии среднебронзового века Восточной Европы. — В кн.: VII Международный конгресс антропологов. Доклады и сообщения археологов СССР. М., 1966, с. 188; Аванесова Н. А. К вопросу о бронзовых стрелах степных племен эпохи бронзы. — В кн.: Материалы по археологии Казахстана. Самарканд, 1975, с. 51; Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской культуры. М., 1972, с. 138.

¹² Арсланова Ф. Х. Погребальный комплекс VIII—VII вв. до н. э. из Восточного Казахстана. — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, с. 46.

¹³ Грязнов М. П. Некоторые вопросы хронологии ранних кочевников в связи с материалами кургана Аржан. — В кн.: Тезисы докладов на конференции «Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана». Л., 1975, с. 9.

¹⁴ Бидзилия В. И., Яковенко Э. В. Киммерийские погребения Высокой Могилы. — СА, 1974, № 1, с. 159, рис. 51.

¹⁵ Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы, табл. XXXIX, 6.

¹⁶ Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение и могильник, рис. 22, 3.

¹⁷ Аванесова Н. А. К вопросу о бронзовых стрелах..., табл. 2.

¹⁸ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. — МИА, 1961, № 101, сн. 38, 39.

¹⁹ Черников С. С. Поселения эпохи бронзы в Северном Казахстане. — КСИИМК, вып. 53, 1954, с. 47, рис. 23, 4.

²⁰ Оразбаев А. М. Северный Казахстан в эпоху бронзы, табл. XI, 9—11.

сборов эпохи поздней бронзы в Семипалатинской и Алма-Атинской областях²¹. Близкие по форме тесла известны из кладов, найденных у с. Садовое и Сукулук, датированных Е. Е. Кузьминой XII—VIII вв. до н. э.

Важное значение приобретает взаимовстречаемость клиновидного тесла с уступом и копьевидного и желобчатого долота в кладе, открытом у д. Баландино²², на левом берегу Иртыша. Сходство форм баландинского желобчатого долота с сосново-мазинским экземпляром свидетельствует о синхронности обоих кладов (XI—VIII вв. до н. э.). Не противоречит этому и наличие в наборе вещей из д. Баландино копьевидного долота, близкого по форме тукайскому образцу, датированному XI—VIII вв. до н. э.²³ Дата клиновидного тесла с уступом из Мало-Красноярки также не выходит за пределы XI—VIII вв. до н. э.

Полное представление о развитии клиновидных тесел с уступом дает Е. Е. Кузьмина²⁴ по материалам Средней Азии. Картографирование подобных тесел подтвердило принадлежность их к типичным орудиям эпохи поздней бронзы, имеющим своеобразные казахстанские формы²⁵.

Для определения времени существования Мало-Красноярского поселения большое значение имеет однолезвийный нож с обособленной рукоятью²⁶, сходный с ножом, входящим в состав знамеровской коллекции из г. Степняка. Обращает на себя внимание тот факт, что вместе с ножами в наборе вещей из г. Степняка находился серп с крючком²⁷. Аналогичные серпы найдены на территории Среднего Поволжья в дербеневском кладе²⁸ и включены В. А. Городцовым в круг орудий киммерийского типа²⁹. Комплекс вещей (кельты, серпы с крючком, желобчатое долото, втульчатый двухлопастный наконечник стрелы) из д. Дербедень О. А. Кривцова-Гракова датирована в рамках IX—VIII в. до н. э.³⁰

²¹ Грязнов М. П. Казахстанский очаг..., рис. 3, 13, 14; Акшиев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней..., рис. 83, 84; Джусупов А. Орудия эпохи бронзы из случайных находок в окрестностях Алма-Аты. — Труды ИИЛЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1956, с. 262, рис. 1.

²² Мошинская В. И. Баландинский клад бронзовых инструментов. — КСИИМК, вып. 67, 1957, с. 144—146.

²³ Членова Н. Л. Карасукские находки в первой излучине Чулымы. — КСИА, № 114, с. 88, рис. 40, 14.

²⁴ Кузьмина Е. Е. Металлические изделия неолита и бронзового века в Средней Азии. — САИ, вып. В-4—9. М., 1966, с. 18—20.

²⁵ Грязнов М. П. Казахстанский очаг..., с. 162, рис. 6, 3.

²⁶ Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы, табл. XXXVI, 7.

²⁷ Черников С. С. К вопросу о составе древних бронз Казахстана. — СА, 1951, XV, рис. 3, 1—5.

²⁸ Булычев Н. И. Древности из Восточной России, вып. 7. М., 1902.

²⁹ Городцов В. А. К вопросу о киммерийской культуре. — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук, вып. 2. М., 1928, с. 46—59.

³⁰ Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. — МИА, 1955, № 16, с. 148.

Б. Г. Тихонов серны с крючком из этого клада относит к рубежу II—I тыс. до н. э.³¹ Дата IX—VIII вв. до н. э. может быть принята для однолезвийных ножей с обособленной рукоятью, широко распространенных в казахстанском Прииртышье и Северном Казахстане. Исходя из формальной типологии бронзовых орудий труда, оружия из Мало-Красноярки и изделий соседних племен, существование этого поселения С. С. Черников определяет в пределах XIII—IX вв. до н. э. Однако наиболее вероятной датой нам представляется XI—VIII вв. до н. э.

Стратиграфические наблюдения свидетельствуют об одновременном залегании на территории поселения Мало-Красноярка устойчивых форм бронзовых предметов XI—VIII вв. до н. э. с так называемой валиковой керамикой, аналогичной керамике Алексеевского поселения³², а также бегазы-дандыбаевской³³ и замараевской³⁴ керамике. К этому следует добавить, что появление валиковой керамики в пределах степных культур относится к началу последней четверти — концу II тыс. до н. э.³⁵ Не противоречит принятой дате и совместно залегающая с валиковой керамикой выделенная С. С. Черниковым посуда «первой группы». Техника изготовления, форма и сюжет орнамента малокрасноярских сосудов³⁶ (заштрихованные треугольники, меандры, зигзаги, многоядные желобки) соответствуют керамике из погребений у с. Зевакино, датированной в комплексе с металлическими изделиями последней четвертью II — началом I тыс. до н. э.³⁷ К синхронной группе орудий труда относятся и вновь найденные в Прииртышье бронзовые инструменты: серп, шилья.

Вариант земледельческих орудий местного производства у племен эпохи бронзы Прииртышья являлся бронзовый черешковый серп, обнаруженный во время земляных работ в 1973 г. близ г. Лениногорска³⁸. Он имеет изогнутое лезвие и утолщенную спинку. Две свернутые закраины образуют овальную втулку, причем внешняя закраина со стороны спинки шире внутренней. Длина серпа 27 см, наибольшая ширина лезвия 5,7 см, размер втулки 5,6×4,5 см, толщина спинки 5,5 см (рис. 1, 10). По форме и абсолютным размерам он не отличается от ранее обнаружен-

³¹ Тихонов Б. Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. — МИЛ, 1960, № 90, с. 69, табл. XXV, 44.

³² Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение..., рис. 56—59, 61.

³³ Маргулан А. Х., Акшиев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, табл. XXXIX, XL, XLII, LIV, с. 250—256.

³⁴ Оразбаев А. М. Северный Казахстан..., табл. XII; Стоколос В. С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972, с. 93.

³⁵ Кузьмина Е. Е. О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии. — В кн.: Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1964, с. 153—156.

³⁶ Черников С. С. Восточный Казахстан..., табл. XL, 1, 4, 5, 7, 9—11, 14, 16, 23.

³⁷ Арсланова Ф. Х. Памятники андроновской культуры из Восточно-Казахстанской области. — СА, 1973, № 4, рис. 1, 3; 2, 4; 4, 2, с. 166; Она же. Погребение эпохи бронзы Зевакинского могильника. — В кн.: Первобытная археология Сибири. Л., 1975, рис. 1, 2, 5; 2, 21.

³⁸ Хранится в Восточно-Казахстанском областном краеведческом музее.

ных серпов в с. Предгорном³⁹ и может быть датирован также XII—VIII вв. до н. э. Серп пополнил довольно многочисленную коллекцию орудий земледелия Восточного Казахстана эпохи поздней бронзы.

Бронзовые четырехгранные шилья — довольно частая находка в памятниках поздней бронзы Казахстана. Близки к ним по форме два шила, случайно найденные в 1973 г. в районе Асубулака Уланского района Восточно-Казахстанской области⁴⁰. Одно из них квадратное в сечении, обоюдоостре, имеет утолщение в центре (рис. 1, 8). Длина его 10 см. Аналогичные шилья обнаружены в поселении у Мало-Красноярки, в погребении замараевской культуры Северного Казахстана, а также в могильнике Ростовка на Иртыше⁴¹.

Второе шило (рис. 1, 9) одностороннее, четырехгранное в сечении, с упором, один конец его заострен (округлый в сечении), а другой уплощен в верхней части. Однотипное шило найдено на поселении Дальверзин в комплексе вещей, относящихся к рубежу II—I тыс. до н. э.⁴² К более позднему периоду — IX—VIII вв. до н. э. — принадлежит шило с упором из поселения Яз-Депе I⁴³. Следует отметить, что второй тип шила из Прииртышья можно отнести к IX—VIII вв. до н. э. Встречается он гораздо реже на территории Казахстана. По мнению Е. Е. Кузьминой, появление подобных шильев здесь обусловлено контактами местных племен с южными земледельцами⁴⁴.

Среди известных комплексов бронзовых наконечников стрел эпохи бронзы в Прииртышье преобладают втульчатые образцы листовидной формы. Два экземпляра (рис. 1, 6, 7) случайно найдены у с. Асубулак Уланского района Восточно-Казахстанской области⁴⁵. Они отлиты в двусторонней форме и имеют скрытую округлую втулку. Типологически оба наконечника соответствуют образцам, найденным у д. Мало-Красноярка и относимым С. С. Черниковым к XIII—IX вв. до н. э.⁴⁶ Н. А. Авансова включила их в группу лавролистных втульчатых стрел XII—IX вв. до н. э.⁴⁷ Как было отмечено выше, поздний предел бытования такого типа стрел определен VIII в. до н. э.⁴⁸ Поэтому вновь обнаруженные наконечники следует датировать XI—VIII вв. до н. э.

³⁹ Кузьмина Е. Е. Клад из с. Предгорное и вопрос о связях населения евразийских степей в конце эпохи бронзы. — В кн.: Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. Киев, 1967, с. 214; Арсланова Ф. Х. Некоторые памятники бронзового века Верхнего Прииртышья. — СА, 1974, № 1, рис. 1.

⁴⁰ Хранятся в Усть-Каменогорском областном краеведческом музее.

⁴¹ Черников С. С. Восточный Казахстан..., табл. XXXVI, 10; Оразбаев А. М. Северный Казахстан..., табл. VIII, 14—16; Матюшенко В. И., Ложникова Г. В. Раскопки могильника у дер. Ростовка, близ Омска в 1966—69 гг.—В кн.: Из истории Сибири. Томск, 1969, табл. 16, 13.

⁴² Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. — МИА, 1962, № 118, с. 31, табл. XXII, 8.

⁴³ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. — МИА, 1959, № 73, с. 48, рис. 34.

⁴⁴ Кузьмина Е. Е. Металлические изделия неолита и бронзового века..., с. 64.

⁴⁵ Хранятся в Восточно-Казахстанском областном краеведческом музее.

⁴⁶ Черников С. С. Восточный Казахстан..., табл. XXXVI, 4, 6.

⁴⁷ Авансова Н. А. К вопросу о бронзовых стрелах..., с. 34, табл. 2, IX, XIII.

⁴⁸ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. — МИА, 1961, № 101, табл. I, тип «А».

Таким образом, рассмотренные бронзовые изделия (серп, лавровистные наконечники стрел, клиновидное тесло, нож с обособленной рукоятью) и керамика поселения Мало-Красноярки датируются в пределах XI—VIII вв. до н. э. К этому времени относятся и случайно найденные в Прииртышье бесчерешковый серп, обоюдоостре шило, два втульчатых наконечника стрелы.

По форме нож из ур. Кесимбай наиболее сходен с турксибовским, что дает основание определить для него дату в рамках VIII—VII вв. до н. э. Синхронен ему, вероятно, и второй тип шила из Асбулака.

В пос. Ермак Павлодарской области при земляных работах было обнаружено копьевидное долото⁴⁹ с овальной втулкой, утолщенной у основания (рис. 2). Рабочий конец его плоский. Длина 17 см, глубина конической втулки 6,5 см, ширина 1,2 см. С обеих сторон лезвия прослеживаются литейные швы, свидетельствующие об отливке его в двусоставной литейной форме (рис. 2). Широкое распространение долот таковой формы в Казахстане⁵⁰ и за его пределами⁵¹ в комплексе с хорошо датированными изделиями позволяет отнести его к VIII—VII вв. до н. э.

При рассмотрении образцов оружия андроновской культуры, найденного в прииртышских степях, выявлены некоторые формы, которые, на наш взгляд, могли быть положены в основу формирования позднейших типов. К таковым относится кинжал (рис. 3, 1) с выделенным черенком, случайно найденный в Семипалатинской области⁵². Он имеет линзовидный в сечении клинок с параллельными краями лезвия, плавно переходящими в узкий короткий овальный черенок. Близкий по очертаниям кинжал был найден в Курчумском районе⁵³ Восточно-Казахстанской области (рис. 3, 2). В отличие от семипалатинского образца он имеет ромбовидный в сечении клинок, завершающийся коротким четырехугольным черенком. Однотипный

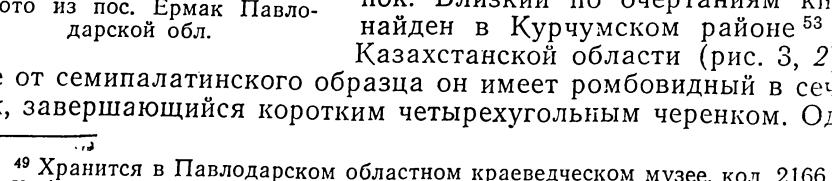

Рис. 2. Бронзовое копьевидное долото из пос. Ермак Павлодарской обл.

чие от семипалатинского образца он имеет ромбовидный в сечении клинок, завершающийся коротким четырехугольным черенком. Однотипный

⁴⁹ Хранится в Павлодарском областном краеведческом музее, кол. 2166.

⁵⁰ Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней..., с. 107, рис. 83; Оразбаев А. М. Северный Казахстан..., табл. IX, 3; Черников С. С. Поселения эпохи бронзы..., рис. 23, 3; Он же. Восточный Казахстан..., табл. XIII, 1.

⁵¹ Радлов В. В. Сибирские древности. — МАР, т. 15, вып. 1—3. Спб., 1894; табл. XVIII, 1—7; Мошинская В. И. Баландинский клад..., рис. 61, 2; Матющенко В. И., Ложникова Г. В. Раскопки могильника у дер. Ростовка..., табл. 16, 1, 2; Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы, табл. XXII, 5.

⁵² Хранится в Семипалатинском областном краеведческом музее. Место находки неизвестно.

⁵³ Арсланова Ф. Х. Памятники андроновской культуры..., с. 164, рис. 4, 4.

кинжал известен из случайных сборов на р. Курты в ур. Карой (Семиречье), он датирован эпохой поздней бронзы⁵⁴. Аналогичные черешковые двулезвийные ножи с линзовидными и ромбовидными клинками имеются в памятниках срубной культуры Приуралья⁵⁵ и приказанской культуры Поволжья⁵⁶. В памятниках XI—IX вв. до н. э. на территории Башкирии⁵⁷ также открыты двулезвийные ножи. По форме они сближаются с прииртышскими кинжалами. Подобные ножи, датированные XI—IX вв.

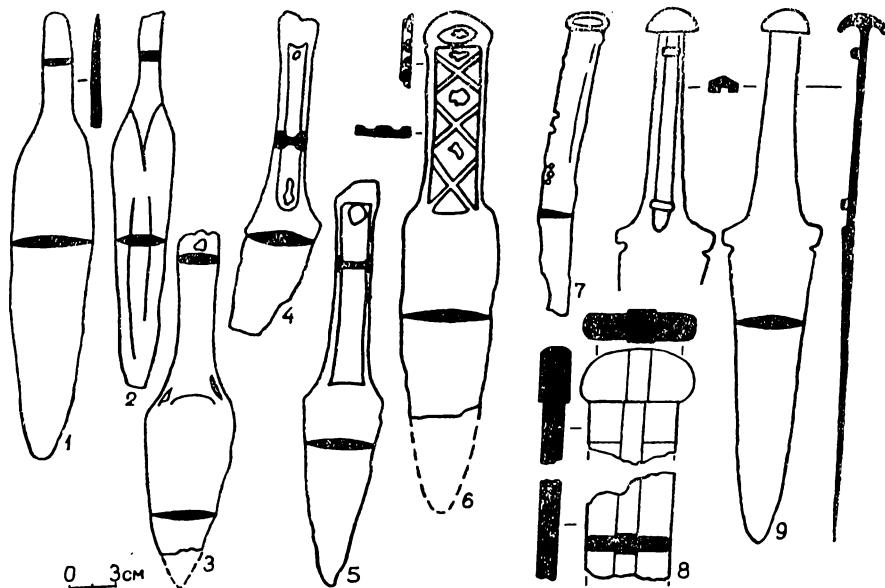

Рис. 3. Бронзовые кинжалы и нож: 1—3, 5 — Семипалатинская обл.; 2 — Курчумский район; 6 — г. Усть-Каменогорск; 7 — Большесарымский район; 8 — близ г. Лениногорска; 9 — с. Подстепное

до н. э., бытовали у донских племен (кобяковская культура)⁵⁸. Кинжалы из Прииртышья отличаются от двулезвийных ножей-кинжалов срубной и кобяковской культур более крупными размерами клинка. Это связано, по-видимому, с постепенным превращением ножа из режущего орудия в колющее. Дальнейшее совершенствование форм таких ножей связано с увеличением размеров и выделением в самостоятельную завершенную

⁵⁴ Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960, табл. VIII, 43.

⁵⁵ Тихонов Б. Г. Металлические изделия эпохи бронзы..., табл. XXV, 39.

⁵⁶ Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, табл. 55, 122; Калинин Н. Ф., Халиков А. Х. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье. — МИА, 1954, № 42, с. 208, рис. 27; Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970, табл. 56, 53, 54; 57, 1, 3, 6.

⁵⁷ Обыденов М. Ф. Новые стоянки черкаскульской культуры эпохи поздней бронзы в Башкирии. — СА, 1976, № 4, с. 112, рис. 1, 10; с. 120.

⁵⁸ Шарафутдинова Э. С. Заключительный этап позднего бронзового века на Дону. — СА, 1973, № 2, рис. 12, 10, 11.

составную часть цельнолитого клинка без навершия, но почти всегда со сквозным отверстием для подвешивания. Рукояти кинжалов были сплошные либо с одно-двусторонним желобком, а в одном случае — с выпуклым орнаментом на рукояти⁵⁹, имитирующим обмотку по типу карасукских изделий⁶⁰. Эти кинжалы М. П. Грязнов выделил в группу оружия с характерной для «казахстанского очага бронзовой культуры» формой⁶¹.

Кинжалы с обособленной рукоятью (рис. 3, 3, 4, 5) явились, по-видимому, производной формой кинжалов с навершием в виде грибовидных шляпок или «арки на кронштейне». На разных типах кинжалов под грибовидной шляпкой по-прежнему имеется отверстие для подвешивания. С последующей эволюцией кинжалов связано появление едва заметных выемок у основания клинка. Такой образец найден у с. Баты в Прииртышье⁶². Увеличение выступов с обеих сторон клинка завершается оформлением перекрестья у кинжалов «с шипами»⁶³. Широкое территориальное использование их отмечено рядом исследователей⁶⁴. А. И. Тереножкин впервые убедительно показал, что подобные кинжалы карасукского времени были исходной формой для создания киммерийцами в степном Причерноморье кинжалов с крестовидными рукоятями⁶⁵.

В последние годы на территории Прииртышья вновь найдены два кинжала с грибовидным навершием. Один кинжал был обнаружен на берегу р. Подстепки, в 3 км севернее с. Подстепного Павлодарской области, на глубине 1,2 м⁶⁶. Он имеет полое грибовидное навершие, переходящее в рукоять, расширяющуюся у перекрестья (рис. 3, 2). Вдоль рукояти проходит узкий желобок, перехваченный двумя параллельными петлевидными перемычками. Широкий линзовидный в сечении клинок постепенно сужается к концу. Форма грибовидного навершия подстепского кинжала сближает его с ножом из могильника Березовка I большереченской культуры⁶⁷ и кинжалом из Барнаульского округа⁶⁸.

Сравнение индивидуальных измерений⁶⁹ (табл. 1) кинжала с

⁵⁹ Черников С. С. Восточный Казахстан..., табл. XIV, 2, 3, 4.

⁶⁰ Членова Н. Л. Хроноология памятников карасукской эпохи. М., 1972, табл. 4, 17; 5, 9; 7, 35.

⁶¹ Грязнов М. П. Казахстанский очаг..., с. 65, рис. 3, 17—19.

⁶² Черников С. С. Восточный Казахстан..., табл. XVI, 10.

⁶³ Там же, табл. XVI, 5; X, 1.

⁶⁴ Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, с. 18; Новгородова Э. А. Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970, с. 105; Оразбаев А. М. Северный Казахстан..., табл. IX, 2; Членова Н. Л. Карасукские находки на Урале и в Восточной Европе. — СА, 1973, № 2, рис. 1, 1—2; Тереножкин А. И. Бронзовые кинжалы предскифского времени. — В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 122—123.

⁶⁵ Тереножкин А. И. Киммерийские мечи и кинжалы. — В кн.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 31.

⁶⁶ Хранится в Павлодарском областном краеведческом музее, инв. № 2193.

⁶⁷ Полторацкая В. Н. Могильник Березовка I. — В кн.: Археологический сборник, вып. 3. Л., 1961, рис. 5, 2.

⁶⁸ Радлов В. В. Сибирские древности. — МАР, 1894, № 15, Слб., табл. XV, 13.

⁶⁹ Измерения проводились по системе, предложенной Н. Л. Членовой. (СА, 1973, № 2, с. 191—192).

р. Подстепки и подобного экземпляра из Башкирии позволяет наметить наибольшее сходство их в указателях клинка и ручки. Совпадает ширина щели и толщина рукояти. Наряду с совпадением основных пропорций наблюдается различие в общей длине клинка, указателе стройности, в ширине перекрестья и ручки. Совпадение основных измерений рассматриваемых образцов оружия из разных регионов, по-видимому, не слу-

Таблица 1

Индивидуальные размеры находок

Предмет и место находки	Индивидуальные размеры находок														
	Длина общая, см	Максим. ширина клинка, см	Длина клинка, см	Длина ручки и перекрестья, см	Указ. стройности	Указ. клинка	Указ. ручки	Ширина щели в ручке, см	Толщина клинка в середине, мм	Ширина перекрестья, см	Максим. ширина ручки, см	Минимален. ширина ручки, см	Разность ширин ручки и максим. и миним. ширин ручки	Общая толщина ручки, мм	
Кинжал, г. Усть-Каменогорск	23	4,2	13,8	9,2	18,2	30,0	29,2	1,7	4	4	2,7	2,4	1,3	0,3	4,5
Кинжал „с обособленной рукоятью“, Семипалат. обл.	19,2	3,3	9,1	10,0	17,1	36,2	25,0	1,1	4	3,5	2,5	1,6	1,0	0,9	7
Кинжал „с шипами“, с. Подстепка	24,4	4,0	13,3	11,1	16,4	37,6	22,5	0,6	5	4,4	2,5	1,2	1,9	0,6	9
Кинжал „с шипами“, дер. Сулейменево	31,7	4,3	20,0	11,7	13,6	21,5	25,6	—	6	4,6	3,0	1,5	1,6	1,5	10
Кинжал, дер. Ильчигулово	19,1	3,3	8,8	10,3	17,2	37,5	21,3	0,7	5	3,3	2,2	1,5	1,1	0,7	9

чайно. Публикуя разрозненные находки оружия из Башкирии, Н. Л. Членова отмечала наибольшую близость их только к кинжалам из Прииртышья в виду отсутствия таких форм в Сибири, Центральном и Западном Казахстане⁷⁰. В этом плане представляет интерес тот факт, что кинжал «с обособленной рукоятью» из Семипалатинской области по абсолютным размерам наиболее сближается с кинжалом из с. Ильчигуловово. Отсутствие анализа металла затрудняет решение вопроса о путях миграции кинжалов казахстанско-сибирского типа в районы Приуралья. Бессспорно одно, что прииртышские племена сыграли важную роль в осуществлении культурных контактов с населением Поволжья и Приуралья. Надо согласиться, очевидно, и с фактом, свидетельствующим

⁷⁰ Членова Н. Л. Карасукские находки на Урале и в Восточной Европе. — СА, 1973, № 2, с. 193.

о продвижении казахстанско-сибирского населения в районы Урало-Поволжского междуречья⁷¹.

Второй кинжал (рис. 3, 8) был случайно найден в 1955 г. в 12 км западнее г. Лениногорска Восточно-Казахстанской области⁷². К сожалению, от этого кинжала сохранились только два фрагмента рукояти не совсем обычного устройства. Грибовидное навершие, закрепленное бронзовой обоймой по основанию, насажено сквозь узкое прямоугольное отверстие. Вдоль рукояти проходит срединный брусковидный валик, а не желобок, как на известных прииртышских образцах. Рукоять лениногорского кинжала не имеет аналогий. Судя по всему, кинжал произведен местными мастерами. Широкая рукоять, характерная для карасукских изделий, и грибовидное навершие, аналогичное зевакинскому ножу (VIII—VII вв. до н. э.)⁷³, позволяют предварительно датировать его VIII—VII вв. до н. э.

Географическое размещение найденных кинжалов «с шипами» в Прииртышье свидетельствует о широком использовании древними племенами этого вида оружия. На местное происхождение такого кинжала из с. Палацы указывает спектральный анализ⁷⁴. Что касается его датировки, то по ряду измерений (указателю ручки, максимальной и минимальной ее ширине) он идентичен кинжалу из д. Сулейменево (VIII в. до н. э.), а по указателю стройности, ширине перекрестья, разности максимальной и минимальной ширины ручки сближается с ильчигуловским образцом (VIII в. до н. э.)⁷⁵. Промежуточное положение кинжала из с. Палацы определяется в целом его конфигурацией, сочетающей в себе плоскую рукоять с уплощенно-ромбическим в сечении клинком с уступами. Исходя из аналогий этот кинжал можно датировать VIII в. до н. э. Остальные кинжалы «с шипами», ранее обнаруженные в казахстанском Прииртышье⁷⁶, однотипны, отличаются между собой лишь размерами выемок у основания клинка, формой рукояти и общей длиной. Отличия эти можно объяснить только процессом усовершенствования данного вида оружия, а не региональным своеобразием, ибо они присущи этому типу кинжалов во всех соседних областях.

Определенный интерес вызывает бронзовый кинжал, найденный в 1974 г. на северо-западной окраине г. Усть-Каменогорска⁷⁷. Кинжал имеет широкий обоюдоострый, линзовидный в сечении клинок, отлитый вместе с ажурной рукоятью, и навершие в виде «арки на кронштейне». По краям плоской ручки продольные валики образуют односторонний желобок, внутри которого вертикальный ряд ромбовидных фигур. Судя по плоской обратной стороне рукояти и литейным швам, кинжал был

⁷¹ Членова Н. Л. Карасукские находки..., с. 203.

⁷² Хранится в Лениногорском краеведческом музее.

⁷³ Арсланова Ф. Х. Некоторые памятники бронзового века..., с. 225, рис. 4, 2.

⁷⁴ Черников С. С. Восточный Казахстан..., с. 84.

⁷⁵ Членова Н. Л. Карасукские находки..., с. 193, рис. 1, 1, 2.

⁷⁶ Грязнов М. П. Бронзовый кинжал с оз. Кото-Кель. — Бурятиявведение, Верхнедвинск, 1929, № 9—10, рис. 1, 3; Черников С. С. Восточный Казахстан..., табл. LXVI, 5, 10; Археологическая карта Казахстана, табл. IX, 140.

⁷⁷ Хранится в Восточно-Казахстанском областном краеведческом музее.

изготовлен в односторонней литейной форме с последующей проковкой лезвия клинка (рис. 3, 6).

Ближайшими аналогиями являются кинжалы «с обособленной рукоятью»⁷⁸. Сравнение индивидуальных измерений названных образцов оружия позволяет проследить общность указателя стройности, длины и ширины ручки. К сожалению, фрагментарность клинов затрудняет вычисление их абсолютных размеров. Усть-Каменогорский экземпляр отличает от других прииртышских кинжалов широкая рукоять с навершием в виде полукольца, но эти же особенности сближают его с зевакинскими ножами, датированными VIII—VII вв. до н. э.⁷⁹ Аналогичные типы наверший с «аркой на кронштейне» были на ножах из баниновских погребений VIII—VII вв. до н. э.⁸⁰ Возникновение наверший в виде «арки на кронштейне» на карасукских изделиях, по мнению Н. Л. Членовой, можно связывать с Восточным Казахстаном и Алтаем⁸¹.

При определении даты усть-каменогорского кинжала надо учитывать также его сходство с кинжалом из с. Степанцы Каинского района⁸², относящимся к более позднему — предскифскому времени. Приведенные аналогии позволяют датировать усть-каменогорский кинжал VIII—VII вв. до н. э., что подтверждается общностью форм с карасукскими кинжалами, имеющими грибовидное навершие. Необходимо подчеркнуть, что навершие в форме сегментовидной «арки» восходит к грибовидным навершиям бронзовых изделий карасукской культуры⁸³.

Помимо перечисленных форм кинжалов в Прииртышье использовался новый тип кинжала без навершия с брусковидным перекрестием (рис. 1, 4). Проявлением творчества местных литейщиков является форма кинжала из зевакинского могильника⁸⁴. В основе его лежат ножи-кинжалы с листовидным клинком и слегка намеченным в виде выступов перекрестием. Два экземпляра подобных кинжалов найдены в Шемонаихинском районе (рис. 1, 1, 2)⁸⁵. По сравнению с предшествующими андроновскими (федоровскими) ножами-кинжалами зевакинский образец более совершенной формы. В частности, продольный валик по основанию клинка заменен срединной жилкой, вместо уступов, отделяющих рукоять от клинка, насанено брусковидное перекрестье. В свете новых данных предложенная ранее датировка кинжала (X—IX вв. до н. э.)⁸⁶ должна быть пересмотрена. Близкие по форме кинжалы с брусковидным перекрестием найдены в хорошо датированных комплексах Волго-Камья

⁷⁸ Черников С. С. Восточный Казахстан..., табл. LXIV, 2, 3, 4.

⁷⁹ Арсланова Ф. Х. Погребальный комплекс VIII—VII вв. до н. э..., табл. I, 1, 2; II, 2; III, 1, 13, 14.

⁸⁰ Членова Н. Л. Хронология памятников..., табл. 7, 36, 38, 42; 41, 32; 48, 6.

⁸¹ Там же, с. 125.

⁸² Тереножкин А. И. Предскифский период на Днепровском правобережье. Киев, 1961, рис. 90, 1.

⁸³ Членова Н. Л. Хронология памятников..., с. 123.

⁸⁴ Арсланова Ф. Х. Памятники андроновской культуры..., с. 167, рис. 5.

⁸⁵ Там же, рис. 4, 12.

⁸⁶ Там же, с. 168. В книге допущена опечатка: указан XI—X вв. до н. э. вместо X—IX вв. до н. э.

(VIII—VII вв. до н. э.)⁸⁷. К этому же времени следует отнести и зевакинский кинжал.

Подтверждением местного производства рассмотренных кинжалов служат результаты спектрального анализа (табл. 2). Большое сходство по количественному и качественному составу металла кинжалов из с. Зевакино и Усть-Таловки дает основание говорить об их происхождении из единой сырьевой базы Прииртышья. На это указывает, в частности, одинаковый процент сопутствующих элементов: висмута, серебра, железа.

Надо отметить, что наряду с местной формой кинжала в Прииртышье были распространены кинжалы «киммерийского типа», производной формой которых были также ножи-кинжалы срубно-андроновского типа⁸⁸. Эволюция таких кинжалов хорошо прослежена на материалах

Таблица 2
Результаты спектрального анализа металлических изделий, % *

Предмет и место находки	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au
Нож-кинжал, с. Усть-Таловка	91	8	0,5	0,15	+	0,01	—	—	0,02	+	—	—	—
Нож-кинжал, с. Зевакино, огр. 72 «Б»	84	15	0,15	0,03	0,01	0,03	—	—	+	—	—	—	—
Кинжал, с. Зевакино, огр. 87 «А»	90	8	1,5	—	0,01	0,03	—	—	0,01	—	—	—	—

* Анализ металлов произведен в лаборатории археологической технологии ЛОИА АН СССР Д. В. Наумовым.

Поволжья и Приуралья⁸⁹. Аналогичный кинжал «с упором» (рис. 1, 3) случайно обнаружен в Семипалатинской области⁹⁰. Длина его 26 см. Он имеет узкую плоскую рукоять, четко намеченное утолщение при переходе от рукояти к листовидному клинку. Подобные кинжалы были ранее найдены в Восточном и Северном Казахстане⁹¹. Наиболее близок по форме к семипалатинскому экземпляру кинжал из Гроханьского поселения, датированный XI—IX вв. до н. э.⁹² К этому же времени следует отнести кинжалы с упором из казахстанского Прииртышья.

⁸⁷ Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. VIII—VI вв. до н. э. М., 1977, с. 165, рис. 61, 2, 3.

⁸⁸ Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. — МИА, 1955, № 46, с. 140.

⁸⁹ Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, с. 310—312.

⁹⁰ Хранится в Семипалатинском областном краеведческом музее. Место находки неизвестно.

⁹¹ Максимова А. Г. Эпоха бронзы Восточного Казахстана. — Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7. Алма-Ата, 1959, табл. XXIII, 9; Оразбаев А. М. Северный Казахстан..., табл. IX, 4, 5.

⁹² Збруева А. В. Городище Грохань. — КСИИМК, вып. 16. М., 1947, рис. 19, 4.

Итак, развитие и совершенствование форм оружия в Прииртышье в эпоху поздней бронзы шло по двум путям. Один из них связан с усовершенствованием андроновских (федоровских) кинжалов с выделенным черенком, от которых произошли кинжалы местной конфигурации «с обособленной рукоятью». С. С. Черников отмечал, что восемь экземпляров из двенадцати известных кинжалов происходят из Прииртышья, остальные четыре — из Красноярского края и Хакасии⁹³. В западных районах они пока не обнаружены, тогда как их поздние варианты — «кинжалы с шипами» имели широкое территориальное распространение. С эволюцией срубно-андроновских кинжалов связан «киммерийский» тип кинжала с упором. Вариантом местной формы является зевакинский образец с брусковидным перекрестием. Следует обратить внимание на то, что кинжалы срубно-андроновского типа были исходной формой и для сейминско-турбинских образцов оружия. Вариантом их является прииртышский кинжал из с. Тульского⁹⁴. Очертания рукояти со сквозным отверстием для подвешивания сближают его с кинжалом «с обособленной рукоятью».

Второй путь больше характерен для западных районов Поволжья и Приуралья и объясняется, очевидно, подвижностью и военным бытом племен срубной и андроновской культур.

Таким образом, анализ оружия из Прииртышья позволяет наметить общие черты в эволюции кинжалов соседних восточных и западных районов и раскрыть локальные особенности в металлургическом производстве местных племен.

⁹³ Черников С. С. Восточный Казахстан..., с. 184.

⁹⁴ Арсланова Ф. Х. Памятники андроновской культуры..., рис. 4, 3.

Л. Б. Ерзакович

РАСКОПКИ В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ОТРАРА (к вопросу о стратиграфии и хронологии поздних слоев)

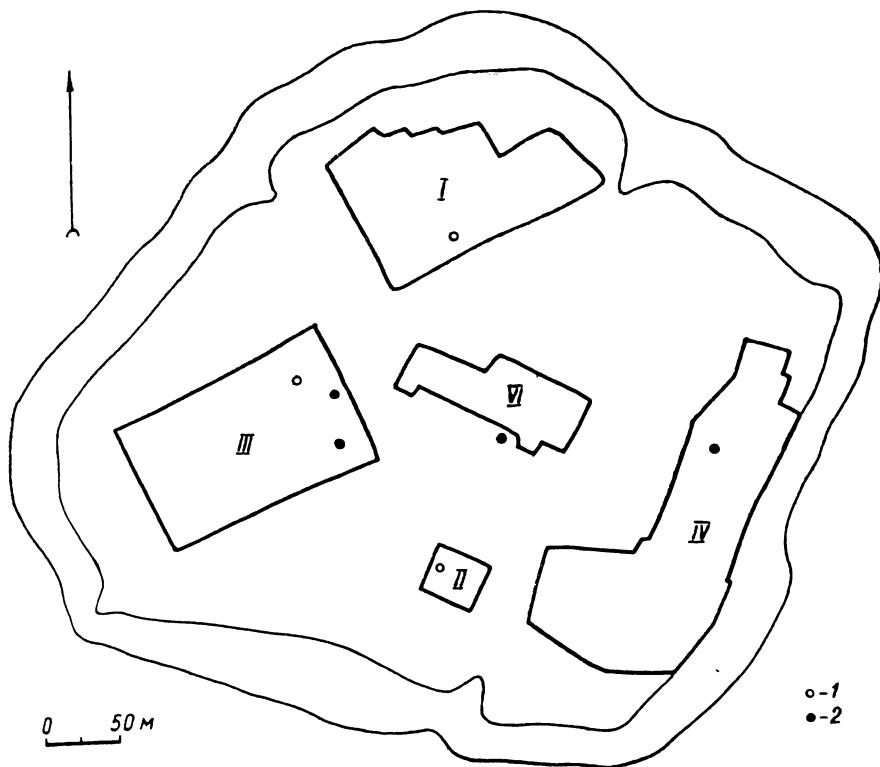
Начиная с 1971 г. Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция исследует городище Отрап сплошными широкими площадями. Многолетние работы по уровню верхнего слоя позволили определить характер городской застройки на площади около 5 га в северной (раскоп I), южной (раскоп II), юго-западной (раскоп III), восточной (раскоп IV) и центральной (раскоп VI) частях городища, площадь которого 20 га (рис.). Был выявлен так называемый основной строительный горизонт, присутствующий на всех раскопах и датированный XVI—первой половиной XVII в.; отдельные участки более поздней застройки были отнесены ко второй половине XVII—XVIII в.¹

В 1975 г. экспедиция приступила к изучению слоя, подстилающего основной строительный горизонт. Работы носили главным образом реперно-сцинковый характер: в отдельных помещениях шурфами и засыпками вдоль стен, а также небольшими по площади раскопами зондировались основания построек и нижележащий культурный слой.

В 1976—1978 гг. была сделана попытка сплошного заглубления на значительном участке раскопа IV 1974 г. (объект 1), расположенному в восточной части городища. Границы нового объекта проходят по выявленным ранее улицам верхнего слоя XVI—XVII вв.: с северной и восточной стороны — по двум пересекающимся улицам «Н», с юж-

¹ Акшиев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Отрап XVI—XVIII веков по итогам раскопок 1971—1973 гг. — В кн.: Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975; *Они же*. Некоторые результаты раскопок на городище Отрап. — В кн.: Археологические открытия 1974 г. М., 1975, с. 479—481; *Они же*. Отчет о раскопках на городище Отрап в 1974 г. — В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976; *Они же*. Раскопки Отрапа. — В кн.: Археологические открытия 1975 г. М., 1976, с. 511—513; *Они же*. Исследования на Отрапе. — АО 1976 г. М., 1977, с. 506, 507; Акшиев К. А. Археология Казахстана. Основные направления и итоги. — СА, 1978, № 1, с. 7, 8.

ной — по улице квартала «Р», с западной стороны раскоп ограничен магистральной улицей, которая, судя по топографии участка, идет вдоль всей западной границы раскопа IV. От магистральной улицы в восточном направлении ответвлялся переулок «П», заканчивающийся тупиком². Та-

Схематический план центрального бугра Отрана. ○ — клады серебряных монет, ● — клады медных монет

ким образом, объектом раскопок был жилой массив трапециевидной в плане формы площадью около 1500 м², со всех сторон окруженный улицами.

В ходе работ была выявлена планировка нового стратиграфически более раннего слоя. Сохранность его очень плохая: стены большинства помещений, а их около 50, снивелированы поздним строительством и сохранились примерно на уровне суфы или чуть выше пола с остатками вымостки из жженого кирпича. Проходы между помещениями выявлены далеко не везде.

Разница в уровне полов нового слоя и более позднего составляет от 0,75 до 1,5 м. Характер заполнения между двумя горизонтами неодно-

² План раскопа верхнего горизонта см.: Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Отчет о раскопках городища Отран в 1974 г., с. 8, рис. 2.

роден. На тех участках, где жизнь продолжалась непрерывно, заполнение помещений состоит из рыхлого грунта с обломками сырцового и жженого кирпича. Вместе с тем есть значительные по площади участки, которые какое-то время были заброшены. Здесь, как правило, выбраны кирпичи, особенно жженые, заполнение носит характер гумусированной свалки, где много керамики, участки сплошь изрыты мусорными ямами. К северу от жилого массива на объекте 1 значительный участок городища у крепостной стены занят кладбищем, устроенным в заброшенных домах.

В целом раскопанный массив плотно застроен жилыми домами традиционного для Оттара типа. В состав каждого дома входит несколько помещений, среди которых выделяется жилое. Для него характерна обширная суфа, занимающая почти всю площадь комнаты, и встроенная в нее печь-тандыр с каналом дымохода в суфе и внутри стены.

В культурном слое объекта 1 найдено большое количество фрагментов глиняной посуды, однако значительная часть ее происходит из многочисленных ям, валок и других слоев, образовавшихся после запустения жилищ. На полах помещений накопилась фрагментированная керамика, но ее немного. Для поливной керамики характерны росписи кобальтом, а также черной краской под светлыми или окрашенными в голубой цвет глазурями. В росписи преобладает растительный орнамент, весьма реалистично передающий гроздья винограда, гранат, цветочные бутоны. Орнамент свободно размещен на поверхности сосудов открытых форм, заполняя почти все свободное пространство. Чаши, блюда, как правило, на тонком кольцевом поддоне. У чаши высокое полусферическое туло в с выпуклыми стенками у дна, а закраина прямая или отогнута слегка наружу. Блюда толстостенные, стенки спрямлены у дна, а закраина отогнута с четко выраженным ребром перелома наружу. Встречаются неполивные горшкообразные сосуды и толстостенные изделия типа тагора. Поливная керамика характерна для значительного круга среднеазиатских памятников XV—XVI вв.³

Широкую дату слоя уточняют находки датированных медных монет: на уровне первоначального пола в помещении 31 — тимуридский чекан с шейбанидским надчеканом начала XVI в.; в помещении 20 на уровне пола — чекан Саурана (?) последней четверти XVI в.; на полу помещения 26 — монета, которую предположительно можно отнести к шейбанидскому чекану; в помещении 3, в слое завала найдена монета шейбанида Абдаллах-хана II (1559—1598); в помещении 49 — шейбанидский чекан Бухары первой четверти XVI в.⁴ Найдки медных монет

³ Пугаченкова Г. А. Глазурованная керамика Нисы в XV—XVI вв. — Труды ЮТАКЭ, т. 1. Ашхабад, 1949, с. 400—417; Луцина С. Б. Новые сборы тимуридской керамики в Южном Туркменистане. — В кн.: Общественные науки в Узбекистане, вып. 8—9. Ташкент, 1969, с. 89—93; Сухарев П. А. Два блюда XV в. из Самарканда. — Труды ИИА АН УзССР, т. 1. Ташкент, 1947, с. 47—64; Пугаченкова Г. А. Самаркандская керамика XV века. — Труды САГУ, вып. XI, 1950, с. 91—120; Вархотова Д. Художественная керамика XV — начала XVI века из Ташкента. — В кн.: Общественные науки в Узбекистане, вып. 8—9. Ташкент, 1969, с. 86—89.

⁴ Определение монет принадлежит В. Н. Настичу.

уточняют время существования отмеченных выше жилых комплексов и позволяют отнести их к XVI в., возможно, ко второй половине столетия.

Слой того же времени обнаружен и в юго-западной части городища под постройками так называемого основного строительного горизонта на небольшом участке раскопа III, ограниченного жилыми домами кварталов «Ж», «И»⁵. Здесь слой датируется кладом из 18 медных монет и отдельными находками монет шейбанидского чекана. Работы на раскопе III не завершены, отметим только, что большинство домов участка было заброшено накануне нового этапа строительства по уровню основного строительного горизонта.

Дата нового слоя, более раннего, судя по стратиграфии, заставляет вновь обратиться к вопросу хронологии позднего Отара. Проследим прежде всего за стратиграфией городища сверху вниз⁶.

В публикациях предшествующих лет неоднократно отмечались плохо сохранившиеся остатки построек на отдельных участках раскопов I, III, IV: отпечатки стен, вымостки полов из жженого кирпича, основания тандыров, ямы различного происхождения, которые прорезали строительные конструкции так называемого основного горизонта, выявленного практически на всей территории городища. Были отмечены также случаи повторного обживания домов и отдельных помещений после довольно длительного периода запустения, судя по натечно-надувным прослойкам на полах в 20—30 см толщиной и по полной перепланировке интерьера⁷. Компактная группа наиболее поздних построек была зафиксирована в 1974 г. на объекте 1 раскопа IV — это два десятка помещений, ограниченных с северной стороны улицей квартала «Р», а с восточной — Г-образным переулком, который проходил по участку, застроенному ранее домами 7 и 14 квартала «Р»⁸. Поздние постройки находились и на противоположной стороне переулка.

Выявить отдельные комплексы домов на этом участке не удалось, отметим только, что среди помещений были как жилые с традиционными для Отара тандырами, так и хозяйствственные. При строительстве частично использовались старые стены, но план участка в целом не повторяет

⁵ Планы кварталов см.: Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Оттар XVI—XVIII веков..., с. 23, рис. 14.

⁶ Вопросо стратиграфии Отара затрагивался и ранее. (См.: Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Оттар. Топография, стратиграфия, перспективы. Алма-Ата, 1972, с. 51—82). В стратиграфическом раскопе (площадь 200 м²) на юго-западном склоне центрального бугра городища (работы 1969—1970 гг.) были выявлены два слоя, датированные XV—XVI вв. (пять строительных горизонтов) и XVII—XVIII вв. (один строительный горизонт). (Там же, с. 51—60). Работы на Отаре в последующие годы подтвердили обоснованность предложенных ранее датировок. Однако нынешняя методика полевых работ — раскопки сплошными обширными площадями — открывает возможность для выявления более узкой хронологии слоев.

⁷ Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Раскопки в северо-восточной части Отара. — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, с. 153—154; Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Оттар XVI—XVIII веков..., с. 4.

⁸ План раскопа IV см.: Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Отчет о раскопках на городище Оттар в 1974 году, с. 8, рис. 2.

более ранний. Небольшая локальная группа поздних помещений обнаружена также в пределах жилого массива на раскопе I в 1971 году⁹.

Таким образом, на данном этапе исследований стратиграфический метод позволяет выделить три слоя, последовательно прослеживаемых в различных частях городища: слой I — выявлен на небольшой площади на раскопах I и IV в виде самостоятельного жилого горизонта, к нему же относятся случаи повторного обживания помещений после периода запустения на раскопах I, III, IV; слой II — жилой горизонт на раскопах I, II, III, IV, VI; слой III — жилой горизонт на раскопах III и VI.

Отчетливо выявляется синхронность слоя II в разных частях города. Речь идет прежде всего об одновременной застройке территории, на что указывают частые повторения почти одинаковых планировочных схем домов, разделенных общей стеной, устройство совмещенных каналов дымоходов в общей стене двух соседних домов. Отметим также два важных синхронных фактора для всей территории города: момент разрушения и монетные находки в слое.

В публикациях предшествующих лет отмечались следы пожаров, от которых пострадали жилые постройки слоя II. Исследования показывают, что пожары, по-видимому, были не редким явлением в Отрапре, где подавляющее большинство жилых домов отапливалось тандырами с довольно сложной системой дымоходов. Однако можно четко различить пожары локальные и глобальные. При локальном пожаре сгорала часть дома или отдельные участки помещений; следы таких пожаров заметны только по закопченным или слегка прокаленным под ремонтной штукатуркой стенам и обмазкой сухфи. При глобальных пожарах разрушалось несколько домов, стоявших рядом, причем стены построек прогорали по всей толщине. Большинство таких домов осталось заброшенными. Если же они и обживались после периода запустения, то под обмазкой нового пола обязательно находились рухнувшие балки перекрытий и камышитовая кровля. Участки городища, подвергшиеся глобальным пожарам, зафиксированы на всех раскопах 1971—1976 гг. по уровню слоя II, что позволяет считать моменты разрушения и запустения синхронными для этих частей территории города.

Для хронологии позднего Отрапра большое значение имеют клады серебряных и медных монет (см. рис.). Часть кладов рассматривалась ранее¹⁰, однако находки последних лет позволяют уточнить как датировку самих кладов, так и слоя, в котором они были найдены.

На раскопе I в 1972 г. найден клад из 13 монет¹¹. Одна из них брон-

⁹ План жилого массива см.: Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Раскопки в северо-восточной части Отрапра, с. 144, рис. 1.

¹⁰ Бурнашева Р. З. Монетный материал с городища Отрап-тобе за 1971—1972 гг.— В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, с. 158—163; Она же. Два клада джаницких тенег XVII века с территории Южного Казахстана.— В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976, с. 68—79.

¹¹ Квартал «А I», дом 6, помещение 298. Клад был в матерчатом мешочке, найден в юго-восточной стене помещения.

зовая¹², остальные серебряные, относящиеся к джанидскому чекану двух ханов: 6 экз. — Иман-Кули (1611—1642) и 2 экз. — Надир-Мухаммада (1642—1645); четыре монеты из-за плохой сохранности не определяются. Отметим, что чекан Имам-Кули-хана представлен двумя новыми типами, не известными ранее в классификации джанидского чекана¹³.

Второй клад из 48 серебряных монет найден на раскопе II в 1973 г.¹⁴ Среди них 13 монет чекана Имам-Кули-хана, в том числе одна с датой 1044/1634—1635, другая с частично стертой датой 40-х годов XVII в., а также шесть новых недатированных типов чекана этого правителя. 9 экземпляров принадлежат чекану Надир-Мухаммада, два из них по типу относятся к 1051/1641—1642 гг. и 1053/1643—1644 гг., один экземпляр с датой 1055/1645 и еще одна монета нового типа. 14 монет относятся к чекану Абд ал-Азиз-хана (1645—1680), в том числе с датами 1057/1647 (4 экз.), 1058/1648 (1 экз.) и 1059/1649 (1 экз.), а также два новых типа; четыре монеты с именем Шах-Джехана (1629—1658) из династии Великих моголов, на двух монетах есть дата 1057/1647. Не поддаются определению 8 экземпляров, два из них совершенно стерты, остальные являются новыми типами, неизвестными по публикациям.

Третий клад, в котором было 5 серебряных монет, найден в 1978 г. на раскопе III¹⁵. Три монеты чекана Имам-Кули-хана, в том числе новый тип, одна монета по типу отнесена к чекану Надир-Мухаммад-хана и одна монета стертая¹⁶. Один из типов чекана Имам-Кули-хана (2) встречается с датами 1050—51/1640—42, другой (55), по мнению Е. А. Давидович, возможно, относится к более раннему периоду правления Имам-Кули-хана¹⁷.

Датированный медный клад (352 экз.) найден на раскопе VI в 1976 г.¹⁸ Основную массу (323 экз.) составляют мелкие обрубки медной проволоки сечением 4—5 мм и расплощенные монетовидные пластинки без изображений, по большей части неправильной формы. Кроме того, в кладе находилась медная монета с остатками надписи арабским пись-

¹² Аббасидское подражание бухарским драхмам. Монеты этого типа находились в обращении очень долго, они упоминаются еще в XII в. См.: Давидович Е. А. О среднеазиатских средневековых монетах в связи с датировкой археологических объектов. — В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 247.

¹³ Давидович Е. А. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. (Золотые и серебряные монеты Джанидов.) Душанбе, 1964.

¹⁴ Квартал «Д», дом 5, жилое помещение 14. Клад находился в матерчатом мешочке, спрятанном под обмазкой сухфи у южной стены помещения. Работы на раскопе II были завершены в 1972 г., но клад обнаружен при осмотре помещения в следующий полевой сезон.

¹⁵ Квартал «И», дом 2, жилое помещение 172, в стене у прохода в помещение 165, на уровне сухфи. Клад находился в матерчатом мешочке. Раскоп III был завершен в 1973 г., а в 1977—1978 гг. остатки стен были спиленованы землеройными механизмами с целью исследования более раннего слоя. В ходе этих работ и найден клад.

¹⁶ Серебряные монетные клады определены Р. З. Бурнашевой.

¹⁷ Давидович Е. А. История монетного дела..., с. 68.

¹⁸ Раскоп завершен в 1975 г. Клад найден в следующем полевом сезоне в отвале у бровки раскопа. Поскольку вскрытие жилых комплексов на раскопе VI производилось по уровню одного строительного горизонта, происхождение клада из слоя II не вызывает сомнений.

мом (не читается из-за фрагментарности), а также 28 русских медных копеек с изображением Георгия Победоносца и именем царя Алексея Михайловича, выпускавшихся в 1655—1663 гг.¹⁹

Еще три клада включают недатированные монеты и заготовки. Два клада найдены на раскопе III. Один из кладов состоит из цилиндрических обрубков медной проволоки (более 1500 экз.), полностью или частично расплющенных монетовидных пластинок без чекана (около 300 экз.), мелких монет с остатками надписей (65 экз.) и нескольких десятков бесформенных кусочков меди²⁰.

Клад медных монет (976 экз.), обнаруженный на раскопе III в 1973 г.²¹, представлен чеканом Ташкента (162 экз.; на лицевой стороне обозначение монетного двора, на оборотной — схематическое изображение рыбы или цветочный орнамент, или хищный зверь), Ясы (13 экз.; на лицевой стороне обозначение монетного двора, на оборотной — геометрический орнамент или хищный зверь) и неопределенного пункта (129 экз.; на лицевой стороне — надпись, на оборотной — изображение рыбы, цветочный орнамент или без чекана); 475 экз. составляют анэпиграфные монеты. На одной стороне их изображен хищный зверь, на другой — птица (425 экз.) или гладкая, без чекана (50 экз.). В кладе представлен также чекан Тимура (Самарканда, год стерты; 1 экз.), 2 самарканских монеты со стертым датой (XV в.), анэпиграфные монеты со стилизованным изображением птицы на одной стороне и орнаментом — на другой (3 экз.). Имеются также 60 монетовидных заготовок — расплющенные кусочки проволоки подквадратной или подпрямоугольной формы без изображений и надписей. Совершенно стерты или дефектны 131 монета²².

Третий клад медных монет (214 экз.) найден на раскопе IV в 1974 г.²³ По типовому составу он напоминает предыдущий клад, но отличается от него большей однородностью. Монеты клада имеют чаще всего подквадратную или слегка удлиненную форму, реже круглую (152 экз.). На некоторых видны надписи, не читаемые из-за фрагментарности; в отдельных случаях по остаткам букв можно предположить название монетного двора (Ташкент или Ясы). На оборотной стороне этих монет изображен хищный зверь. Наряду с чеканенными монетами в кладе есть и заготовки (62 экз.), представляющие собой цилиндрики почти одинакового размера, полученные путем разрубания медного прута сечением до 8 мм.

¹⁹ Монеты клада определены В. Н. Настичем.

²⁰ Квартал «Ж1», дом 4, жилое помещение 393. Клад находился в горшке, зарытом, по-видимому, в суфе. Местонахождение клада в пределах помещения устанавливается предположительно, так как горшок с монетами был зацеплен и рассыпан бульдозером в ходе нивелирования стен слоя II в 1977 г.

²¹ Квартал «Ж1», дом 2, жилое помещение 398. Клад находился в горшке, зарытом в суфе у северной стены помещения.

²² Определение клада принадлежит Р. З. Буриашевой и В. Н. Настичу.

²³ Квартал «М», дом 8, помещение 124. Клад находился в матерчатом мешочке под обмазкой пола. Определен Р. З. Буриашевой.

Как видно, датированные отрарские клады очень близки по хронологии монет. Особенно хорошо это заметно по серебряным кладам: в двух из них есть монеты, чеканенные от имени Имам-Кули-хана и Надир-Мухаммада, в третьем кладе помимо монет этих правителей есть монеты Абд ал-Азиз-хана, но его наиболее поздняя монета по дате — 1059/1649 — очень близка к двум предыдущим кладам. Хронологический диапазон русских монет, выпускавшихся в 1655—1663 гг.²⁴, также близок к наиболее поздним монетам серебряных кладов. Важно отметить, что очень близки между собой по составу и недатированные медные клады, найденные в разных районах, в том числе и в слое с серебряным джанидским кладом (раскоп III). Таким образом, нумизматические данные также свидетельствуют в пользу синхронности слоя II на всех исследованных участках городища.

Однако при датировке слоя возникают определенные трудности. Достаточно сказать, что 20% монет отрарских серебряных кладов составляют новые типы в джанидском чекане, а также стертые монеты, не поддающиеся датировке, следовательно, дата самой поздней серебряной монеты — 1059/1649 — указывает лишь на то, что клады были зарыты не ранее середины XVII в.

Среди монет интересующего нас слоя отсутствуют типы, представленные в серебряных кладах. Это обстоятельство еще более снижает их значение как основного датирующего элемента слоя. Создается впечатление, что отрарские клады представляют собой собрания драгоценного металла, спрятанного накануне или во время трагических событий в жизни города.

По мнению Е. А. Давидович, высокопробные джанидские монеты (60—90% чистого серебра) первых шести государей, включая часть монет Абд ал-Азиза, окончательно вышли из обращения в последней четверти XVII в.²⁵, поэтому применительно к отрарскому материалу можно утверждать, что дата зарытия кладов приходится на третью четверть XVII в. Представляется, что верхнюю хронологическую границу слоя определяют русские монеты конца 50-х — начала 60-х гг. XVII в. Появление их на Отрапе явно не случайно, поскольку они найдены не только в кладе, но и разрозненно, что также важно для датировки слоя. Нижняя дата слоя не может быть установлена ранее начала XVII в., поскольку в подстилающем слое отсутствуют джанидские монеты, но найдены монеты шейбанидского чекана, в том числе последней четверти XVI в. Среди датированных монет интересующего нас слоя есть серебряная монета джанида Баки-Мухаммад-хана (не ранее 1009/1600—1601—1014/1605)²⁶. Эта находка в совокупности с данными стратиграфии го-

²⁴ Спасский И. Г. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. Л., 1970, с. 129—132. С 1663 г. медные копейки изымались из обращения в обмен на серебро.

²⁵ Давидович Е. А. О среднеазиатских средневековых монетах..., с. 248.

²⁶ Определение В. Н. Настича.

родища позволяет датировать слой II в пределах первой — второй трети XVII в.²⁷

Перейдем к рассмотрению вопроса о датировке последнего этапа в жизни города, последовавшего после пожара и запустения. Археологические материалы этого периода, как было отмечено выше, очень немногочисленны и происходят из нескольких жилых домов в восточной части городища на раскопе IV и отдельных небольших участков на других раскопах. Керамика этого слоя дает слишком широкую дату, принятую для южно-казахстанских городищ эпохи позднего средневековья — в пределах XVII—XVIII вв. Верхняя хронологическая граница слоя ограничивается именно XVIII в., ибо за все годы работ на Отрапе не было отмечено присутствие керамики так называемого кокандского времени — моно- и полихромные росписи под желтой и зеленой глазурью, характерной для Туркестана, Сузака, Чимкента, Тараза (Аулиэ-Ата) поры кокандского завоевания. Показательно также, что в письменных источниках начала XIX в. Отрап не фигурирует, он не упоминается у М. Поспелова и Т. Бурнашева, Е. Мейendorфа, которые побывали в районе Туркестана — Ташкента в начале XIX в. Нет его и в караванных маршрутниках этого времени²⁸.

Монет из слоя известно очень немного, главным образом найдены нечеканенные монетовидные пластинки и заготовки. Две серебряные монеты датируются: это низкопробный чекан джанида Субхан-Кули-хана (1680—1702)²⁹, монеты которого находились в обращении более 100 лет, т. е. до конца XVIII в.³⁰ Однако для датировки слоя продолжительность

²⁷ В слое XVII в., помимо кладов, найдено около 400 монет, в том числе все типы, представленные в медных кладах, включая русские копейки и «заготовки». Около 120 экз. — датированные монеты, однако в хронологии слоя мы не учтываем их. Они необычайно пестры по составу и датам — с VIII по XVI в., правда, преобладает медь тимуридского и шейбанидского чекана. Состав монет из слоя, в свете тех данных, которые приведены выше, свидетельствует лишь о том, что в денежном обращении Отрапа в XVII в. находилась любая монетовидная медь. Не случайно и в «закрытых» комплексах — кладах XVII в. отложилась медь предшествующего времени.

²⁸ Ханыков Я. В. Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г. — Вестник РГО за 1851 г. Ч. 1, кн. 1. Спб., 1851, с. 47—49; Мейendorф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. Упоминание Отрапа у Ф. Назарова (1813 г.) и Демидова (1825 г.) выглядит как анахронизм. Оба автора не были в районе Туркестана и в контексте их сведений речь идет не о городе или селении Отрап, а, скорее, об исторически достопримечательном топониме: у Ф. Назарова Отрап — это место, где умер Тимур, (См.: Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. М., 1968, с. 37—38), у Демидова — один из пунктов на «старинном пути» из Средней Азии в Сибирь (см.: Казахско-русские отношения в XVIII—XIX вв. Сб. документов и материалов. Алма-Ата, 1964, с. 220. Ср. Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрап, с. 41—43).

²⁹ Определение В. Н. Настича. Первоначально монеты были определены как чекан Имам-Кули-хана. (См.: Бурнашева Р. З. Монетный материал с городища Отрап-тобе..., с. 162). Место находки монет: раскоп I, квартал «В», дом 12, помещение 353, на уровне верхнего пола (1-й штык).

³⁰ Давидович Е. А. О среднеазиатских средневековых монетах..., с. 248. Попутно заметим, что никаких иных данных, характеризующих денежное обращение Отрапа конца XVII—XVIII в., нет. Для выяснения структуры денежного хозяйства южно-казахстанских городов этого времени необходимо привлечь материал других памятников, особенно Туркестана.

обращения этого типа монет не имеет определяющего значения, так как она корректируется применительно к Отрапу данными письменных источников XVIII в. Для нас важна начальная дата монет Субхан-Кулихана, она позволяет отнести заключительный этап жизни на городище ко времени не ранее 80-х гг. XVII в.

По русским источникам конца XVII в. Отрап известен как один из пунктов на саурянской дороге из Сибири (Тобольск) в Среднюю Азию³¹. Отрап значится в списке городов Туркестанского владения (упомянуты 11 городов «и при них другие мелкие mestечки или деревни»), составленном в 1735 г. жителем Ташкента Нур Мухаммадом Алимовым³². По-видимому, уже в эту пору Отрап был незначительным пунктом, в котором проживало, по данным П. И. Рычкова, 40 семей³³. Последнее достоверное упоминание Отрапа относится к концу 40-х гг. XVIII в. В показаниях переводчика М. Арапова, который в 1748 г. находился в ставке хана Средней Орды Барака и был в районе Туркестана, отмечается, что Барак владеет Ташкентом, Иканом, Отрапом, Угустау, Сузаком, «в коих живут пахотные люди». Барак «действительно получил и владеет ими так, как настоящий их хан, и не только подати с них берет, но и в Икане чрез них и дом себе построил и прочие работы исправляет». По словам М. Арапова, эти сведения, «от самово его, Барака, а сверх того, и от прочих слышал и сам видел»³⁴.

Во второй половине XVIII в. Отрап исчезает со страниц письменных источников.

Таким образом, на основании стратиграфии, монет, сведений письменных источников на центральном бугре позднесредневекового Отрапа выделяется слой XVI в., возможно, второй половины столетия. Строительные конструкции этого времени известны пока на сравнительно небольших участках в юго-западной (раскоп III и стратиграфический раскоп) и восточной (раскоп IV) частях городища.

2-я половина XVI в.—период частичного запустения³⁵. Город переживает кризис, в юго-западной и восточной частях города большая часть домов заброшена. Опустевшие участки используются под свалку.

³¹ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1. Л., 1933, с. 262—263.

³² Добросмыслов А. И. Города Сыр-Дарынской области. Ташкент, 1912, с. 110. О Нур Мухаммаде Алимове и его сочинении см.: Чехович О. Д. Городское самоуправление в Ташкенте XVIII в.—В кн.: История и культура народов Средней Азии. М., 1976, с. 154.

³³ Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887, с. 20—21 (первое издание книги: Спб., 1762). Сведения о районе Туркестана в труде П. И. Рычкова относятся именно к первой половине XVIII в. Он не был лично в южных районах Казахстана, но при написании труда в 1755—1760 гг. (см.: Оренбургские стени в трудах П. И. Рычкова, Э. А. Эверсманна, С. С. Неуструева. М., 1949) использовал отчеты переводчиков Оренбургской пограничной линии и другие источники, в том числе показания К. Миллера, который в 1738—1739 гг. побывал в Ташкенте и Туркестане. Его отчет, цитированный П. И. Рычковым, до нас не дошел. (См.: Чехович О. Д. Городское самоуправление..., с. 156).

³⁴ Казахско-русские отношения в XVIII—XIX вв., с. 488.

³⁵ Масштабы запустения трудно оценить в полном объеме без дополнительных исследований в различных частях городища.

На окраинах города у крепостной стены с восточной и юго-западной стороны появляются кладбища³⁶.

Слой начала XVII в. — 60-х гг. XVII в. отражает взлет строительной деятельности, охватившей всю территорию города (раскопы I—IV, VI). Город отстраивается заново, на многих участках жилые кварталы возводятся одновременно, по единому плану³⁷. Этот период завершается пожарами и запустением города.

Слой конца XVII — первой половины XVIII в. Не ранее 80-х гг. XVII в. реконструируются некоторые сгоревшие и заброшенные дома, на очень ограниченных участках строятся новые жилища. В этот период жизнь в городе неуклонно идет к упадку. Около середины XVIII в. последний этап жизни города завершается запустением.

Предложенная хронологическая схема должна быть проверена как новыми стратиграфическими наблюдениями на городище, так и историческими данными XVI—XVIII вв.

³⁶ В стратиграфическом раскопе кладбище было обнаружено в слое, подстилающем строительный горизонт XVII—XVIII вв. (См.: Акисеев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрап, с. 53—54).

³⁷ Акисеев К. А. Некоторые итоги раскопок городища древнего Отрапа (1971—1975 гг.). — В кн.: Археологические исследования в Отрапе. Алма-Ата, 1977, с. 6, 7.

О РОЛИ ИРРИГАЦИИ В ИСТОРИИ ПОСЕЛЕНИЙ И ГОРОДОВ ОТРАРСКОГО ОАЗИСА

Своеобразие природно-климатических условий и характер общественно-исторического развития древнего Казахстана уже в эпоху раннего железа способствовало формированию на этой территории трех основных форм хозяйственного специализирования. Южный Казахстан выделяется как «район раннего зарождения оседлости и поливного земледелия, городской культуры и ирригационного строительства»¹. Особенности географических ландшафтов и разнообразие водных источников южных областей республики в свою очередь отразились на исторической топографии поселений и городов, на характере оросительных сооружений и особенностях техники орошения. В некоторых областях Южного Казахстана поливное земледелие на базе магистральных каналов становится основой хозяйственной деятельности населения. Являясь важным фактором, стимулирующим экономическое развитие поселений и городов земледельческих оазисов, ирригация испытывала на себе обратное влияние, степень которого зависела от состояния производительных сил и связанных с ними производственных отношений. В целом эти взаимоотношения складывались в силу общих закономерностей развития человеческого общества, характерных для стран, где искусственное орошение играло основную роль в земледелии. На этот факт не раз обращали свое внимание К. Маркс и Ф. Энгельс в работах о странах Востока².

Многолетние археологические исследования древних оросительных сооружений в Хорезме, на Теджене, в Мургабе, Зеравшане, Фергане и в Вахшской долине³ свидетельствуют о том, что для перечисленных регио-

¹ Акишев К. А. К проблеме происхожденияnomадизма в аридной зоне древнего Казахстана. — В кн.: Поиски и раскопки Казахстана. Алма-Ата, 1972, с. 45—46.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 9, с. 132; т. 20, с. 183—184.

³ Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948; Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969; Лисицына Г. Н. Орошающее земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении. М., 1965; Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргiana. — МИА, 1959, № 73; Гулямов Я., Исламов У., Аскаров А. Первобытная культура и возникновение орошающего земледелия в низовьях Зеравшана. Ташкент, 1966; Латынин Б. А. Некоторые вопросы методики изучения истории ирригации Средней Азии. — СА, 1959, № 3; Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. — МИА, 1962, № 118; Зеймаль Т. И. Древние и средневековые каналы Вахшской долины. — В кн.: Страны и народы Востока. М., 1971, вып. X, с. 37—57.

нов Средней Азии были характерны свои особенности развития ирригации, которое зависело от многих факторов (географических, исторических и т. п.) и имело свои специфические пути и темпы роста в каждом из указанных очагов орошаемого земледелия. Эти материалы отражают также всю сложность процессов взаимосвязи ирригации и городов. Так, переход от первобытности к раннеклассовым образованиям и централизованным феодальным государствам древнего Хорезма сопровождался глубокими преобразованиями в области строительства гидротехнических сооружений. Прimitивные системы орошения укрепленных поселений эпохи бронзы сменяются многокилометровыми магистральными каналами средневековых городов. Эта смена, по мнению исследователей, носила диалектический характер.

Взаимосвязь «ирригация — город» для территории Казахстана — проблема неразработанная. Археолого-топографическое обследование Отранского оазиса, расположенного у впадения р. Арысь в Сырдарью, также выявило определенную зависимость между ирригацией и развитием городов и поселений этого района. Высокие температуры в вегетационный период при весьма ограниченном количестве атмосферных осадков вызывали необходимость применения здесь искусственного орошения в земледелии. Свидетельством этого являются многочисленные следы планировок полей вокруг развалин свыше 60 поселений и городов, расположенных на остатках высохших протоков и каналов. Их изучение говорит о сложном пути развития ирригации от лиманного орошения через регулирование водных источников с помощью обваловки старых русел к сильно развитым паводковым системам орошения⁴.

Возникнув в дельте р. Арысь, ирригационная техника отличалась от принципов орошения в аналогичных условиях дельтового ландшафта низовий Сырдарьи, хотя на начальном этапе своего развития она также прошла стадию «регулируемых» русел. Но ирригация низовий Сырдарьи, зародившись в середине I тысячелетия до н. э., в силу общественного развития и специфики хозяйства вплоть до нового времени носила архаические черты вследствие того, что здесь «исторически не сложились предпосылки для создания крупного высокоразвитого ирригационного хозяйства»⁵. Иной путь прошла ирригация Отранского оазиса.

В первых веках нашей эры на данной территории происходит освоение небольших площадей, пригодных для поливного земледелия. По отношению к водным источникам раннеземледельческие поселения можно разделить на две части: использующих воду р. Арыси и употреблявших влагу Сырдарьи. Естественные рубежи этих рек способствовали делению их на четыре локальные группы. К первой относятся памятники правобережья низовий Арыси, сосредоточенные в окрестностях Отара (группа А); ко второй — поселения противоположного, левого, берега ее дельты, расположенные в урочище Кок-Мардан (группа Б); к третьей — ряд поселений вдоль старых проток правого берега Сырдарьи, тяготеющих

⁴ Грошев В. А. К вопросу о средневековых оросительных системах Отранского оазиса. — В кн.: Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975, с. 75—85.

⁵ Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья, с. 226.

к железнодорожной станции От-Рабад (группа В); наконец, к четвертой относятся памятники левого берега Сырдарьи, группирующиеся вокруг городища Оксуса (группа Г)⁶.

В I—VI вв. в дельте р. Арысь использовались обвалованные русла и небольшие арыки. Арычная система орошения полей дает основание говорить о строительстве к концу этого периода простых систем, базирующихся на протоках. Уже в это время в ирригации Оттарского оазиса намечаются некоторые существенные различия. Так, если в низовьях р. Арысь она имела все признаки дельтовой ирригации (регулированные старые русла, использование их в качестве водохранилищ и выведение из них небольших каналов), то в условиях использования протоков Сырдарьи она не проходит стадию обваловки и регулирования русел. В целом же ирригационная техника в I—VI вв. имела примитивные формы⁷ и не требовала значительных трудовых затрат.

Исследование памятников, расположенных на протоках, свидетельствует о том, что неразвитые формы техники орошения находились в органичном соответствии с уровнем производительных сил общества данного района в I—VI вв. Начатые стационарные раскопки Кок-Мардана (группа Б), а также материалы раскопанных ранее поселений правобережья р. Арысь (группа А)⁸, датируемых рассматриваемым временем, показывают, что выведение из протоков каналов производилось силами земледельческих общин. Найдки каменных мотыг на поселениях говорят о занятии местного населения мотыжным земледелием. Орошение участков, на которых выращивались зерновые (просо, ячмень, пшеница), носило лиманно-озерный характер. Невысокий уровень производительных сил в земледелии обеспечивал лишь нужды собственного потребления. Хозяйство было комплексным. Большую роль в нем играло скотоводство. Жители занимались также охотой и рыболовством. Характер оросительных сооружений и формы орошаемого земледелия этого периода напоминают особенности дельтовой ирригации в урочище Джеты-асар⁹.

В социально-экономическом аспекте общественные организации Оттарского оазиса этого времени представляли собой объединения, где еще сильны были перекитки родового строя, но в которых уже формировались элементы феодальных отношений. Это явление являлось характерной чертой раннесредневековья юга Казахстана¹⁰.

Новый подъем ирригации Оттарского оазиса происходит с VII по IX в., когда на территории Южного Казахстана складываются раннефеодальные государства. На фоне крупных социально-экономических сдвигов в земледельческих оазисах речных долин появляются многочисленные политические центры — города, которые становятся «резиденцией

⁶ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Оттар. Алма-Ата, 1971, с. 123—139, 140—145, 149—152; Грошев В. А. Работы ирригационного отряда. — В кн.: Археологические открытия 1974 года, с. 484.

⁷ Грошев В. А. Новые данные об оросительных системах Оттарского оазиса. — В кн.: Археологические исследования в Оттаре. Алма-Ата, 1977, с. 14—22.

⁸ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Оттар, с. 139—147.

⁹ Абдрианов Б. В. Древние оросительные сооружения..., с. 205.

¹⁰ История Казахской ССР. Т. 1. Алма-Ата, 1977, с. 309.

феодалов данного района, а в их лице — хозяином земледельческого региона». Установлено, что многие города непосредственно «стоят» на раннеземледельческих поселениях¹¹. История Оттарского оазиса этого периода также характеризуется сложением и расцветом городской цивилизации. Экономическое развитие зарождающихся городов настоятельно требовало увеличения орошаемых площадей. Как показывают исследования, расширение посевов происходило за счет освоения близлежащих земель, пригодных для поливного земледелия. Поэтому города в этом районе вырастают на месте тех поселений, которым не угрожают паводки рек Арыси и Сырдарьи¹², а также в местах, благоприятных для развития ирrigации (микрорельеф, удобный водозабор и т. п.). Так, на наш взгляд, периодические затопления уроцища Кок-Мардан паводковыми водами¹³ явились одной из причин, ограничивающей возможности развития поливного земледелия и вызвавшей здесь замирание жизни в рассматриваемый период. Трудности в выведении каналов сыграли определенную роль в забрасывании поселений у станции От-Рабад¹⁴. Наоборот, более благоприятные условия водозaborа и отдаленное расположение Оксуса от левого берега Сырдарьи способствовали впоследствии возникновению на месте поселения средневекового города¹⁵.

Наиболее выгодное географическое положение оказалось у поселений правого берега дельты р. Арысь (группа А). Об этом свидетельствует тот факт, что основная часть городов Оттарского оазиса расположена именно в этом районе. Возможность увеличения орошаемых площадей и относительная отдаленность от основного источника воды (р. Арысь) создали предпосылки для объединения трудовых усилий жителей нескольких поселений с целью реконструкции одной из дельтовых проток р. Арысь, топографически объединяющей эти поселения, и возведения на ее основе оросительной системы Санғыл-арық (VII—IX вв.), длиной свыше 20 км¹⁶. Строительство ирригационной системы способствовало увеличению товарного производства зерна и экономическому росту указанных поселений, на месте которых зарождаются города Оттар, Қуйрюк, Қуюк-Мардан. Археологическое обследование последних подтверждает факт наличия здесь раннеземледельческих поселений¹⁷. В то же время поселения, не вовлеченные в сферу действия Санғыл-арықа, строят свои небольшие (1,5—2 км) «индивидуальные» каналы, например, Шольтобе у северной окраины с. Шаульдер и ряд других безымянных поселений. Некоторые поселения группы Г (район Оксуса) при поливе

¹¹ История Казахской ССР, т. 1, с. 382, 386.

¹² О подобных паводнениях писал еще Масуди. (См.: Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. — Соч., т. III. М., 1965, с. 224).

¹³ О паводках в новое время см.: Ақишиев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Оттар, с 10, 123—139.

¹⁴ Там же, с. 149.

¹⁵ Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. — Труды ИИАЭ АН ҚазССР, т. 5, 1958, с. 211.

¹⁶ Грошев В. А. Новые данные об оросительных системах Оттарского оазиса, с. 16, 20—21.

¹⁷ Ақишиев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Оттар, с. 77—82; Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений..., с. 211.

возделываемых земель использовали примитивные формы лиманного орошения. Признаки лиманного орошения присущи и системе Санғыларық. Об этом свидетельствует наличие обвалованной протоки в головной части магистрального канала.

Как мы уже отмечали, увеличение товарного производства зерна на основе развития ирригации явилось одним из стимулов экономического роста зарождающихся городов. Создаются возможности для развития ремесла, расширения торговли. Города этого периода почти не имеют рабадов или территории их крайне мала. Ремесленники и торговцы еще тесно связаны с сельским хозяйством¹⁸. Таким образом, начиная с VII в. принципы организации работ в поливном земледелии Оттарского оазиса постепенно начинают переходить от поселений к городам. К этому времени поливное земледелие достигает уровня развития скотоводства.

Расцвет того или иного формирующегося города Оттарского оазиса обусловливается политической обстановкой. По сведениям письменных источников, в VII—VIII вв. эта территория управлялась независимой тюркской династией. К этому времени относится возвышение Отара (Фараба), который чеканил свою монету и был одним из центров транзитной торговли¹⁹. Сложение и усиление государства огузов способствовало выделению в IX в. Куйрюка (Кедера) в главный город Оттарского оазиса (Фарабского округа)²⁰. Объединение Оттарского оазиса под властью Кедера явилось важной предпосылкой для ликвидации «индивидуальных» каналов и организации единого крупного ирригационного хозяйства на основе строительства обширной оросительной системы Алтын-арык (X—XII вв.)²¹.

К этому периоду относится новый, качественный этап в развитии ирригации Оттарского оазиса. Ирригационная техника приобретает свои классические черты и по своему характеру резко отличается от предшествующей. Вместо громоздких каналов проводятся узкие и длинные, ветвистой конфигурации. Добавляются новые звенья: распределители 1-го и 2-го порядка. Водозабор переносится на основное русло р. Арысь, что говорит об утверждении нового, самотечного паводкового орошения. Возводится система головных сооружений, около которых строятся мощные защитные дамбы. Магистральный канал проводится по старой трассе, лишь выправляя ее. Широкое распространение получают водоподъемные сооружения — чигири, водораспределители из керамических труб. О высоком уровне гидротехнического строительства свидетельствуют также водохранилища и подземные водопроводы — кубуры. На левом бе-

¹⁸ Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений..., с. 213.

¹⁹ Бурнашева Р. З. Монеты с городища Оттар-тобе и Оттарского оазиса. — В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973, с. 85—92; История Казахской ССР, т. I, с. 383, 414.

²⁰ См.: Байпаков К. М. О локализации главного города Оттарского оазиса в IX—XII вв. — В кн.: Археологический сборник. Л., 1964, с. 105—110; Акишев К. А. Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Оттар, с. 31.

²¹ Грошев В. А. Новые данные об оросительных системах Оттарского оазиса, с. 17—21.

регу Сырдарьи в этот период строится и функционирует многоголовая оросительная система Ак-арык, грандиозные отвалы которой и по сей день возвышаются около Оксуса. Все перечисленное свидетельствует о том, что развитие ирригации Оттарского оазиса относится к тому времени в истории общества, когда, по выражению К. Маркса, «принципы организации земледелия переносятся в города и в городские отношения»²².

Период X—XII вв. на территории юга Казахстана характеризуется важными политическими событиями. К середине XI в. государство огузов переживает сильный кризис и приходит в упадок²³. Оттарский оазис входит в состав одного из уделов династии Карабанидов²⁴. Изменения в политическом господстве способствовали новому подъему ирригации Оттара. Вероятно, к этому времени относится строительство обводного и ряда распределительных каналов, позволивших значительно расширить площади на восток и северо-восток от Оттара²⁵. Увеличение орошаемых земель становится одним из стимулов роста и экономического подъема города²⁶.

После монгольского нашествия и разрушения городов Оттарского оазиса в упадок приходит и ирrigационная сеть. Но уже к середине XIII в. Оттар встает из руин. Постепенно возрождается и ирригация. Строится новая оросительная система Каракунчук (XIII—XIV вв.)²⁷. Ее исток переносится на 3 км выше по течению р. Арысь. Соответственно трассируется и рабочая часть магистрального канала, которая соразмерно уклону местности проводится через центр Оттара. Возможно, в связи с тем, что когда-то Кедер (Куйрюк) был столицей, оросительная система Каракунчук оканчивается на его территории, что способствовало возрождению в городе жизни на непродолжительное время. При строительстве новой оросительной системы Темир-арык (XV—XVII вв.)²⁸ пришедшие в негодность вследствие засоления земли забрасываются, а головная часть ее переносится на 15 км вверх по течению реки. Основная магистраль проводится с учетом освоения залежных земель, сосредоточенных юго-восточнее прежних земледельческих поселений и городов, на смену которым, вобрав их потенциальные силы, пришел Оттар.

Таким образом, историческое развитие ирригации Оттарского оазиса отражает общий процесс роста производительных сил, составляющих основу закономерной смены общественно-экономических формаций на юге Казахстана. В этой связи итоги работ позволяют возвратиться к социально-экономическому аспекту изучения древней ирригации Оттарского оазиса. Ф. Энгельс считал, что на Востоке организация ирригацион-

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 130.

²³ Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Алматы, 1969, с. 72—75.

²⁴ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Оттар, с. 33.

²⁵ Грошиев В. А. Новые данные об оросительных системах..., с. 18, 21.

²⁶ Байпаков К. М. Периодизация развития средневекового Оттара. — В кн.: Бартольдовские чтения. М., 1976, с. 12.

²⁷ Грошиев В. А. Новые данные об оросительных системах..., с. 19, 22.

²⁸ Там же.

ного земледелия является «делом либо общин, либо провинций, либо центрального правительства»²⁹.

Создание «регулируемых» русел, использование их в качестве водохранилищ, строительство арыков и примитивных систем в I—VI вв. не превышало полномочий земледельческих общин. Строительство Сангыларыка (VII—IX вв.) уже можно связать с распространением влияния центральной администрации. Но наличие в головной части обвалованной протоки, параллельное существование лиманных способов орошения и «индивидуальных» систем свидетельствуют о том, что ирригационное строительство было делом местной провинциальной власти. Сооружение же единых крупных, сильно разветвленных оросительных систем Алтын-арык (X—XII вв.), Каракунчук (XIII—XIV вв.) и Темир-арык (XV—XVIII вв.) служит признаком центральной власти.

²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 28, с. 221.

КУРГАНЫ БЛИЗ ТАЛГАРА

На северо-западной окраине г. Талгара, на верхней надпойменной террасе правого берега р. Талгарки расположен могильник, насчитывающий 444 курганных насыпи диаметром от 4 до 56 м, высотой 0,1—4,5 м. Как правило, курганы вытянуты отдельными цепочками по линии С—Ю. Эти курганы, или так называемые «змеиные бугры», А. Н. Бернштам относил к сакскому времени¹.

В 1956 г. Семиреченским археологическим отрядом Института истории, археологии и этнографии АН КазССР было вскрыто 13 небольших курганов², которые Е. И. Агеева датировала усуньским временем (III в. до н. э.—III—IV вв. н. э.)³. За период 1973, 1974 и 1976 гг. исследовано шесть курганов диаметром от 18 до 56 м, высотой 1,2—4,5 м⁴. Все они однотипны по устройству погребальных сооружений, а именно: выкапывалась могильная яма (размеры 3—4,5×2—3 м, глубина 0,8—1,2 м), стеники ее обкладывались камнем. Сверху яма перекрывалась накатом из бревен тянь-шаньской ели. Возможно, в некоторых курганах, особенно больших, в яме сооружался сруб. Поверх покрытия ямы клался камень, затем возводилась земляная насыпь, которая сверху обкладывалась камнем. И так повторялось два-три раза. Сверху курганы имеют как бы «рубашку» из камня. В двух случаях отмечены остатки тризы (в виде золы и угольков) над могильной ямой.

Многослойность насыпи скорее всего объясняется досыпкой ее через год, два, а иногда через три года после захоронения.

¹ Бернштам А. Н. Прошлое района Алма-Аты. Алма-Ата, 1948, с. 5.

² Раскопки производились под руководством автора статьи.

³ Агеева Е. И. К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области. — В кн.: Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана. Алма-Ата, 1961, с. 21.

⁴ Наблюдение за сносом насыпей курганов осуществлял Ж. Курманкулов. Два кургана в 1976 г. (5, 6) раскопаны В. И. Садомским.

Кротко рассмотрим раскопанные курганы.

Курган 1 диаметром с С на Ю 34 м, с З на В 31 м, высотой 3 м. При снятии насыпи в юго-восточной части, на глубине 1,5 м обнаружено впускное погребение. Четких контуров впускной ямы проследить не удалось. Погребенный лежал в вытянутом положении, на спине, головой на З, без вещей. Сверху он забросан камнями и засыпан землей. В 5,5 м до основания кургана с южной стороны, на уровне дневной поверхности обнаружены кости лошади (ребра, лежащие в анатомическом порядке).

Почти в центре кургана оконтурилась могильная яма, ориентированная по длинной оси З — В размером $4 \times 2,5$ м, глубиной 1,2 м. Стенки ямы выложены камнем. Вдоль стенок сохранились остатки перегнившего дерева, видимо, от сруба. Перекрыта яма накатом из бревен. При расчистке могильной ямы в северо-восточной ее части найдены зубы лошади; в северо-западном углу обнаружен углистый слой. Создается впечатление, что уголь находился между стенкой ямы и срубом. В этом же углу найдены кости человека и обломки пяти глиняных сосудов — кувшинов (рис. 1, 1, 2, 6), мисочки (рис. 1, 3) и обломок округлого дна.

Курган 2 диаметром 26 м. Через центр кургана до его основания была проложена траншея. На уровне дневной поверхности того времени в центре четко оконтурилась могильная яма, ориентированная длинными сторонами на З — В размером $4,5 \times 2,2$ м, глубиной 1,2 м. Стенки ямы выложены камнем. Вдоль стенок сохранился тлен от бревен. К северо-восточной стенке от полы кургана, постепенно углубляясь, шел грабительский лаз шириной около 1 м.

При расчистке погребальной камеры и на дне ее встречены угольки. В юго-западном углу обнаружено скопление угля и углистый слой, вблизи стояли два глиняных сосуда — чайникообразный (рис. 1, 5) и кувшинчик (рис. 1, 4). Около сосудов лежали кости барабана (позвонки) — остатки погребальной пищи. На дне ямы в разных местах обнаружены ручка от бронзового зеркала (рис. 2, 25), серебряная (?) пуговица (рис. 2, 26) и золотая бляшка-нашивка в виде «замочек» (рис. 2, 6).

Курган 3 диаметром 56 м, высотой 4,5 м. Насыпь кургана возводилась в три приема. Почти в центре кургана оконтурилась могильная яма, ориентированная по длинной оси на З — В, размером $4,5 \times 3$ м, глубина прослежена всего на 40 см.

С северной стороны могильной ямы перпендикулярно к длинной стенке ее, на слое выброса земли лежали два бревна из тянь-шаньской ели (длина бревен около 4 м, диаметр 30—40 см). Эти бревна, по всей вероятности, остались неиспользованными при сооружении погребальной камеры.

При расчистке дна могильной ямы собраны миниатюрные золотые гладкие (рис. 2, 7, 8) и рифленые (рис. 2, 15, 19) пронизки и бляшки-нашивки прямоугольной, крылообразной, круглой, ромбовидной форм с выпуклым и выдавленным в виде 4-листника орнаментом (рис. 2, 9, 13, 14, 16, 17, 20, 21).

Курган 4 диаметром 36 м, высотой 2,8 м. В центре кургана воронка диаметром 6 м, глубиной 0,8 м. Насыпь возводилась в два приема.

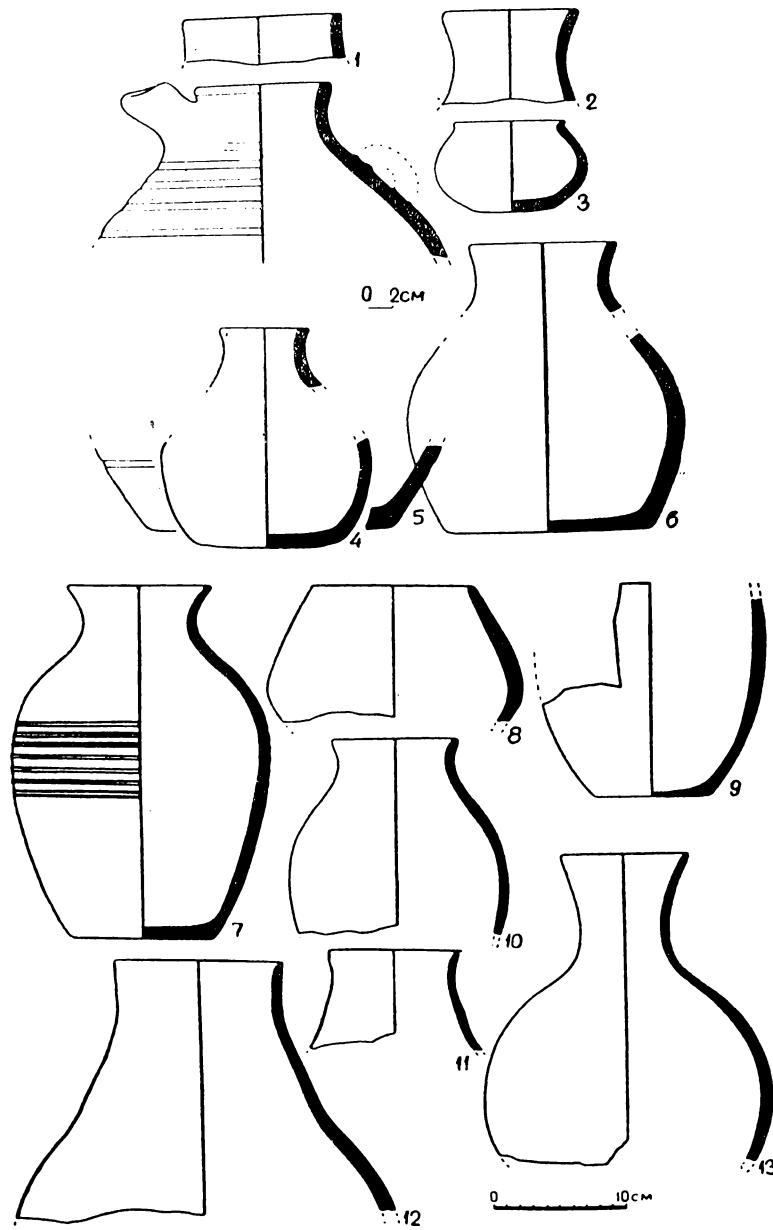

Рис. 1. Глиняные сосуды: 1—3, 6 — из кургана 1; 4, 5 — из кургана 2; 8, 10—12 — из кургана 5; 7, 9, 13 — из кургана 6

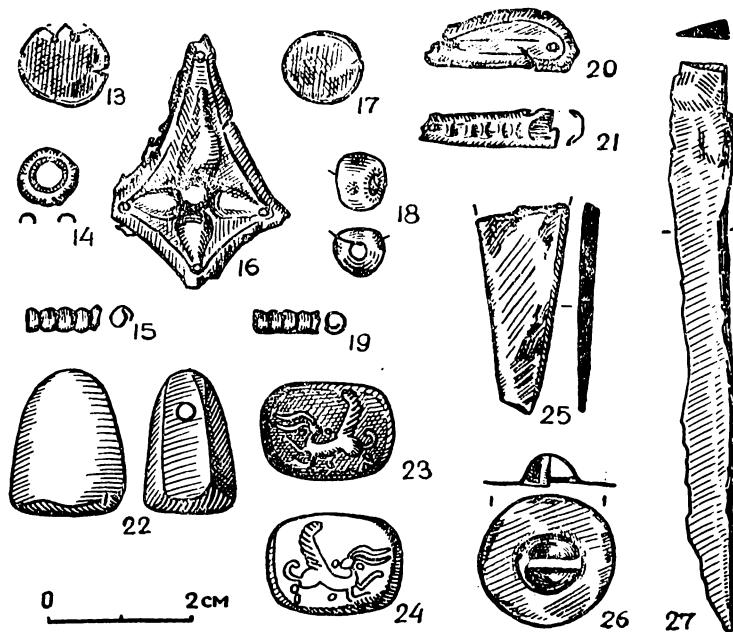
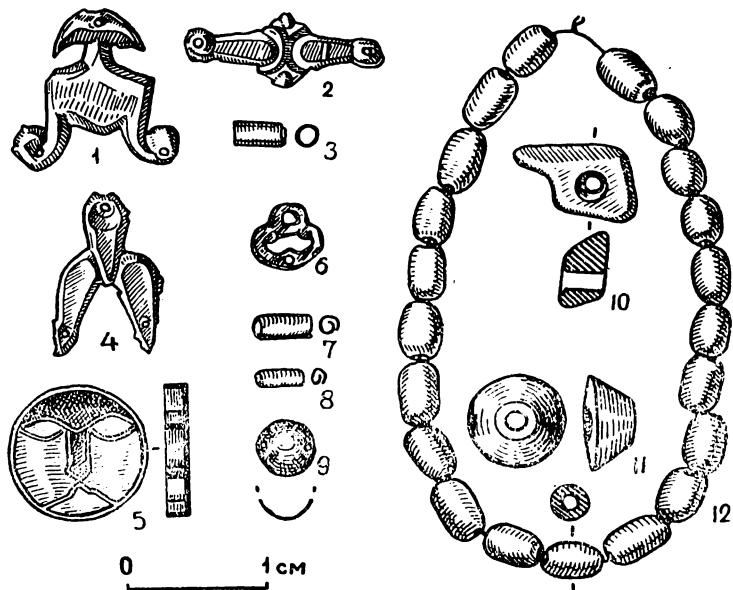

Рис. 2. Украшения и предметы быта: 1—4, 10—12, 22—24 — из кургана 4; 6, 25, 26 — из кургана 2; 7—9, 13—17, 19—21 — из кургана 3; 5, 27 — из кургана 6. (1—9, 13—17, 19, 21 — золото; 10, 11 — камень; 22—24 — глина; 25 — бронза; 26 — серебро (?); 27 — железо)

Могильная яма, расположенная почти в центре кургана, размером $4 \times 2,5$ м, глубиной 1,2 м, ориентирована по длиной оси на З—В с небольшим отклонением западной стенки к северу. Стенки ямы обложены камнем, перекрыта она бревнами тянь-шаньской ели. В северной части ямы, на дне найдены остатки темно-коричневого тлена, на котором находились бляшки-нашивки из золотой фольги. Всего собрано около 500 бляшек-нашивок, среди них бляшки в форме ласточки (рис. 2, 4) и

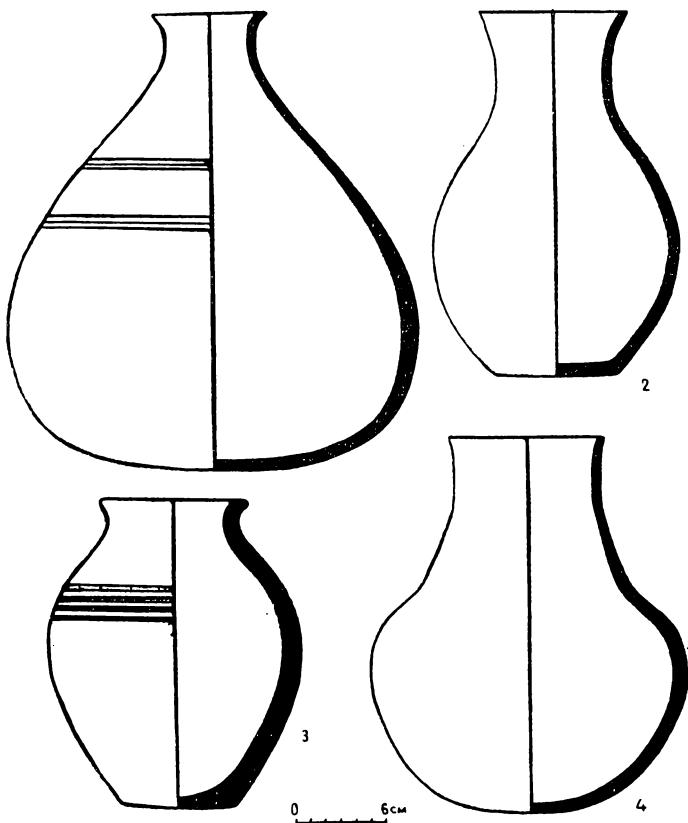

Рис. 3. Глиняные сосуды из кургана 4

натянутого лука со стрелой (рис. 2, 1). Судя по расположению их, бляшки нашивались на кожаную, окрашенную в яркий красный цвет одежду погребенного (обнаружены фрагменты кожи, покрытые красной краской).

Вблизи западной стенки, там, где должна быть голова, найдена бляшка-нашивка продолговатой формы в виде бантика (рис. 2, 2). Здесь же собраны пронизки из золотой фольги от ожерелья (рис. 2, 3).

В области предполагаемых тазовых костей, с левой стороны обнаружена глиняная печатка пирамидальной формы с вдавленным рисунком на рабочей поверхности и округлым отверстием на конце для подвешивания к поясу (рис. 2, 22, 24). На щитке (рабочей поверхности) размером $1,7 \times 1,3$ см изображено животное с туловищем льва, головой козла, повернутой назад, и крылом, отходящим вверх от задней ноги. Хвост загнут кверху. Оттиск печатки рельефный (рис. 2, 23). Рядом с печаткой лежала небольшая плоская галька в форме клюва птицы с округлым отверстием в центре (рис. 2, 10). Отверстие, с одной стороны, служило для подвешивания к поясу, с другой — изображало глаз птицы, зорко охраняющей печатку.

В том месте, где должны быть кости запястья руки, лежал браслет из бус: пастовых (22 шт.) (рис. 2, 12), сердоликовых в форме усеченного конуса (3 шт.) (рис. 2, 11) и глазчатых из стекловидной массы (3 шт.) (рис. 2, 18). По всей вероятности, бусы находились в мешочек. В юго-восточном углу погребальной камеры стоял и лежали глиняные кувшины (рис. 3, 1—4).

Курган 5 диаметром 36 м, высотой 3,5 м. В центре кургана — воронка. Устройство насыпи аналогично описанным. Почти в центре, под насыпью оконтурилась могильная яма размером $4,3 \times 2,6$ м, ориентированная по длиной оси почти точно на З — В, с небольшим отклонением западной стенки к северу. Над могильной ямой прослежены остатки тризны — зола и угольки.

От основания кургана с северной стороны почти к центру могильной ямы шел грабительский лаз (длина 17,5 м, ширина около 1 м). В нем перед « входом » в погребальную камеру и в самой камере, вправо от лаза, найдено большое скопление угля. Стенки погребальной камеры выложены камнем, а сверху она перекрыта бревнами из тянь-шаньской ели. Поперек могильной ямы положены друг на друга камни. Кладка сооружена грабителями. Высота ее 50 см, ширина 40 см. На дне ямы глубиной 0,8 м и под кладкой собраны обломки четырех глиняных сосудов, представленных тремя формами: кувшин, горшок и миска (рис. 1, 8, 10—12). Здесь же собраны обломки железных предметов.

Курган 6 диаметром 18 м, высотой 1,2 м. На вершине кургана — воронка. Под насыпью, на уровне дневной поверхности, над могильной ямой прослежены остатки тризны — зола и угольки. Могильная яма размером 3×2 м, глубиной 0,8 м, ориентирована по длиной оси на З — В, с небольшим отклонением западной стенки к северу. Стенки ямы обложены камнем. От полы кургана с северной стороны почти к центру могильной ямы, постепенно углубляясь, шел грабительский лаз длиной 7 м, шириной 1,1 м. На дне лаза, недалеко от стенки ямы встречены обломки двух глиняных кувшинов (рис. 1, 7, 13) и угольки. По дну ямы разбросаны обломки еще одного глиняного сосуда (рис. 1, 9), железных предметов и небольшой железный ножичек с невычлененной рукояткой (рис. 2, 27).

В заполнении могильной ямы около грабительского лаза найдено золотое изделие в виде щитка с бортиком по краю (в основе щитка — бронзовая пластинка). На щитке изображено лицо человека. Миндале-

видные глаза, прямой нос и рот выложены припаянной золотой пластинкой и заполнены разноцветной пастой: рот — красной, щеки — телесной. Какой пастой были заполнены нос, глаза, лоб, установить не удалось (рис. 2, 5).

Хотя исследованные курганы еще в древности были ограблены, тот незначительный материал, которым мы располагаем, позволяет относить их к захоронениям знати. Об этом свидетельствуют: величина насыпей, размеры погребальных камер ($3—4,5 \times 2—3$ м), наличие золотых изделий (бляшек для нашивки на одежду, пронизок), а также находка печатки.

Курганы оставлены племенами, жившими на территории Семиречья в усуньское время. Об этом свидетельствует в первую очередь глиняная посуда, которая четко делится по форме на три типа (к сожалению, по сохранившимся обломкам мы не можем судить о форме всех сосудов). Сосуды первого типа изготовлены ручной лепкой из глины с примесью мелко толченой дресвы. Для этого типа характерны кувшины с низкой и высокой горловиной (рис. 1, 2, 4, 10—13; рис. 3, 2, 4) и миска с резким перегибом стенки в нижней части (рис. 1, 8). Преобладают сосуды с округлым дном, но есть и плоскодонные. Как по форме, так и по технике изготовления они очень близки сосудам из усуньских курганов III в. до н. э.—III в. н. э.⁵

Сосуды второго типа изготовлены на гончарном круге из плотного теста, с подрезкой у дна. Внешняя поверхность покрыта ангобом с оранжевато-сероватым или красноватым оттенком. Некоторые имеют прочерченный по тулову орнамент в виде горизонтальных линий. К этому типу относятся кувшины с высокой горловиной. Диаметр дна или равен диаметру венчика или немного больше (рис. 1, 6, 7, 9; рис. 3, 3). Сюда же нужно отнести чайникообразный сосуд с приземистым округлым туловом и горизонтальным рифлением (рис. 1, 5). Внешняя поверхность его покрыта светлым с молочным оттенком ангобом. В нижней части горловины находится носик-слив, несколько выступающий над ней. На противоположной стороне носика-слива, скорее всего, на верхней части туловса, прикреплена вертикальная петлеобразная ручка.

Близкие аналогии этим сосудам встречены в памятниках каунчинской культуры, которые Л. М. Левина условно называет «Каунчи I» и датирует с рубежа или с I в. до н. э. по III, возможно, начало IV в. н. э.⁶ По своей форме сосуды второго типа близки вазообразным сосудам гунно-сарматского времени (II в. до н. э.—V в. н. э.), исследованным в Туве⁷, и отличаются лишь тем, что изготовлены на гончарном круге.

Что касается горизонтального рифления по тулову, то оно встрече-

⁵ Акимов К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, табл. VI, IX, 8, XI.

⁶ Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. М., 1971, с. 179.

⁷ Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции 1962—1966 гг., т. III; Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль. Л., 1970, с. 75, табл. II.

но на сосудах усуньских памятников Семиречья⁸ и верховий Арыси (I—IV вв. н. э.)⁹.

К третьему типу относится кувшин грушевидной формы с уплощенно-округлым дном и невысокой узкой горловиной (рис. 3, 1). Изготовлен он ручной лепкой из хорошо отмученного теста. Черепок плотный. По тулову кувшина проходят два пояска из трех параллельно прочерченных линий. Внешняя поверхность покрыта красноватым ангобом и вылощена.

Для Семиречья эта форма не характерна. Самую близкую аналогию кувшину находим в памятниках Ферганы. Эти сосуды Б. А. Литвинский относит к кувшинам 32-го типа и датирует III—IV вв. н. э.¹⁰ Таким образом, большая часть посуды из захоронений была местной, усуньской.

К этому же времени можно отнести железный ножичек без вычлененной рукоятки, обломок боковой ручки дисковидного бронзового зеркала (?), бусы и пуговицы шляпообразной формы, аналогии которым широко известны из усуньских памятников Семиречья¹¹. Аналогии золотым бляшкам-нашивкам в виде ласточки, натянутого лука со стрелой, бантика и замочка нам неизвестны.

Большой интерес представляет бляшка-личина (возможно, подвеска от серьги). Прямой аналогии бляшке мы не имеем, но техника изготовления подобных изделий характерна для гуннского полихромного стиля. Определяющим в ней является тонкое золотое покрытие бронзовой основы, закрепляющееся загнутым на обратную сторону краем, наличие штифтов и заклепок, помещающихся под вставками, а также напайка на золотое покрытие ребром полосок из золота. Полученные ячейки заполняются вставками или мастикой¹².

Является ли бляшка-личина гунской, утверждать трудно, ибо техника покрытия золотом бронзового основания известна еще у саков. Например, в кургане «Иссык» бляшки-нашивки на сапогах, головном уборе, кафтане имели бронзовое основание и золотое покрытие¹³. Однако мы не исключаем, что наша находка могла быть приобретена в результате торговых связей.

Самой интересной находкой стала глиняная печать, которая явилась, скорее всего, предметом личного пользования. Можно предположить, что она изготовлена местным мастером с учетом местных особенностей и вкусов, а именно: лев на печати изображен с головой козла. По-видимому, мастеру был известен изобразительный мотив льва и

⁸ Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней..., табл. VI, 15.

⁹ Подушкин Н. П. К вопросу о керамике раннеземледельческих поселений верховий реки Арыси (I—IV вв.). — В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, с. 98.

¹⁰ Литвинский Б. А. Керамика из могильников Западной Ферганы (первое тысячелетие н. э.). М., 1973, с. 50, 131, 132, табл. 16, 3.

¹¹ Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней..., табл. XI; Агеева Е. И. К вопросу о типах древних погребений..., с. 25, рис. 3, 6; Максимова А. Г. Усуньские курганы левобережья реки Или. — Известия АН КазССР. Серия истории, археологии и этнографии. Вып. 1(9). Алма-Ата, 1959, с. 83, табл. II, 6; с. 87, табл. III, 5.

¹² Засецкая И. П. Золотые украшения гуннской эпохи. Л., 1975, с. 20, 24.

¹³ Акишев К. А. Курган «Иссык». — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, с. 61—77.

львиноподобных крылатых хищников¹⁴, широко применявшийся в искусстве древнего Востока с ахеменидского времени (VII—IV вв. до н. э.)¹⁵ до средневековья. Насколько характерно изображение льва для ахеменидов, настолько типично изображение козла для сакского искусства. Синкетический образ на нашей печати является не случайным и свидетельствует о тех древних связях, которые существовали в то время.

Фигура льва, переданная местным мастером, отличается от ранее известных тем, что крыло у льва на нашей печати отходит от задней ноги. Это не характерно для крылатых львов ахеменидского времени, у которых крыло отходит от передней лопатки.

Отход от ранее существовавших традиций изображения крыла позволяет нам в другом аспекте рассмотреть вопрос о датировке печати и отнести ее к более позднему — усуньскому времени IV—III вв. до н. э.

Подтверждением этой датировки печати может служить рассмотренный нами комплекс вещей из курганов (глиняные сосуды, пуговица, ножичек, ручка от зеркала), а также погребальный обряд: захоронение в грунтовых ямах, обложенных по стенам камнем и перекрытых деревянным накатом, наличие остатков кострищ в виде золы и угольков. Этот обряд своими корнями уходит в глубь — в сакское время¹⁶.

Хотя находки печатей в памятниках Семиречья усуньского времени немногочисленны¹⁷, о наличии печатей у усуней повествуют восточные письменные источники¹⁸.

Таким образом, весь комплекс изученного материала позволяет отнести талгарские курганы к усуньскому времени (IV—III вв. до н. э.). Сооружение больших курганных насыпей, обширные погребальные камеры, наличие в них золотых изделий и фрагментов одежды из красной кожи, а также находка глиняной печати свидетельствуют о наличии классового расслоения и частной собственности у усуньских племен Семиречья.

¹⁴ Руденко С. И. Горноалтайские находки и скифы. М.—Л., 1952, с. 77; Пугаченкова Г. А. Резные камни античной поры в Музее истории Узбекистана. — Труды ТашГУ им В. И. Ленина, вып. 200. Ташкент, 1963, с. 82, илл. 7, 60/30.

¹⁵ Луконин В. Г. Искусство древнего Ирана. М., 1977, с. 77.

¹⁶ Максимова А. Г. Еще один курган из Иссыкского могильника. — В кн.: Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978.

¹⁷ Максимова А. Г. Цепочка курганов из могильника Карава I. — В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, с. 127, рис. 5.

¹⁸ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.—Л., 1950, с. 197.

О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ АНДРОНОВСКОЙ КЕРАМИКИ КАЗАХСТАНА

3 начительное место в памятниках культуры эпохи бронзы принадлежит керамике. Большой керамический материал, свидетельствующий о постепенном развитии своеобразных эстетических представлений у древних наследников Казахстана, накоплен в результате многолетних раскопок могильников и поселений этого периода на территории республики. Археологические находки широко освещены в публикациях ученых, причем при описании выявленной керамики главное место уделялось вопросам периодизации, технологии изготовления, классификации типов посуды, применения тех или иных приемов декора, типологии орнамента и др. Почти не рассматривалась керамика со стороны образного содержания, эстетической привлекательности тех или иных изделий. Поэтому отметим некоторые особенности андроновской керамики¹, учитывая специфику ее образно-художественной выразительности.

Глиняная посуда была самым необходимым предметом в быту, она сопровождала человека в загробный мир, она была связана с ритуалами жертвоприношений. Тесная связь керамики с бытом, с трудом, с первобытными религиозными представлениями скотовода и земледельца была одним из факторов ее развития, а в процессе развития — все большего освоения материала.

Истоки освоения керамики как предмета приложения творческих сил уходят в неолитическое время. Найденные на неолитических и энеолитических стоянках Казахстана фрагменты грубых лепных сосудов с несложным узором из точек, прямых, зигзагообразных и волнистых ли-

¹ Основным источником для нас явилась коллекция Музея археологии Института истории, археологии и этнографии АН КазССР; привлекалась керамика, описанная по культуре эпохи бронзы Казахстана. Всего изучено 100 сосудов.

ний, нанесенных остро отточенными палочками и гребенчатым штампом², нельзя относить к художественной, т. е. к такой, которая помимо утилитарного имеет воспитательное значение, формирует представление о прекрасном. Это были первые попытки своеобразного отражения действительности в отвлеченных образах, свойственные человеку на раннем этапе первобытного общества. В мало соразмерном расположении простейших фигур и линий формировались наивные представления о симметрии, о ритме, о качествах самого материала. Прошло не одно тысячелетие, пока утилитарная вещь из глины приобрела такие формы и декор, которые ставили ее в ряд произведений искусства. И в этом процессе определяющим моментом была нерасчлененность керамики с духовным миром первобытного мастера.

В результате технического освоения материала андроновские гончары постигали все большие его возможности в *создании формы*, которая является важнейшим фактором образно-художественной выразительности. В значительной степени та или иная объемная форма обусловлена бытующей техникой изготовления: Принципиальной разницы в технике изготовления сосудов в различных регионах Казахстана не было³, не претерпели изменения способы изготовления керамики и во временном отношении: все сосуды производились ручной лепкой, иногда применялось лощение. Длительное бытование архаичных приемов изготовления во многом обусловило незначительное число принципиально отличных форм сосудов, распространенных на протяжении всего периода. В андроновской керамике господствуют две формы: баночная и горшкообразная, причем именно вторая была в поле зрения художественных поисков гончаров. Несмотря на длительное бытование одних и тех же приемов изготовления, передаваемых из поколения в поколение, шел процесс выявления тех качеств материала, которые определяли художественную выразительность многих горшкообразных сосудов андроновского времени. Рассмотрим некоторые из них.

. Вазоподобные сосуды из Бугулы I с небольшим поддоном, расширяющимся, плавно скругленным у плечиков туловом, из которого вырастает несколько суженная шейка с изящно отогнутым наружу венчиком⁴.

² Формозов А. А. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. — КСИИМК, 1949, вып. 25, с. 55—58; Виноградов А. В. Археологическая разведка в районе Арыльско-Саксаульской в 1955 г. — Труды ИИАЭ АН КазССР, 1959, т. 7, с. 80—85; Чалаев Л. А. О культуре микролитов эпохи неолита в бассейне реки Карагатургай. — В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969, с. 193; Она же. Озерные стоянки Павлодарской области. Пеньки I, II. — В кн.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972, с. 161—181; Агеева Е. И., Максимова А. Г. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 года. — Труды ИИАЭ АН КазССР, 1959, т. 7, с. 33.

³ Оразбаев А. М. Северный Казахстан в эпоху бронзы. — Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5. Алма-Ата, 1959, с. 258; Максимова А. Г. Эпоха бронзы Восточного Казахстана. — Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7. Алма-Ата, 1959, с. 111; Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. — МИА, М.—Л., 1960, № 98, с. 70; Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, с. 283; История Казахской ССР, т. 1. Алма-Ата, 1977, с. 125.

⁴ Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана, с. 62, табл. I, 4—6.

Форма сосудов скульптурно выразительна, она развивается от небольшого, но устойчивого поддона, в основе движения лежит спокойное, ясное вписывание одной конструктивной части сосуда в другую, и это создает впечатление не только устойчивости и равновесия разновеликих масс, но и необычайной пластичности.

По силуэту, конструкции идентична разобранной форме сосуда из Сангр II. В ней такое же развитое понимание пластики, которое проявляется в плавности скругляющихся форм⁵. И хотя тулоо сосуда несколько асимметрично, тем не менее угадывается стремление гончара не просто создать необходимую в быту вещь, а вылепить определенную форму, слаженную по своим очертаниям, по пропорциям, по соотношению масс. Эти же качества прослеживаются в сосудах из могильника Бурлук I⁶.

Не менее интересны по общему формальному решению сосуды из Акмолы⁷. Они без поддона, широкобокие, приземистые, укрупненных объемов. Формы сосудов, развивающиеся прямо от донышка, менее изящны, но сохраняют плавность очертаний, логическое равновесие отдельных частей, пропорциональное равновесие масс. Мастера лепят формы, учитывая мягкость, текучесть глины.

В объемном решении сосудов из Тау-тары те же принципы развития формы проявляются несколько по-иному в разных по размерам сосудах. В небольших сосудах больше пластики в очертаниях, в больших — четкое сопоставление масс тулаа и цилиндрической шейки, придающее им монументальность⁸.

В однотипности форм всех горшкообразных сосудов много различных вариаций, которые являются показателем степени мастерства, фантазии и декоративного чутья гончаров, их создавших. Возникшая в определенный период, по всей вероятности, в Северном или Центральном Казахстане (в самом ярком виде она прослеживается в сосудах этих районов) конструктивно и пластически собранная форма затем в зависимости от степени мастерства гончаров, ее воспринявшими, развивается в самых разных вариантах, сохраняя, однако, принципиально исходные качества, в которых улавливается глубокое скульптурное понимание формы, пластических качеств материала.

Образный строй андроновской керамики основывается на *декоративном сочетании орнаментальных мотивов*, органично вписывающихся в пластически развитую форму сосудов. В декоративном решении господствует геометрический орнамент. Из него складывается замкнутая орнаментальная композиция. Составленная из трех горизонтальных

⁵ Там же, с. 282, табл. X, 3.

⁶ Зданович С. Я. Могильник эпохи бронзы Бурлук I. — В кн.: По следам древних культур. Алма-Ата, 1970, с. 154—162, рис. 2, 3.

⁷ Кадырбаев М. К. Акмола — памятник андроновской культуры. — В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969, табл. I, 1—3, 7, 10, 11; II, 1, 4, 9.

⁸ Максимова А. Г. Могильник Тау-Тары. — В кн.: Археологические исследования на северных склонах Карагату. Алма-Ата, 1962, с. 42, рис. 5, 2, 4, 5, с. 45, рис. 8, 2, 5, с. 54, рис. 14, 1, 5, с. 47, рис. 10, 2, 3.

поясков орнаментальная композиция сосуда из Сангру II может восприниматься только в органичном единстве с формой. Развитие туловыширя, упругое движение шейки ввысь, распахнутость изогнутого венчика еще более усиливаются характером расположения деталей орнамента на венчике, шейке и тулове. На венчике оттисками гребенчатого штампа гончар намечает остроугольные треугольники под определенным наклоном к оси симметрии, графический узор хорошо дополняет расширение этой части сосуда. Следующий орнаментальный мотив, составленный из вертикально расположенных так называемых «уточек», подчеркивает вытянутость шейки. На тулове поясок орнамента сложнее по очертаниям и крупнее. Организованный из фигур типа лабиринт, как бы ниспадающих между намеченными на плечиках треугольниками, он дополняется прочерченным зигзагом, во внутренней части которого обращенные углами друг к другу треугольники. Направление фигур лабиринта, опять-таки под углом к оси симметрии, подчеркивает тектонику туловы. В четком сопоставлении размеров фигур, составляющих простые и ясные мотивы, в их умелом рассредоточении в параллельно опоясывающих поверхность сосуда поясах, в целенаправленном их расположении относительно оси симметрии, в уравновешенности орнамента и фона улавливается наивное мастерство, простота и мудрость художественного вкуса создателя этого горшка, осмыслившего конструктивные особенности сосуда.

Творческие потенции андроновских гончаров на протяжении длительного времени были ограничены традиционной криволинейной поверхностью горшкообразного сосуда. Однако на ней складывались интересные, хотя порой и самые простые композиции. Исследование орнаментальных композиций показало, что в декоре многих сосудов андроновского периода прослеживается стойко удерживающаяся композиционная схема. Она складывается из трех горизонтально расположенных поясков, последовательно распределенных на различных по наклону поверхностях: на расширяющемся венчике, слегка выгнутой шейке и плавно скругляющемся тулове. Пояски, составленные из простейших геометрических фигур, отделены друг от друга ложбинками, намеченными палочками или образованными вдавлением мелких полуovalов и оттисками мелких подтреугольных штампов⁹. Однако бывает и иная композиционная схема: две орнаментальные полосы, опоясывающие наружную поверхность сосудов¹⁰. Такое композиционное построение орнамента характерно в основном для форм, утративших яркую пластическую выразительность.

⁹ Маргулан А. Х., Акшиев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана, табл. III, V, X, 2—4; Зданович С. Я. Могильник эпохи бронзы Бурлук I, рис. 2, 3; Оразбаев А. М. Северный Казахстан в эпоху бронзы, табл. I, 1, 2, 6, 7, 9, 10; II, 10, 11, 15; III, 2, 4, 9, 11, 13; Кадырбаев М. К. Акмола — памятник андроновской культуры, табл. I, 1, 3, 7, 10, 11; II, 1, 4, 9.

¹⁰ Максимова А. Г. Могильник Тау-Тары, с. 42, рис. 5, 2, 4, 5; с. 45, рис. 8, 1, 2, 5, 6; с. 47, рис. 10, 1, 2, 3, с. 54, рис. 14, 1, 5, рис. 15, 1, 3. Такие типы композиций характерны и для Западного Казахстана. (См.: Андроновская культура. М.—Л., 1966, табл. XXXII—XXXIV, XV, XVI).

Узор обычно покрывает поверхность сосуда до половины туловы, лишь иногда распределяется почти до основания. Изредка его логическим завершением является орнаментальная полоска у донца. Основные ритмично повторяющиеся элементы орнамента, покрывающего венчик, — треугольники прямоугольные и с острыми углами, очень редко встречаются ромбики и «флажки». Наиболее логично вписываются в плавно изогнутый венчик остроугольные треугольники, обращенные вершиной к центральной оси и тем самым подчеркивающие расширение его.

Орнаментальные полоски на шейке сосуда обогащены и иными элементами. Здесь встречаются з-образные, меандровидные мотивы, часты вариации треугольников, реже мы видим «флажки» и зигзаги, пирамидки из треугольников. Они, как правило, располагаются с меньшим наклоном к оси симметрии, а иногда строго вертикально, что подчеркивает форму вытянутой вверх шейки.

Элементы орнамента на тулове более сложны и многообразны: различного типа меандры, «свастикообразные» мотивы, фигуры типа лабиринт, каскады пирамидок, ниспадающих вниз или сопоставленных в зеркальном отражении и расположенные параллельными рядами зигзагообразные мотивы. Часто указанные мотивы сочетаются с зигзагом, на оси которого построены обращенные друг к другу углами треугольники. Ориамент на тулове, как правило, более крупного модуля, чем в верхней части сосуда. Древний мастер тем самым стремился уравновесить объемные массы. Поясок треугольников у донца в ряде случаев органично завершает декорацию сосудов¹¹.

В том случае, когда орнамент располагается в виде двух полос, выявляются только две части объемной формы — тулоо и шейка. Здесь мы видим большее единство элементов узора, иногда две орнаментальные полоски идентичны по мотивам. Во второй композиционной схеме, построенной на сочетании двух орнаментальных мотивов, прослеживается логическое их равновесие на разных по очертаниям поверхностях, однако в большинстве случаев мотивы не собираются в стройную систему узора, а лишь свидетельствуют о воспринятых качествах.

Своеобразие художественного облика во многом определяется *техническим исполнением орнаментальных композиций*. Сантиметр за сантиметром гончар оттискивал полоски гребенчатого штампа, складывая из них очертания различных фигур, форма которых во многом была обусловлена возможностями именно гребенчатого штампа. Фигурки складывались из трех-четырех (в зетообразных, свастикообразных, меандровидных мотивах) или трех-шести оттисков штампика (в треугольниках). Зигзагообразные мотивы, иногда покрывающие поверхность туловы, создавали бесконечный замкнутый узор, оживляющий глиняную гладь стенок. Едва намеченный рельеф в одной линии оттиска, повторенный несколько раз в разных направлениях в одной фигуре, а затем и в цепочке орнаментального ряда, параллельно повторяющиеся и точно

¹¹ Изредка в орнаментальный поясок туловы вписаны знаки (например, «свастика»), однако они не нарушают стройности орнаментального ряда.

расставленные согласно форме сосуда более рельефные ложбинки (на шейке и на плечиках) и дополняющие их полоски из оттисков полуовального или мелкого подтреугольного штампика, образовывали графическую игру света и тени, способствовали органичному слиянию формы сосуда и орнамента. Никогда в исполнении не применяли точные циркульные инструменты, однако в декоративном решении всегда прослеживается четкая соразмерность фигур в общей композиции. Это достигалось, наверно, потому, что в творческий процесс создания сосудов гончар вкладывал все свое воображение, фантазию, свое техническое мастерство, стараясь сделать вещь привлекательной. Он украшал сосуд на первый взгляд сложным узором. Однако все в каждой отдельной композиции построено на простейших равновеликих отрезках, соединенных в различной последовательности, в различных направлениях в сочетании с небольшим разнообразием замкнутых фигур — треугольника, ромба, квадрата. Совершенствуя свое мастерство, андроновский гончар складывал из оттисков замысловатые фигуры геометрического орнамента, определившего художественное содержание целой эпохи в керамическом ремесле. Своебразие многих орнаментальных форм вытекает из характера самой техники.

В целом художественная выразительность керамики андроновского времени была обусловлена развитием и совершенствованием более глубокого понимания пластических качеств исходного материала — глины, конструктивных особенностей формы, достижения самых изначальных принципов декоративности предмета, которые определяются неразрывным единством формы и декора. В керамике андроновского времени ярко проявляется определенное умение гончаров составлять орнаментальные композиции из двух-трех иногда четырех орнаментальных полос, свидетельствующих о первоначальных представлениях мастеров о ритме чередующихся элементов, их масштабном соотношении. Сочетая одинаковые элементы в каждом орнаментальном поясле, дополняя их другими мотивами, определяя их положение и размеры на различных поверхностях соответственно конструктивным особенностям той или иной части сосуда, умело вписывая орнаментальный декор в поверхность сосуда с учетом возможностей технических приемов декорирования, он достигает органичной связи декора с объемной формой. Декор подчеркивает тектонику сосуда. Орнамент вносит спокойствие и ясность в общий образный строй каждого в отдельности сосуда. Лучшие образцы андроновской керамики свидетельствуют о том, что древние гончары достигли определенных успехов в решении задач чисто эстетического плана. Развитие пластики форм, орнаментальности в декоративном убранстве керамики прослеживается на огромной территории распространения андроновской культуры — от Урала до Западных Саян, тазабагъябской, срубной культур. В различных регионах этот процесс обусловлен местной керамической традицией, совокупностью тех или иных приемов декорирования, своеобразием орнаментальных мотивов. Общность развития всех этих качеств — результат единства художественного содержания эпохи бронзы в степных районах Евразии.

Принципы декоративности андроновской керамики нашли широкое

развитие в более позднее время, например, в керамике бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Более глубокое понимание пластических особенностей исходного материала, связанное с внедрением новых технических приемов изготовления, способствовало появлению совершенно новых качеств в формообразовании. В декоративном убранстве керамики произошли значительные изменения, обусловленные внедрением новых технических приемов декора и новым пониманием композиционного решения, основанного на более сложном, сетчатом, построении орнаментальных схем.

Одним из несомненных завоеваний андроновских керамистов было выявление декоративной функции керамики, развитие разнообразных орнаментальных композиций, которые нашли широкое применение в тех или иных видах декоративно-прикладного искусства многих степных народов на протяжении трех тысячелетий и дожили до сегодняшнего дня.

КАМЕННЫЕ СКУЛЬПТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ ПРИИРТЫШЬЯ

Предлагаемая статья посвящена публикации новой серии древних скульптур из музеев Омска, Павлодара и Семипалатинска, состоящей из девятнадцати экземпляров. К сожалению, сведений о времени, обстоятельствах и месте находки большинства из них не имеется. Три изваяния, ныне утраченных, воспроизводятся по фотографиям и рисункам 1955 г., одно — по данным Центрально-Казахстанской археологической экспедиции ИИАЭ АН КазССР 1974 г. Все фигуры выполнены из серого различных оттенков крупнозернистого гранита. По стилю изображения их можно разделить на три типа.

К первому относятся шесть изваяний, подвергнутых относительно тщательной отделке, иногда приближенных к круглой скульптуре. Из них три статуи изображают человека в положении стоя (рис. 1, 3, 4, 6), две — в положении сидя, с подогнутыми под себя скрещенными ногами (рис. 1, 2, 5). Положение одного изваяния (рис. 1, 1) не установлено: утрачена нижняя часть. В правой руке каждой фигуры на уровне груди изображен сосуд, левая опущена и «сжимает» рукоять сабли. Лицо, руки реалии выполнены в технике барельефа, однако ноги очерчены линейным контуром (рис. 1, 2, 5). Орудием производства на завершающей стадии обработки служил, по-видимому, какой-то заостренный круглый в сечении инструмент, о чем свидетельствует преимущественно точечная конфигурация сколов. Следы обработки в значительной степени сглажены последующей подшлифовкой поверхности статуй, а также длительным воздействием природы.

Изваяния первой группы достаточно выразительны, что достигнуто уже самой позой скульптуры, ее композицией. Большое значение имеют пропорции тела. Голова всегда увеличена по отношению к туловищу. Вместе с тем почти все статуи производят впечатление относительной

легкости абриса за счет вытянутого силуэта и довольно высокой посадки головы, когда линия подбородка не опускается ниже уровня плеч (рис. 1, 1, 3—6).

Особое внимание уделено изображению лица. Его детали разработаны весьма подробно. Лишь на одном изваянии черты лица не сохранились (рис. 1, 4). Глаза даны четкими выпуклыми овалами, в середине иногда прочерчены зрачки (рис. 1, 1, 2, 3, 5). Изогнутые брови и расширяющийся нос высечены одним рельефом. Только в одном случае валик бровей не показан, а рельеф носа отходит непосредственно от лба (рис. 1, 5). Углубления вокруг глаз и носа подчеркивают «мясистые» щеки. Рот обозначен узкой бороздкой, ограниченной валиком, за исключением одного изваяния, на котором рот не изображен, а как бы подразумевается под слегка изогнутыми усами (рис. 1, 5). Усы, четко видимые на пяти статуях (рис. 1, 1—3, 5, 6), исполнены одним приемом — валиком, но форма их различна: м-образные (рис. 1, 1, 5); подковообразные (рис. 1, 3); прямые с загнутыми вверх концами (рис. 1, 2); прямые остроконечные (рис. 1, 6). Борода имеется на двух изваяниях. На одном она исполнена в виде узкого равнобедренного треугольника вершиной вниз (рис. 1, 1), на другом — овальным бугорком на подбородке (рис. 1, 6). Уши высечены в форме выпуклой скобы (рис. 1, 2, 3, 5, 6) или знака вопроса (рис. 1, 1).

Таким образом, представленные скульптуры едины как по стилю, так и по композиции. Вместе с тем техника барельефа, в которой исполнены лицо, руки реалии, иногда включает в себя элементы гравирования (зрачки, контуры ног, полы кафтанов). Пять из них безусловно мужские; очевидно, мужским является и шестое изваяние, судя по наличию оружия и характерному низкому головному убору с уплощенным верхом (рис. 1, 1).

Особая форма воротников (рис. 1, 1—5) и «отороченные мехом» рукава (рис. 1, 3, 6) говорят о том, что изображенные одеты в шубы. Аналогичный покрой зафиксирован на статуях VII—VIII вв. Верхнего Прииртышья¹. Весьма показательной является прорисовка правой полы, запахнутой поверх левой (рис. 1, 1, 3). Это соответствует покрою одежды тюрка-тугуя на изображении, обнаруженному в Северной Монголии².

Головной убор с плоским верхом (рис. 1, 4) также имеет сходство с головными уборами, воспроизведенными на статуях Восточного Казахстана³. На двух скульптурах угадываются обобщенные контуры подпрямоугольных невысоких шапок (рис. 1, 2, 3). Три изваяния (рис. 1, 1, 5, 6) изображены без головного убора, с волосами,ложенными на прямой пробор. На спине одного обозначены семь прядей, спускающихся

¹ Арсланова Ф. Х., Чариков А. А. Каменные изваяния Верхнего Прииртышья. — СА, 1974, № 3, с. 222, рис. 2, 6—8; Чариков А. А. Раннесредневековые скульптуры из Восточного Казахстана. — СА, 1976, № 4, с. 154, рис. 2, 4—6.

² Liu-Mautsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-kue), Bd. I. Wiesbaden, 1958, s. 469, abb. 2.

³ Арсланова Ф. Х., Чариков А. А. Каменные изваяния Верхнего Прииртышья. с. 121, рис. 1, 2, 4, 5.

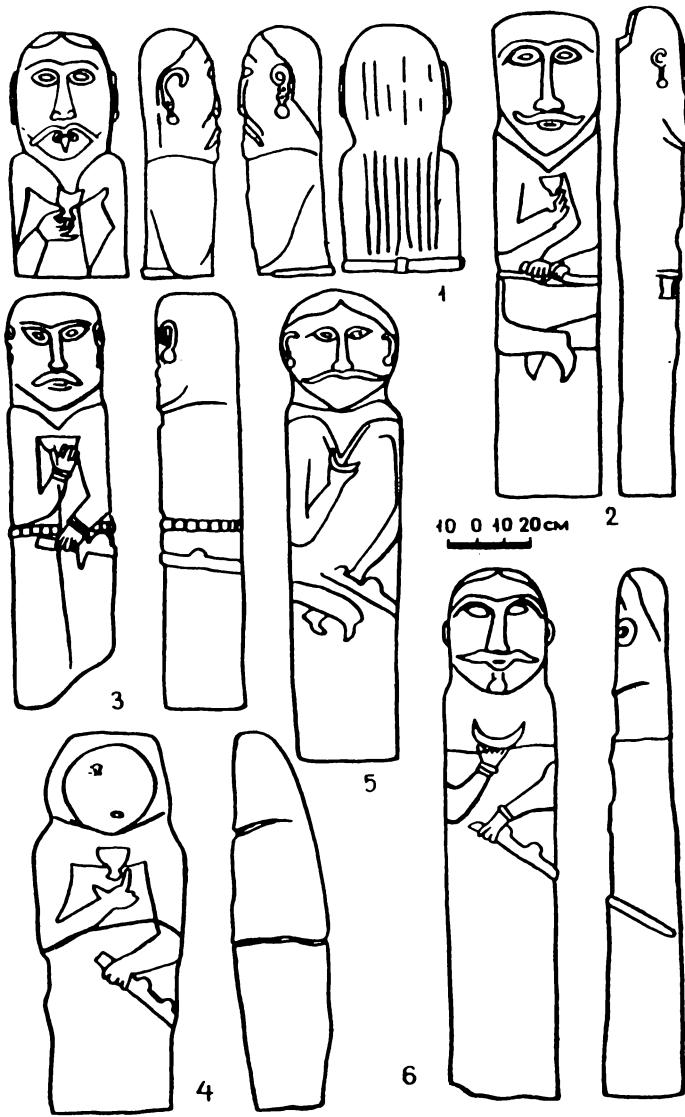
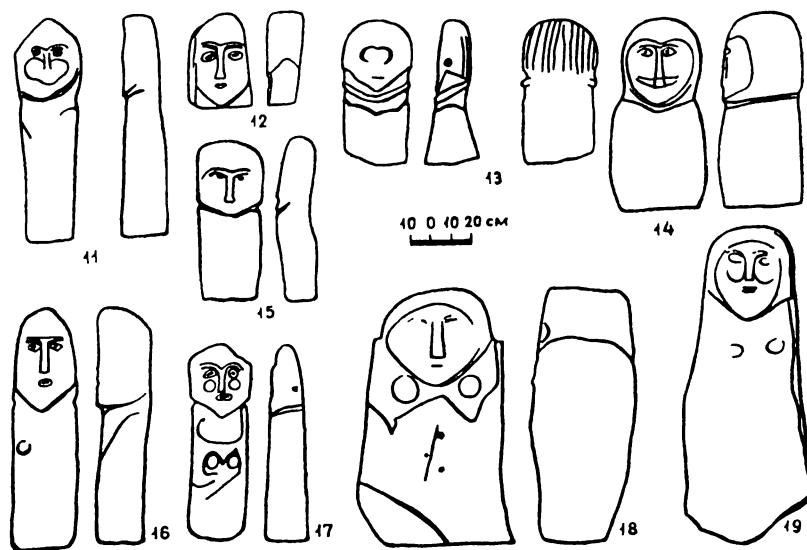
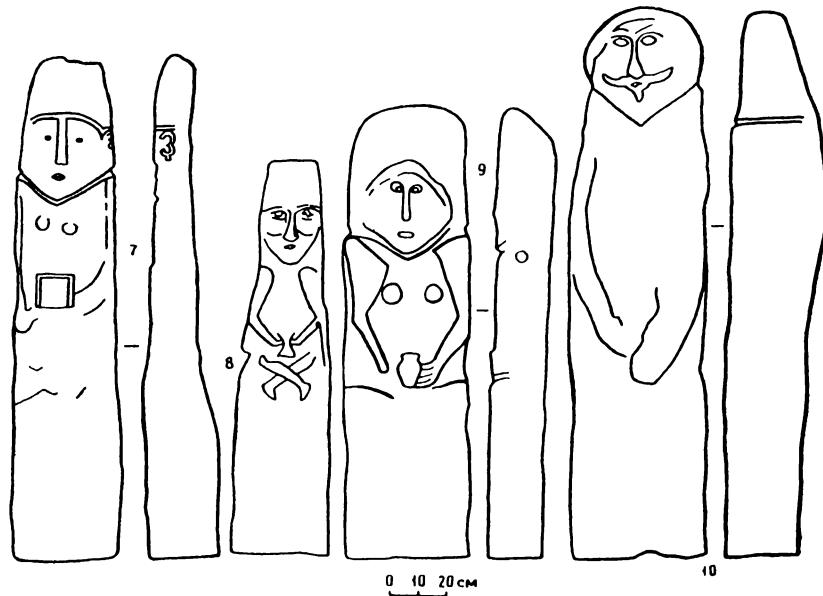

Рис. 1. Каменные скульптуры: 1 — из Семипалатинского областного краеведческого музея; 2, 3, 4, 5, 6 — из Омского областного краеведческого музея; 7, 8, 11, 13, 14, 18 — из уральских коллекций.

зя; 2, 7, 9, 10, 12, 15—из Павлодарского областного краеведческого музея; 3—6, Тагибай-булак Павлодарской области; 19—из Павлодарской области

от затылка к поясу. Варианты подобной прически встречены на скульптурах VII—VIII вв. Восточного Казахстана⁴, Киргизии и Семиречья⁵.

Оружие изображено на пяти фигурах. Это сабли изогнутые, со скосенной в сторону лезвия рукоятью (рис. 1, 2, 6) или прямые (рис. 1, 3—5) с прямоугольным (рис. 1, 2—4) или слегка закругленным навершием и односторонним выступом (рис. 1, 5, 6). Одна сабля имеет S-образное перекрестье (рис. 1, 2), другая — прямое, остроконечное (рис. 1, 3). На ножках воспроизведены по две бляхи-обоймы в виде полуволовалов для подвешивания к поясу.

Сабли с аналогичными перекрестьями и обоймами имеются на статуях VI—VIII вв. Монголии⁶ и Тувы⁷. Навершия с односторонним выступом изображено на тувинском изваянии⁸, а прямоугольные навершия зафиксированы на многих статуях VI—VIII вв. Семиречья⁹.

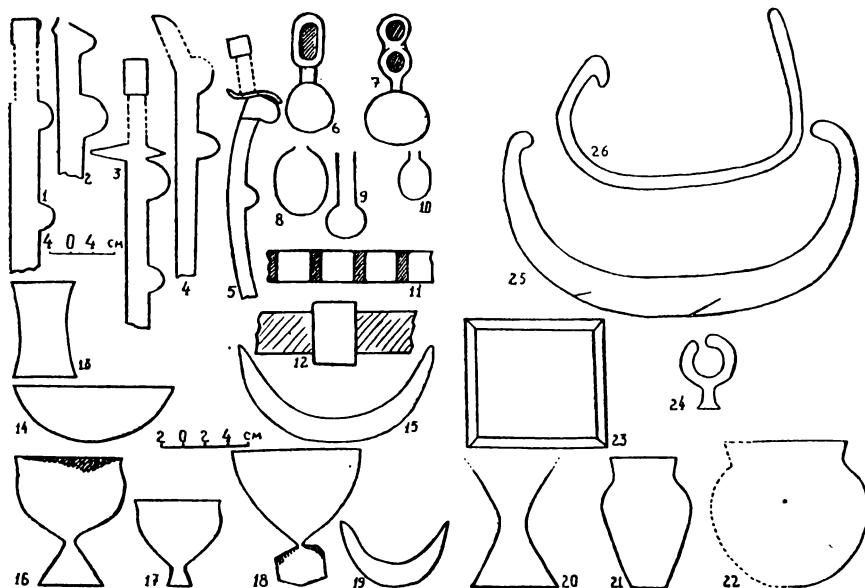

Рис. 2. Вещи, изображенные на каменных изваяниях. 1—5 — сабли, 6—10 — серьги, 11, 12 — фрагмент пояса с бляхой, 13 — сумка, 14—19 — сосуды; 2-я группа: 20—23 — сосуды, 27 — серьга; 3-я группа: 25, 26 — грифы

Пояса воспроизведены на трех скульптурах, но достаточно четко — лишь на одной (рис. 1, 3). Он состоит из сплошного ряда квадратных

⁴ Там же, с. 222, рис. 2, 8.

⁵ Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М.—Л., 1966, табл. IV, 19; VI, 26.

⁶ Евтухова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. — МИА, 1952, № 24, с. 97, рис. 46, 1, 3.

⁷ Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961, табл. I, 1, 12, 13, 22.

⁸ Там же, табл. I, 18.

⁹ Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья, табл. I, 2; II, 8; III, 15, 16; IV, 19; XI, 47.

декоративных блях. Подобные пояса известны по статуям Восточного Казахстана¹⁰, Тувы¹¹, Алтая и Монголии¹² (VI—VIII вв.). Другие пояса изображены в виде узкого валика (рис. 1, 1, 2). В одном случае пояс сохранился не полностью (рис. 1, 1), сзади на нем высечена прямоугольная декоративная бляха. С правой стороны изваяния 2 к поясу «подвешена» подпрямоугольная (с перехватом в середине) сумка (рис. 1, 2). Близкая по очертаниям сумка воспроизведена на статуе из Зайсанского района Восточно-Казахстанской области (VII—VIII вв. н. э.)¹³.

Серьги представлены трех видов: кольчатая петля с подвесным шариком на коротком стержне, причем в одном случае петля имеет форму восьмерки (рис. 2, 6, 7); шарик на длинном стержне (рис. 2, 9); шарик, примыкающий непосредственно к уху (рис. 2, 8, 10). Шаровидная серьга встречена на древнетюркских изваяниях Восточного Казахстана и Алтая¹⁴. Первый вид воспроизведен на древних скульптурах Киргизии¹⁵. Что касается шарика на длинном стержне, то подобные формы зафиксированы в раннесредневековых памятниках Алтая, Тувы, Прииртышья¹⁶. Но в некоторых случаях верхняя часть серьги — скоба не воспроизведена на изваяниях, ее как бы заменяет контур уха, например на скульптуре из Павлодарской области (рис. 1, 5).

Сосуды изображены на всех изваяниях. Они подразделяются на два основных типа. Первый представлен кубками на ножке, слегка расширяющейся книзу (рис. 2, 16, 17). Такая форма напоминает глиняные сосуды из курганов «с усами» Восточного Казахстана (III—V вв. н. э.)¹⁷, она известна по каменным изваяниям Тувы (VI—VIII вв.)¹⁸ и Семиречья (VI—VIII вв.)¹⁹. Ко второму типу относятся невысокие пиалообразные чаши с округлым дном (рис. 2, 14, 15, 19). Характерно, что две из них имеют форму полумесяца. Различные варианты данного типа по-

¹⁰ Там же, табл. I, 4, 5.

¹¹ Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы, табл. I, 1, 2, 5, 8, 10, 12, 13, 19, 24; Кызыласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969, с. 80, рис. 26.

¹² Евтухова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, с. 74, рис. 3, 1, 3; с. 97, рис. 45, 1; с. 98, рис. 47, 1; с. 100, рис. 49, 2.

¹³ Арсланова Ф. Х., Чариков А. А. Каменные изваяния Верхнего Прииртышья, с. 222, рис. 2, 8; с. 226, рис. 4.

¹⁴ Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья, табл. I, 1; Арсланова Ф. Х., Чариков А. А. Каменные изваяния Верхнего Прииртышья, с. 222, рис. 2, 6; с. 227, рис. 5, 11; Евтухова Л. А. Каменные изваяния Сибири и Монголии, с. 106, рис. 62, 8, 9.

¹⁵ Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья, табл. XIV, 57; XVII, 72, 73.

¹⁶ Евтухова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, с. 106, рис. 62, 4—6; Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы, табл. I, 19; Кызыласов Л. Р. История Тувы..., с. 27, рис. 2, 1; Арсланова Ф. Х., Кляшторный С. Г. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья. — В кн.: Тюркологический сборник. 1972 г. М., 1973, с. 307, табл. I, 4.

¹⁷ Арсланова Ф. Х. Курганы «с усами» Восточного Казахстана. — В кн.: Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975, с. 127, табл. II, 4, 8, 9.

¹⁸ Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы, с. 2, рис. 3, 1.

¹⁹ Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья, табл. I, 2; III, 16; VII, 34; IX, 41; X, 45, 46; XI, 50; XV, 62; XVI, 75.

суды изображены на изваяниях Казахстана²⁰, Алтая²¹, Тувы²². Подобной формы глиняные чаши (миски) широко бытовали еще у усуней Семиречья²³.

Итак, сравнение изображенных на статуях предметов и одежды с материалами из соседних областей свидетельствует о синхронности прииртышских изваяний первого типа и древнетюркских скульптур Алтая, Тувы, Южной Сибири, Семиречья, что позволяет датировать весь комплекс VII—VIII вв. н. э.

Второй тип составляют четыре изваяния в положении стоя (рис. 1, 7, 9, 10) и сидя (рис. 1, 8) с сосудом в опущенных руках. Одна фигура явно мужская (рис. 1, 10), две — женские (рис. 1, 7, 9) и одна неопределенного пола, но, судя по характерному высокому головному убору и безусому лицу, она также является женской. Техника обработки, сочетающая барельеф и гравирование, не отличается существенно от той, которая применялась при отделке изваяний первой группы. Легкая подшлифовка лицевой поверхности замедлила в какой-то степени разрушительное действие атмосферных явлений. Вместе с тем отдельные статуи носят следы значительных утрат (рис. 1, 7, 8, 10).

Изобразительные приемы в основном сохраняются те же, что и для изваяний первого типа, особенно при трактовке единого рельефа бровей и носа (рис. 1, 7, 8), усов, рта и бороды (рис. 1, 10). Новым является прием изображения глаз (рис. 1, 7) или зрачков (рис. 1, 9) — в виде округлых ямок вместо выпуклых рельефов. В одном случае (рис. 1, 8) овальные углубления глаз ограничены валиком. Как и прежде, большое внимание уделено отделке лица, очевидно, с целью придания портретного сходства. Голова почти не выделена из плеч, однако обобщенный силуэт содержит в себе элементы индивидуальных особенностей человека (скулость, прогиб спины), переданные достаточно выразительно (рис. 1, 7, 10). Для женских фигур характерно наличие высоких подпрямоугольных головных уборов. Признаки пола: грудь (рис. 1, 7, 9), контуры бедер (рис. 1, 9) — воспроизведены условно. К изобразительным особенностям памятников второго типа следует отнести и прием выделения лица двумя прямыми углубленными линиями, образующими очертания подбородка (рис. 1, 7, 10). Такой прием зафиксирован на поздних прииртышских статуях²⁴.

К датирующим признакам относится прежде всего сама поза скульптур, появляющаяся не ранее IX в. н. э., а также изображенные предметы:

²⁰ Там же, табл. II, 12; XIV, 56, 57, 60; Арсланова Ф. Х., Чариков А. А. Каменные изваяния Верхнего Прииртышья, с. 222, рис. 2, 7; Маргулан А. Х. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане. — Известия АН КазССР, № 108, вып. 3. Алма-Ата, 1951, с. 29, рис. 18; Кызласов Л. Р. Памятники поздних кочевников Центрального Казахстана. — Там же, с. 57, рис. 3; с. 61, рис. 5.

²¹ Евтихова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, с. 119, рис. 71, 4.

²² Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы, табл. I, 24; Кызласов Л. Р. История Тувы..., с. 28, рис. 3, 5.

²³ Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963, табл. IV, 1—8; V, 1—3.

²⁴ Арсланова Ф. Х., Чариков А. А. Каменные изваяния Верхнего Прииртышья, с. 227, рис. 5, 12; 6, 17, 21.

сосуды и серьга. Серьга представляет собой продетое в ухо несомкнутое кольцо с отходящим книзу коротким стержнем (рис. 2, 24). Подобный тип имеется как на древнетюркских изваяниях²⁵, так и на половецких каменных бабах²⁶.

Сосуды можно разделить на три типа. Первый представлен банкой с прямыми стенками и плоским дном (рис. 2, 23). Эта форма зафиксирована на половецких скульптурах²⁷. Другой тип — кубок с нечеткими очертаниями на высоком поддоне (рис. 2, 20). Аналогичные сосуды можно найти на статуях Семиречья (VIII—IX вв.)²⁸ и Приднепровья (X—XII вв.)²⁹. К третьему типу относится вытянутый кувшиновидный (без ручки) сосуд с плоским дном и широким горлом (рис. 2, 21). Подобные сосуды изображены на скульптурах Семиречья (VIII—IX вв.)³⁰, Тузы³¹, южнорусских степей³². На одном изваянии (рис. 2, 22) различаются весьма нечеткие контуры горшка (?) с округлым дном, напоминающего сосуды из курганов Павлодарского Прииртышья, датируемые VIII—Х вв. н. э.³³

Принимая во внимание отмеченные аналогии, а также позу и пол³⁴ изображенных, статуи второго типа следует датировать IX—XI вв. н. э., т. е. временем постепенного продвижения кимакско-кипчакских племен из районов Прииртышья к югу и западу. Эта датировка подтверждается еще и тем, что сначала в южнорусских степях появились скульптуры «восточного» типа, исполненные в стиле и технике, весьма близких к рассматриваемой группе³⁵.

В третий тип выделены девять стеловидных фигур. Отличительной особенностью является отсутствие на статуях рук, ног, сосудов, оружия. Только на одном изваянии (рис. 1, 17) намечены незавершенные контуры рук. Безусловно женскими можно считать пять статуй (рис. 1, 11, 16—19), мужской — одну (рис. 1, 14). Судя по островерхим головным уборам и безусым лицам, к женским, возможно, относятся еще две скульптуры (рис. 1, 12, 15). Один образец (рис. 1, 13) — неопределенного пола, но распущенные прямыми прядями волосы на затылке харак-

²⁵ Евтиюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, с. 82, рис. 18; с. 83, рис. 19; Кызласов Л. Р. История Тузы..., с. 28, рис. 3, 2, 4; Арсланова Ф. Х., Чариков А. А. Каменные изваяния Верхнего Прииртышья, с. 221, рис. 1, 1.

²⁶ Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния. — САИ, Е-4—2, М., 1974, табл. 25, 153; 78, 1285; 81, 1291.

²⁷ Там же, табл. 9, 34; 14, 55.

²⁸ Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья, табл. X, 45; XXV, 122.

²⁹ Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния, табл. 4, 12; 57, 1078.

³⁰ Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья, табл. XXIX, 144.

³¹ Евтиюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, с. 86, рис. 23, 40.

³² Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния, табл. 10, 35; 15, 53; 55, 1065; 64, 1148; 72, 1236.

³³ Арсланова Ф. Х. Бобровский могильник. — Известия АН КазССР, вып. 4. Алматы, 1963, с. 79, табл. III, 1.

³⁴ Существует мнение, что женские изваяния появляются с X века. (См.: Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния, с. 70).

³⁵ Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния, с. 69—70.

терны для мужских статуй³⁶. Данный тип изваяний сближает также весьма обобщенный силуэт, отсутствие натуралистических деталей в одежде, относительная легкость абриса, достигнутая за счет высокой посадки головы на длиной шее (рис. 1, 17, 19). Лишь одна скульптура исполнена без шеи (рис. 1, 18).

При внимательном рассмотрении становится очевидным, что прием изображения глаз и рта в виде углублений, ограниченных валиком (рис. 1, 11, 12, 16, 17), зафиксированный ранее лишь на одном образце (рис. 1, 8), получил дальнейшее развитие. Этот прием известен по поздним памятникам Верхнего Прииртышья³⁷, Таласской долины³⁸, Тувы³⁹. Новым является и присм стилизации деталей лица (рис. 1, 13) — в виде плавного углубления плоскости подо лбом, без изображения глаз и носа. Надо полагать, что такая трактовка связана с началом развития безликих стелообразных статуй⁴⁰. При воспроизведении глаз использовалась также техника гравирования (рис. 1, 14, 16, 19). На двух скульптурах отчетливо обозначены зрачки (рис. 1, 14, 16). К разряду «зрячих» относятся еще несколько статуй (рис. 1, 11, 12, 15, 17). В одном случае глаза даны в виде овальных углублений, не ограниченных валиком (рис. 1, 15). Прием передачи бровей и носа одним рельефом, отмеченный ранее на изваяниях второго и особенно первого типов, сохранился и на некоторых скульптурах третьего типа (рис. 1, 12, 15, 17). Округлыми плоскими выпуклостями показаны стилизованные румяна (рис. 1, 11, 17, 19) и груди (рис. 1, 16—19) на женских статуях, что характерно для многих женских фигур Прииртышья⁴¹, Семиречья⁴², Поволжья и Подонья⁴³, датируемых от IX до XIII вв. н. э.

Следующим характерным изобразительным приемом является выделение лица круглым (рис. 1, 18, 19) и сердцевидным (рис. 1, 14) контуром. Такой прием зафиксирован на некоторых поздних прииртышских⁴⁴ и семиреченских⁴⁵ статуях, встречается в памятниках Тувы⁴⁶,

³⁶ Арсланова Ф. Х., Чариков А. А. Каменные изваяния Верхнего Прииртышья, с. 221, рис. 1, 3; с. 222, рис. 2, 6; Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья, табл. VI, 26.

³⁷ Арсланова Ф. Х., Чариков А. А. Каменные изваяния Верхнего Прииртышья, с. 227, рис. 5, 12, 15; с. 230, рис. 8.

³⁸ Хранятся в Джамбулском областном краеведческом музее, инв. № КП-3586/І-6.

³⁹ Евтиюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, с. 91, рис. 32; Кызласов Л. Р. История Тувы..., с. 81, рис. 27, 1, 2.

⁴⁰ Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния, с. 69.

⁴¹ Арсланова Ф. Х., Чариков А. А. Каменные изваяния Верхнего Прииртышья, с. 227, рис. 5, 15; с. 230, рис. 8б; Чариков А. А. Раннесредневековые скульптуры..., с. 158; рис. 6, 8, 9.

⁴² Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья, табл. XXIV, 115; XXV, 121—123; XXVI, 124—127, 129; XXVII, 134; XXVIII, 141; XXIX, 144.

⁴³ Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния, табл. 30, 265, 266; 31, 276; 73, 1251.

⁴⁴ Арсланова Ф. Х., Чариков А. А. Каменные изваяния Верхнего Прииртышья, с. 227, рис. 5, 13—15; с. 230, рис. 8б; Чариков А. А. Раннесредневековые скульптуры, с. 158, рис. 7, 10, 12.

⁴⁵ Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья, табл. XX, 87; XXI, 92, 97; XXII, 100, XXIII, 108.

⁴⁶ Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы, табл. I, 26; II, 55, 58.

Южной России⁴⁷. Он применялся и при создании изваяний второго типа (рис. 2, 8—10).

Все изваяния, вероятно, портретны. Подтверждением этому служит неповторимость воспроизведенных лиц и фигур, «непохожесть» статуй. Сходство достигалось за счет выделения главных, заметных качеств изображаемого человека. При этом учитывался не только пол, возраст, физические особенности конкретного лица, но в какой-то степени его характер и душевный настрой. Каноны композиции диктовали древним художникам стиль изображения, вынуждая их прибегать к гротеску (рис. 1, 18 — фигура полной коренастой женщины), упрощениям (рис. 1, 13 — почти полное отсутствие лица) или символике (рис. 1, 11, 17, 19 — изображение румян в виде округлых выпуклостей). Отсутствие сосуда и оружия, являющихся обязательной принадлежностью изваяний двух предшествующих групп, позволило исключить из общей композиции руки как деталь, не имеющую смысловой нагрузки.

Датировка изваяний третьей группы затруднена из-за недостатка традиционных датирующих признаков. Только на двух памятниках изображены украшения — гравни. Одна из них, гладкая, охватывающая шею спереди и с боков, показана выпуклым валиком (рис. 2, 25). Подобная гравна воспроизведена на мужской статуе, найденной в окрестностях оз. Иссык-Куль⁴⁸, на многих половецких скульптурах⁴⁹. Различие заключается лишь в способе ношения этого украшения — не на шее, как на прииртышском образце, а на груди. Другая гравна обозначена в виде большой петлевонечной скобы, прочерченной узкой бороздкой в верхней части груди (рис. 2, 26). Аналогичные по форме изображения во множестве имеются на поздних статуях Семиречья и южнорусских степей, хотя и отличаются по технике исполнения (выпуклый рельеф). Надо сказать, что петлевонечные гладкие гравни имели распространение среди населения Прииртышья⁵⁰ и Верхней Оби⁵¹ еще в III—V вв. н. э.

Детали одежды: вырез воротника (рис. 1, 13), контуры рубахи (рис. 1, 18), обозначенные на отдельных изваяниях, не дают полного представления о покрове верхнего платья изображенных людей. На женских статуях различаются высокие островерхие (рис. 1, 11, 12, 16, 17) головные уборы и уплощенные (рис. 1, 18, 19) покрывала, разнообразные варианты которых известны по поздним скульптурам Верхнего Прииртышья⁵², Семиречья⁵³, Южной Руси⁵⁴. Близкие по форме женские го-

⁴⁷ Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния, табл. 31, 276; 73, 1251.

⁴⁸ Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья, табл. VII, 74.

⁴⁹ Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния, с. 45, 49, табл. 11.

⁵⁰ Арсланова Ф. Х. Курганы «с усами»..., с. 123, табл. I, 12.

⁵¹ Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби. — М.—Л., 1956, № 48, табл. XV, 20.

⁵² Арсланова Ф. Х., Чариков А. А. Каменные изваяния Верхнего Прииртышья, с. 227, рис. 5, 12, 13; с. 228, рис. 6, 19, 20; Чариков А. А. Раннесредневековые скульптуры..., с. 158, рис. 6, 8, 9; 7, 10.

⁵³ Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья, табл. XIX, 83; XXI, 96; XX, 87.

⁵⁴ Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния, табл. 6, 30; 9, 34; 21, 138; 22, 143; 31, 276; 42, 353; 73, 1251.

ловные уборы до недавнего времени бытовали у казахов⁵⁵, а также у мордвы, впитавшей еще в древности много элементов костюма соседних тюркоязычных племен (авар, половцев, кипчаков), заходивших «нередко в лесостепные районы Восточно-Европейской равнинны»⁵⁶. На мужских обращает на себя внимание головной убор (рис. 1, 14), напоминающий боевые шлемы, обозначенные на кимакско-кипчакских⁵⁷ и половецких⁵⁸ изваяниях.

Сходство отдельных элементов одежды и украшений, а также композиционное и стилевое единство преимущественно с поздними статуями из других областей позволяют отнести изваяния третьего типа к XI—XII или даже к XI—XIII вв. н. э. Такую датировку косвенно оправдывает и отмеченная тенденция закономерного развития прииртышских скульптур от древнетюркских статуй к стеловидным фигурам⁵⁹.

Итак, рассмотренные три типа изваяний отличаются между собой не только по стилю, но и по времени. Первый тип датируется VII—IX, второй — IX—XI, третий — XI—XIII вв. н. э. В настоящее время трудно дать более четкую хронологическую классификацию из-за недостатка фактического материала. По-видимому, это дело будущего. В данный момент важно наметить общие закономерности развития монументальной скульптуры для казахстанского Прииртышья. Очевидно, поза фигур прочно связана с атрибуцией памятников и в данном случае является одним из существенных датирующих признаков. Наличие и отсутствие тех или иных предметов на изваяниях определялось скорее всего степенью смысловой нагрузки, постепенно изменяющейся под воздействием новых экономических, политических и идеологических факторов.

Изваяния первого типа, очевидно, оставлены племенами, входившими в состав Западно-Тюркского каганата. Памятники второго и третьего типов являются изображениями кимаков и кипчаков⁶⁰. Разнообразие форм головных уборов свидетельствует о неоднородности населения Прииртышья по этническим, социальным и возрастным показателям⁶¹.

В идеологическом отношении все изваяния, вероятно, связаны с культом предков. Применительно к прииртышским статуям скульптурное изображение следует рассматривать как портрет умершего и обожествленного вождя, знатного воина, матери — покровительницы рода.

⁵⁵ Захарова И. В., Ходжаева Р. Д. Казахская национальная одежда (XIX — начало XX века). Алма-Ата, 1964, с. 66, рис. 13, 3; с. 113, рис. 33; с. 120, рис. 35; с. 127, рис. 37.

⁵⁶ Белицер В. Н. Народная одежда мордвы. М., 1973, с. 166, рис. 1—3, 10; с. 167, 189.

⁵⁷ Арсланова Ф. Х., Чариков А. А. Каменные изваяния Верхнего Прииртышья, с. 227, рис. 5, 14, 16; Чариков А. А. Раннесредневековые скульптуры..., с. 158, рис. 7, 12.

⁵⁸ Спицын А. С. Некоторые новые приобретения Саратовского музея. — ИАК, вып. 53. Петроград, 1914, с. 106, рис. 38; Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния, табл. 73, 1255; 81, 1293.

⁵⁹ Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния, с. 70.

⁶⁰ Арсланова Ф. Х., Чариков А. А. Каменные изваяния Верхнего Прииртышья, с. 227, 233—234.

⁶¹ Сухарева О. А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии. — В кн.: Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. 1. Труды ИЭ АН СССР. Современная серия, XXI. М., 1954, с. 300; Белицер В. Н. Народная одежда мордвы, с. 147.

КОСТИ ЖИВОТНЫХ ИЗ ДВУХ ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ БРОНЗЫ В СЕВЕРНОМ КАЗАХСТАНЕ

Начиная с 1966 г. Северо-Казахстанской археологической экспедицией проводились исследования памятников эпохи бронзы в Северном Казахстане. Наиболее изучены поселения Новоникольское I и Петровка II на р. Ишим¹. За 1971, 1976 и 1977 гг. на этих поселениях

Таблица 1
**Видовой состав костных остатков из поселения
Новоникольское I**

Вид	Коли-чество костей	%	Коли-чество особей	%
Крупный рогатый скот	1907	55,44	56	37,36
Мелкий рогатый скот	895	26,01	54	36,00
Лошадь	602	17,50	29	19,32
Собака	20	0,66	4	2,66
Кулан	3	0,09	1	0,67
Қабан	5	0,15	2	1,33
Сайга	1	0,03	1	0,67
Лось	5	0,15	1	0,67
Бобр	1	0,03	1	0,67
Заяц	1	0,03	1	0,67
Всего	3440	100%	150	100%

собрано значительное количество костей домашних и диких животных, которые сосредоточены в фондах Челябинского университета и Петро-

¹ Зданович Г. Б. Стратиграфия поселения Новоникольское I. — В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973, с. 113; Он же. Поселение эпохи бронзы Новоникольское I. — В кн.: Из истории Сибири. Вып. 15. Томск, 1974; Зданович Г. Б., Зайберт В. Ф. Работы в Северном Казахстане. — В кн.: Археологические открытия 1971 г. М., 1972.

павловского областного краеведческого музея. Всего из двух поселений определено 6159 костей домашних животных и 45 диких млекопитающих.

Поселение Новоникольское I расположено на первой надпойменной террасе левого берега реки Ишим, в 56 км к югу от г. Петропавловска. При раскопках данного поселения и близлежащих курганов было собрано 3424 определимые кости домашних животных и 16 костей диких млекопитающих (табл. 1).

Поселение Петровка II также находится на первой надпойменной террасе левого берега реки Ишим, в 90 км к югу от г. Петропавловска. Здесь собрано 2735 определимых костей домашних и 29 костей диких животных (табл. 2).

Таблица 2

Видовой состав костных остатков из поселения Петровка II

Вид	Коли-чество костей	%	Коли-чество особей	%
Крупный рогатый скот	1265	45,77	51	42,50
Мелкий рогатый скот	748	27,07	46	38,33
Лошадь	702	25,38	17	14,17
Собака	20	0,72	1	0,83
Бобр	1	0,04	1	0,83
Лось	3	0,12	1	0,83
Кабан	25	0,90	3	2,50
Всего.	2764	100%	120	100%

Как видно из таблиц 1 и 2, на поселении Новоникольское I 99,52% костей принадлежит домашним животным и только 0,48% — диким, а на поселении Петровка II — соответственно 98,95 и 1,05%.

Домашние животные

Крупный рогатый скот. На поселении Новоникольское I кости этого вида животного составляют больше половины всех костных остатков. Материал плохой сохранности и представлен в основном таранными, пяточными костями, дистальными и проксимальными концами плечевой, берцовой и лучевой костей. Целые черепа отсутствуют, верхние и нижние челюсти представлены большей частью фрагментарно. Много выпавших из альвеол отдельных зубов, первых и вторых фаланг пальцев, позвонков и обломков ребер. Количество лопаточных и тазовых костей мало.

Костные остатки принадлежали как молодым животным, что установлено по отсутствию верхних или нижних эпифизов на некоторых костях конечностей и наличию большого числа молочных зубов, так и старым особям. Последнее подтверждается сильно стертными коронками на отдельных зубах. По целым нижним челюстям с полным рядом коренных зубов и отдельным их фрагментам установлен возрастной состав крупного рогатого скота из данного поселения (табл. 3).

На поселении Петровка II кости крупного рогатого скота также численно превышают остеологические остатки других видов домашних животных. И по числу установленных особей этот вид в костных остатках преобладает.

Таблица 3

Возрастной состав крупного рогатого скота из поселения Новоникольское I*

Состояние системы коренных зубов нижней челюсти	Возраст животного, мес.	Кол-во челюстей	%
M_1 отсутствует	до 6	3	6,5
M_1 есть, отсутствует M_2	6—18	8	17,3
M_2 , есть, отсутствует M_3	18—28	27	58,4
M_3 есть	старше 28	2	4,3
Pm_3 постоянный	старше 34	6	13,2

* Возраст по состоянию зубной системы здесь и далее определяется согласно кн.: Цалкин В. И. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. М., 1966, с. 8, 18.

В составе костей нет ни одного целого черепа, имеются только небольшие фрагменты мозговой части и верхних челюстей. Нижние челюсти, которых несколько больше, тоже сильно повреждены, и поэтому не все их признаки доступны для измерения. Много отдельных зубов (коренных и резцов) верхней и нижней челюсти, позвонков, костей запястья и предплечья, таранных и фаланг пальцев, особенно первых. Пригодными для измерения оказались только некоторые хорошо сохранившиеся экземпляры длинных трубчатых костей и их фрагменты, а также пяточные, таранные кости и большие фаланги. Возрастной состав крупного рогатого скота установлен по 57 нижним челюстям (табл. 4).

Таблица 4

Возрастной состав крупного рогатого скота из поселения Петровка II

Состояние системы коренных зубов нижней челюсти	Возраст животного, мес.	Кол-во челюстей	%
M_1 отсутствует	до 6	1	1,9
M_1 есть, отсутствует M_2	6—18	15	26,5
M_2 есть, отсутствует M_3	18—28	6	10,7
M_3 есть	старше 28	23	40,6
Pm_3 постоянный	старше 34	12	20,3

Как видно из таблицы 4, особи в возрасте полутора лет и старше на этом поселении составляют 60%. Сравним остеометрические данные крупного рогатого скота из поселений Новоникольское I и Петровка II (табл. 5).

Как видно из таблицы 5, предельные и средние значения промеров костей по многим признакам оказались для этих поселений близкими. Статистические расчеты показывают, что небольшие различия в средних

ного скота из поселений Новоника II

<i>n</i>	Lim	M	$\pm m$
7	128,0—160,0*	146,29	—
8	140,0—155,0	148,13	2,25
8	85,0—100,0	91,13	—
11	83,0—98,0	90,09	1,36
8	35,0—40,0	37,45	—
29	31,0—40,5	37,29	1,13
8	13,0—16,0	14,38	—
29	12,0—17,5	14,31	0,72
3	296,0—355,0	—	—
—	—	—	—
20	70,0—102,0	80,05	1,98
18	68,5—100,0	83,16	2,24
4	265,0—358,0	297,75	—
4	303,0—310,0	305,75	—
4	330,0—355,0	341,25	—
—	—	—	—
14	63,0—77,5	67,96	1,38
57	55,5—80,0	66,42	0,56
9	113,0—150,0	130,00	—
12	114,0—162,0	135,60	—
11	180,0—200,0	187,45	1,92
—	—	—	—
16	53,0—64,5	57,84	0,86
11	46,5—72,0	58,86	—
14	55,0—77,0	60,25	—
4	59,5—74,0	67,25	—
15	29,5—51,0	33,40	—
5	26,0—41,0	30,90	—
12	212,0—219,0	214,42	0,55
3	238,0—248,0	242,67	—
12	44,5—53,0	47,04	0,73
14	45,0—59,5	52,28	—
9	20,9—21,9	21,47	0,15
3	23,6—25,0	24,12	—
13	52,5—64,0	56,00	—
5	53,5—70,0	61,60	—
9	24,0—28,9	26,02	0,65
2	27,2—28,2	27,70	—
11	21,5—31,0	25,95	—
5	25,0—33,5	30,60	—
9	10,0—12,7	11,80	0,36
3	11,96—13,7	—	—
49	54,0—73,5	61,52	0,70
89	50,5—72,5	62,10	0,50

етствуют поселению Новонике

значениях таких признаков, как ширина нижнего суставного блока плечевой кости, длина таранной кости и больших фаланг, не являются закономерными (с надежностью 0,99). Различие наблюдается в основном в размерах метаподий. Однако ввиду присущей им сильной изменчивости, малого числа измерений и, следовательно, невозможности разделения костей по половым признакам, это различие не может считаться действительно установленным.

Мелкий рогатый скот (овцы и козы). На поселении Новоникольское I кости этого вида численно уступают костным остаткам крупного рогатого скота, но по числу особей это расхождение не так велико. В общий подсчет костного материала с поселения включены и кости, обнаруженные в жертвенных курганах, где они встречаются либо в виде почти полных скелетов, либо в виде скопления одинаковых костей. Так, в одном из курганов найдены 28 астрагалов минимум от 16 особей. Это число значительно увеличивает общее количество особей мелкого рогатого скота в материале из раскопа.

Среди костных остатков мелкого скота много отдельных зубов, позвонков. Из краинологической части скелета имеются несколько фрагментов верхних челюстей и немного больше — нижних. Число особей установлено по таранным костям и нижним концам плечевых костей.

При определении состояния зубной системы 23 нижних челюстей оказалось, что наибольшее количество из них принадлежало животным в возрасте от двух лет и старше (табл. 6).

Таблица 6

Возрастной состав мелкого рогатого скота из поселения
Новоникольское I

Состояние системы коренных зубов нижней челюсти	Возраст животного, мес.	Кол-во челюстей	%
M_1 отсутствует	До 3	—	—
M_1 есть, отсутствует M_2	3—12	3	13,0
M_2 есть, отсутствует M_3	12—24	6	26,1
M_3 есть	Старше 24	14	60,9

На поселении Петровка II имеются все элементы посткраниального скелета, но кости сильно раздроблены и мало пригодны для измерений. Целые черепа отсутствуют, из мозговой части есть несколько небольших фрагментов. Нет и целых длинных трубчатых костей конечностей. Много отдельных зубов, позвонков и таранных костей, по последним в основном и подсчитано число особей. Пястные и плюсневые кости представлены большей частью верхними и нижними концами. 60 относительно целых нижних челюстей с полным рядом коренных зубов позволяют установить возрастной состав мелкого рогатого скота (табл. 7).

Как видно из таблицы 7, наибольшее количество нижних челюстей происходит от особей старше 2-х лет.

Промеры пригодных для измерения костей мелкого рогатого скота из двух поселений приведены в таблице 8.

Возможность статистического сравнения результатов промеров костей мелкого рогатого скота из двух поселений исключена из-за их малого числа. Но, рассматривая пределы варьирования численных значений и средних величин таких признаков, как длины пятитонной, таранной костей, больших фаланг, ширина нижнего суставного блока плечевой кости

Таблица 7

Возрастной состав мелкого рогатого скота из поселения
Петровка II

Состояние системы коренных зубов нижней челюсти	Возраст животного, мес.	Кол-во челюстей	%
M_1 отсутствует	До 3	—	—
M_1 есть, отсутствует M_2	3—12	13	21,6
M_2 есть, отсутствует M_3	12—24	14	23,4
M_3 есть	Старше 24	33	55,0

вой кости, ширина нижнего конца берцовой кости, размеры метаподий и др., можно отметить их близость для костей из обоих поселений. Все это дает основание предположить отнотипность мелкого рогатого скота поселений Новоникольское I и Петровка II.

Лошадь. В остатках лошади на поселении Новоникольское I имеются все кости посткраниального скелета и отдельные крупные фрагменты черепов, происходящие в основном из курганов. Кости значительно разрушены и мало пригодны для измерений. Много отдельных зубов, позвонков, мелких суставных костей запястья и предплечья. Трубчатых костей конечностей мало. Лучше сохранились, но все же в небольшом количестве таранные, пятитонные, плюсовые, венечные и копытные кости. Сравнительно большое число костей конечностей (с отделившимися верхними и нижними эпифизами) принадлежит молодым особям. В близлежащих курганах обнаружены кости конечностей и позвонки лошадей разного возраста. В одном из курганов (№ 1, у с. Новоникольское) найдены отдельные фрагменты черепа лошади 6—7-летнего возраста. (Длина альвеолярного ряда коренных зубов верхней челюсти 180 мм, нижней челюсти — 175 мм).

Имеющиеся плечевые, лучевые, берцовые, пястные и плюсневые кости позволяют оценить высоту лошадей² поселения Новоникольское I в холке:

Длина кости, мм	Высота в холке, мм	Средняя длина кости, мм
Плечо	290—270	136—128
Лучевая	330—310	136—128
Берцовая	345—325	136—128
Пясть	235—220	144—136
Плюсна	275—260	144—136

² Высота определена по методике В. О. Витта. (См.: Витт В. О. Лошади Пазырьских курганов. — СА, 1952, XVI, с. 172).

Таблица 8

Размеры и пропорции костей мелкого рогатого скота из поселений Новоникольское I
и Петровка II

Признак	n	Lim	M
Длина альвеолярного ряда коренных зубов нижней челюсти, мм	3 13	80,0—87,0 74,5—89,0	84,00 79,53
Длина альвеолярного ряда моляров нижней челюсти, мм	2 10	30,0—57,0 50,0—62,0	43,50 55,45
Длина M_3 , мм	3 24	20,5—22,0 21,5—29,0	23,50 25,90
Ширина M_3 , мм	3 24	9,5—10,0 8,0—10,5	9,67 9,67
Ширина нижнего суставного блока плечевой кости, мм	9	30,0—39,0	35,44
Ширина верхнего конца лучевой кости, мм	10	30,5—37,0	32,90
Длина берцовой кости, мм	3	37,0—40,0	38,00
Ширина нижнего конца берцовой кости, мм	2	242,0	242,00
Индекс ширины нижнего конца берцовой кости, %	— 9 14 2	— 30,5—38,0 28,5—35,5 12,6	— 31,89 31,11 12,60
Длина пятитной кости, мм	2 6	65,0—68,0 63,0—71,5	66,50 66,67
Длина таранной кости, мм	5 62	29,0—35,5 27,5—38,0	32,50 33,46
Длина пясти, мм	4	132,0—153,0	146,25
Ширина верхнего конца пясти, мм	5 4 4	23,5—27,0 20,5—28,0 17,3—17,8	25,30 25,75 17,53
Индекс ширины верхнего конца пясти, %	— 5 2 4	— 26,0—28,5 28,5—30,5 18,3—19,7	— 27,90 29,50 19,00
Ширина нижнего конца пясти, мм	4 3 4	14,5—16,5 13,0—17,5 9,7—12,1	15,38 14,67 10,58
Длина плюсневой кости, мм	7	141,0—173,0	164,71
Ширина верхнего конца плюсны, мм	1 8	146,5 21,0—28,5	146,50 24,31
Индекс ширины верхнего конца плюсны, %	6 7 1	21,5—24,5 13,9—14,9 16,4	23,50 14,43 16,40
Ширина нижнего конца плюсны, мм	7	21,0—28,0	26,64
Индекс ширины нижнего конца плюсны, %	1 7	27,0 14,9—16,7	27,00 16,17
Ширина диафиза плюсны, мм	1 2	18,4 13,0—16,0	18,40 14,06
Индекс ширины диафиза плюсны, %	4 7	13,0—14,5 7,8—9,9	13,88 8,86
Длина больших фаланг, мм	1 9 22	8,9 37,5—47,0 36,0—50,5	8,90 41,44 42,98

Таким образом, лошади поселения Новоникольское I имели рост средний и ниже среднего.

На основании вычисления индекса ширины диафиза для пяти пястных костей (пределы его изменения 14,7—15,2%) лошадей данного поселения можно отнести к группе «полутонконогих» (по классификации А. А. Браунера³), для которой величина этого индекса изменяется от 14,6 до 15,5%. Костные остатки лошади на поселении Петровка II представлены наименьшим количеством как костей, так и особей по сравнению с крупным и мелким рогатым скотом. Многочисленную часть исследованного костного материала составляют отдельные коренные зубы и резцы верхних и нижних челюстей. Много мелких суставных костей запястья и предплечья, а также путовых, венечных и копытных костей. Хорошо сохранились таранные и пятонные кости, но в небольшом количестве. Так как сохранность костей плохая, то естественно и отсутствие целых черепов, даже их крупных фрагментов и целых трубчатых костей конечностей, от которых имеются только их верхние или нижние концы. В основном кости принадлежат взрослым особям, но много костей и молодых животных.

Отсутствие целых костей конечностей не позволяет определить рост лошадей из поселения Петровка II. Судя по одной целой пястной кости, длина которой равна 233 мм, высота лошади, которой она принадлежала, в холке составляла 136—144 см. По величине индекса ширины диафиза пясти (15,9%) эту лошадь можно отнести к типу «полутонконогих».

Размеры костей лошади из поселений приведены в таблице 9.

Статистический анализ сходства или различия костей лошади из двух поселений провести не удается, так как мало получено сравнительных данных. Однако ряд признаков, например ширина верхнего конца лучевой кости, ширина нижнего конца берцовой кости, длина пятонной кости, параметры метаподий, указывает на сходство лошадей этих поселений. Это подтверждается и анализом размеров путовых костей, для которых были рассчитаны отношения ширины верхнего к ширине нижнего конца и ширины верхнего конца к ширине диафиза. Средние значения этих отношений: 1,17 и 1,54 для путовых костей из Новоникольского I и 1,18 и 1,54 из Петровки II. При примерно равных количествах передних и задних путевых костей близость этих средних доказывает тождественность путевых костей у лошадей из поселений Новоникольское I и Петровка II.

Собака. На различных участках раскопа Новоникольского I найдено 20 костей собаки, принадлежавших минимально трем особям. Из-за плохой сохранности костные остатки (фрагмент черепа, позвонки и кости конечностей) непригодны для измерения.

В Петровке II обнаружено несколько костей одной особи собаки, кроме того, отдельно найден череп хорошей сохранности. Приводим данные некоторых его измерений: длина черепа равна 195 мм, длина альвео-

³ Браунер А. А. Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда Херсонской губернии. — Записки Общества сельского хозяйства Южной России, 1916, т. 86, кн. 1.

Таблица 9

Размеры и пропорции костей лошади из поселений Новоникольское I и Петровка II

Признак	n	Lim	M
Длина плечевой кости, мм	4	229,0—282,0	255,00
Ширина нижнего суставного блока плечевой кости, мм	6	— 70,0—76,0	— 73,33
Длина лучевой кости, мм	5	71,5—79,5	75,20
Ширина верхнего конца лучевой кости, мм	5	275,0—335,0	321,80
Индекс ширины верхнего конца лучевой кости, %	8	73,0—84,0	81,19
Длина берцовой кости, мм	3	80,5—87,0	83,00
Ширина нижнего конца берцовой кости, мм	5	25,1—26,6	25,44
Длина пятитной кости, мм	3	— 340,0—343,0	— 342,00
Длина пясти, мм	5	69,0—72,5	70,50
Ширина верхнего конца пясти, мм	6	58,0—77,5	71,42
Индекс ширины верхнего конца пясти, %	3	114,0—114,5	114,33
Ширина нижнего конца пясти, мм	5	111,5—118,0	114,60
Длина плюсны, мм	5	215,0—230,0	222,60
Ширина верхнего конца плюсны, мм	1	233,0	233,00
Индекс ширины верхнего конца плюсны, %	6	49,0—55,5	51,00
Ширина нижнего конца плюсны, мм	9	44,0—57,5	50,78
Индекс ширины нижнего конца плюсны, %	5	22,6—24,2	23,00
Ширина диафиза плюсны, мм	1	23,0	23,00
Индекс ширины диафиза плюсны, %	4	48,0—54,0	50,05
Длина плюсны, мм	1	52,5	52,50
Ширина верхнего конца плюсны, мм	4	22,4—23,5	22,78
Индекс ширины верхнего конца плюсны, %	1	22,5	22,50
Ширина диафиза плюсны, мм	5	31,5—35,0	32,80
Индекс ширины диафиза плюсны, %	4	33,0—37,0	35,13
Длина плюсны, мм	5	14,7—15,2	14,74
Ширина верхнего конца плюсны, мм	1	15,9	15,90
Ширина нижнего конца плюсны, мм	9	258,0—273,0	267,22
Индекс ширины верхнего конца плюсны, %	10	— 48,0—55,0	— 50,70
Ширина диафиза плюсны, мм	2	52,0—53,0	52,50
Индекс ширины диафиза плюсны, %	9	18,0—20,5	18,87
Ширина верхнего конца плюсны, мм	9	— 47,0—54,0	— 50,56
Индекс ширины верхнего конца плюсны, %	9	— 18,2—20,3	— 18,91
Ширина диафиза плюсны, мм	9	— 29,5—39,5	— 33,00
Индекс ширины диафиза плюсны, %	1	31,5	31,50
	9	— 11,0—14,6	— 12,31
	—	—	--

лярного ряда коренных зубов верхней челюсти 73 мм, длина хищнического зуба 20 мм.

Дикие животные

Количество костей диких млекопитающих на поселении Новоникольское I незначительно, но представлены они шестью охотничьепромысловыми видами.

Кулач. Костные остатки этого животного на территории Казахстана встречаются довольно часто. Обнаружены они и на поселениях эпохи бронзы Центрального Казахстана⁴. В полуфоссильном состоянии кости кулана найдены в Кокчетавской и Павлодарской областях и в некоторых южных субъектах Республики⁵. На поселении Новоникольское I встречена пястная кость (общая длина 215 мм, ширина верхнего конца 42 мм, ширина нижнего конца 40 мм, ширина диафиза 21,5 мм), венечная и копытная кости кулана.

Кабан. Имеются две плечевые кости, первая и вторая фаланги, принадлежавшие минимум двум молодым особям.

Сайга. Найден один рог.

Лось. Пять костей этого животного принадлежали приблизительно четырем особям: рог (обломок со следами обработки), фрагмент нижней челюсти с M_2 и M_3 , две первые фаланги (длина одной из них 90 мм, а другой — 86 мм) и вторая фаланга.

Бобр. Найдена нижняя челюсть с зубами.

Заяц. Имеется лопаточная кость.

На поселении Петровка II встречены кости лишь трех охотничьепромысловых видов млекопитающих.

Кабан. Остатки этого вида животного состоят из фрагментов верхней и нижней челюстей, отдельных коренных зубов, плечевых и таранных костей, первых и вторых фаланг. Судя по сильно стертым коронкам коренных зубов, три нижние челюсти принадлежали старым животным. Размеры таранной кости: длина 48,5 мм, ширина верхнего конца 23 мм, ширина нижнего конца 24 мм. Размеры плечевой кости: длина 190 мм, ширина суставного блока 24,5 мм.

Лось. Обнаружены три кости, вероятнее всего, от одной особи: плюсневая кость (длина 350 мм без нижнего эпифиза, ширина верхнего конца 49,5 мм, ширина диафиза 31,5 мм) и две фаланги (длина одной из них 74 мм).

Бобр. Имеется одна плечевая кость, из-за фрагментарности непригодная для измерения.

Обобщим результаты изучения костных остатков из двух поселений. В первую очередь необходимо отметить, что Новоникольское I и Петровка II являются многослойными памятниками⁶. Костный материал, рас-

⁴ Макарова Л. А. Животные Атасу и других поселений Центрального Казахстана. — В кн.: Археологические исследования в Оттаре. Алма-Ата, 1977, с. 124.

⁵ Кожамкулова Б. С. Антропогеновая ископаемая тернофауна Казахстана. Алма-Ата, 1969, с. 49—56.

⁶ Зданович Г. Б. Стратиграфия поселения Новоникольское I..., с. 113.

смотренный нами, происходит из слоев, относящихся к эпохе ранней и поздней бронзы (со II тысячелетия до VIII в. до н. э.). Преобладают кости домашних животных, главным образом крупного и мелкого рогатого скота, имевшего большое значение в хозяйственной деятельности местных племен. Причем по количеству остатков и числу особей на всех участках раскопов двух поселений можно судить, что предпочтение отдавалось крупному рогатому скоту.

Важно также отметить тождественность пород крупного, мелкого рогатого скота и лошади в обоих поселениях. В дальнейшем результаты измерений могут быть использованы для уточнения остеометрических данных по домашним животным изучаемого географического района, если рассматривать кости животных из поселений Новоникольское I и Петровка II как единый материал. Это, в свою очередь, позволит более точно выявить отличительные остеологические особенности животных, происходящих из хронологически близких памятников других областей республики.

**СОСТАВ МЕТАЛЛА
НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ КАЗАХСТАНА
САКСКО-САВРОМАТСКОГО ВРЕМЕНИ**

В I тыс. до н. э. на территории Казахстана сложилась своеобразная и яркая культура саков и савроматов. Генетические корни ее уходят в культуру племен эпохи бронзы андроновского и срубного периода. Сакская и савроматская этнокультурная общность охватывала районы Нижнего Поволжья и Южного Урала на западе, Алтая и Южной Сибири на востоке, Средней Азии на юге. Металлургическое производство сакского и скифо-сарматского мира представлено помимо высокохудожественных изделий из бронзы комплексом предметов вооружения, среди которых преобладают наконечники стрел (305 образцов).

Материал сакской и савромато-сарматской культур рассматривается в данной статье совместно ввиду их общности с целью сравнительного сопоставления синхронных и однотипных предметов материальной культуры, какими являются наконечники стрел. Это тем более правомерно, что «бронзовые наконечники стрел своеобразной формы, например, четырехгранные с внутренней втулкой и острыми шипами, в целом довольно редкие, обнаруженные главным образом у савроматов бассейна р. Илек, найдены и в сакских могилах по р. Или»¹.

Эволюция типов наконечников стрел служит одним из основных критериев для датировки памятников сакской и савроматской культур. Разработан ряд хронологических классификаций бронзовых наконечников стрел². Для Казахстана хронология бронзовых наконечников стрел разработана К. А. Акишевым³ и С. С. Черниковым⁴.

¹ Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 279.

² Граков Б. Н. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов. — Труды Института археологии. Т. В. М., 1930; Либеров П. Д. Хронология памятников Подднепровья скифского времени. — В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954; Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. — МИА, 1961 № 101; Мелюкова А. И. Вооружение скифов. М., 1964; Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.

³ Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963.

⁴ Черников С. С. Загадка золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». М., 1965.

Значительно меньше работ посвящено химическому составу и характеру бронз по данным спектрального анализа. Основная задача настоящей статьи — сравнение полученных аналитических данных (табл. I) с целью установления тождества или различия в составе металла наконечников стрел из разных районов Казахстана. Не исключается также возможность выяснения перемещения этого типа оружия. В работе не ставится задача выяснения рудных месторождений компонента металлов изучаемых наконечников стрел. Это связано с трудностями сбора материала с древних сырьевых баз, разбросанных по всей территории Казахстана. Накопление такого материала ведется, в дальнейшем представится возможность провести самостоятельное исследование по проблеме «руды — металл».

Весь проанализированный материал представлен нами в виде схемы-диаграммы⁵. По составу металла наконечников стрел разделен на семь характерных групп: 1 группа — «чистая» медь; остальные шесть — различные бронзы (2 — оловянистые, 3 — оловянисто-мышьяковистые, 4 — мышьяковистые, 5 — мышьяковисто-сурьмянистые, 6 — оловянисто-свинцовые и 7 — свинцовистые и свинцово-мышьяковистые)⁶.

Наконечники стрел савроматов Западного и Северо-Западного Казахстана

Основная масса бронзовых наконечников стрел обнаружена при раскопках серии курганных захоронений на р. Илек в Актюбинской области⁷. Это главным образом трехперые и трехгранные наконечники с выступающей или утопленной втулкой из могильников Кумис-Сай, Сынтас, Жалгыз-Оба, Бесоба и Хлебодаровский, датированные концом VI—V в. до н. э.

Спектральный анализ показал (см. диаграмму), что большинство наконечников стрел (70%) из указанных могильников не содержат искусственных примесей других металлов к основе и относятся к группе «чистой» меди. Лишь около 10% всех образцов представлены оловянистыми бронзами (2 гр.), 10% — мышьяковистыми (4 гр.) и 10% — бронзами с комбинированным приплавом. Несколько выделяется по пестроте металла наконечников стрел из могильника Бесоба⁸. Для него характерно большое разнообразие бронз и широкий диапазон приплавов к медной основе. Примерно одинаково количественное соотношение наконечников стрел медных, из оловянистой и мышьяковистой бронз; 20% приходит-

⁵ Составлена по аналогии со схемами для металла черняховской культуры (I тыс. н. э.). (См.: Барцева Т. Б., Вознесенская Г. А., Черных Е. Н. Металл черняховской культуры. М., 1972, с. 61.)

⁶ Условно считаем, что характер бронзы определяется искусственной примесью металла с содержанием $\geq 1,0\%$. Так, оловянистая бронза содержит Sn $\geq 1,0\%$, мышьяковистая — As $\geq 1,0\%$, оловянисто-мышьяковистая — Sn $\geq 1,0\%$ и столько же мышьяка и т. д.

⁷ Материалы М. К. Кадырбаева и фонды Актюбинского музея.

⁸ Данные спектрального анализа наконечников стрел из могильника Бесоба не вошли в таблицу I; они приводятся только в диаграмме как сравнительный материал.

СХЕМА-ДИАГРАММА
распределения металла наконечников стрел сакской и
сарматской культуры по типам сплавов

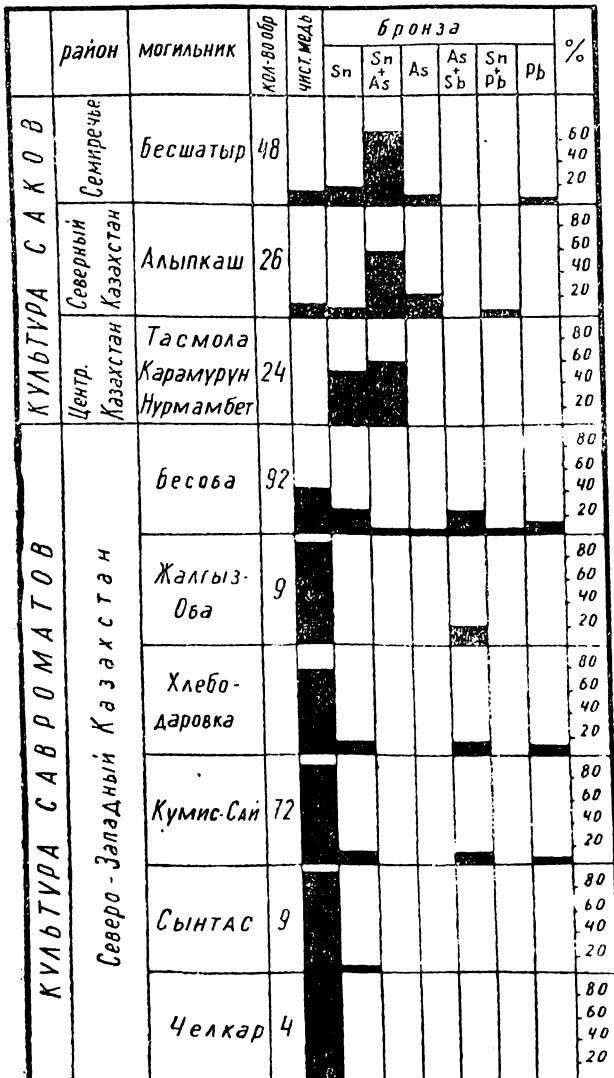

Таблица 1

Результаты спектрального анализа бронзовых наконечников стрел

№	Про- ба	Памятник и тип нако- нечника										
			Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	As	Sb	Ni	Co	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Центральный Казахстан (VII в. до н. э.)												
1	80	Нурмамбет I,	Ос- но- ва	5,0 5—10	1—3 0,09	— —	0,002 0,3	0,3 0,3	Сл. 0,1	0,01 0,005	0,1 0,002	
2	88	трехперые черешковые		» 0,3	0,3	—	0,05	3—5	0,3	0,003	—	
3	77	Нурмамбет IV,		» 0,3	0,05	—	0,01	0,3	0,01	—	—	
4	78	трехперые черешковые		» 1—3	0,1	—	0,005	0,4	Сл.	—	0,01	
5	24	Тасмولا II, трехперый		» 3—5	1,0	—	0,1	1—2	0,5	0,01	0,003	
6	97	Тасмولا III,		» 1,0	0,09	—	0,01	1—3	0,03	Сл.	0,003	
7	96	трехлопастные втульча- тые		» 0,03	0,05	—	0,3	5—10	0,05	0,005	0,01	
8	98	»										
9	79	Карамурун I, ромбовид- ный		» 3,0	0,2	0,05	0,4	5,0	0,08	0,005	0,2	
10	81	трехперый втул.		» 0,2	0,2	—	0,003	0,2	0,2	0,008	—	
11	87	ромбовидный втул.		» 1,0	0,9	0,03	0,005	0,5—1,0	—	0,002	0,01	
12	89	трехперый втул.		» 0,07	0,8	—	0,3	1—3	0,02	0,001	—	
13	92	двуперый втул.		» 10,0	0,7	0,01	0,002	0,3	0,8	0,001	0,005	
14	93	двуперый черешк.		» 10,0	0,3	—	0,03	0,5	Сл.	0,001	—	
15	94			» 10,0	0,7	—	0,05	0,07	0,08	0,001	—	
16	95	трехперые черешковые		» 10,0	0,03	0,3	0,002	0,3	0,1	0,003	—	
17	99			» 10,0	0,4	—	0,003	0,1	0,2	0,003	0,01	
18	100	двуперые втульчатые		» 10,0	0,1	—	0,07	1,0	Сл.	0,002	—	
19	101	двуперый с шипом		» 10,0	0,2	—	0,008	0,3	0,5	0,001	0,007	
20	82	Карамурун II,		» 1—2	0,05	—	0,1	1—3	0,1	0,007	0,002	
21	83	трехперые втульчатые		» 5—10	0,007	Не обн.	0,2	0,6	0,005	Сл.	0,003	
22	84	Карамурун I,		» 3—5	0,8	—	0,3	3—5	0,05	0,006	0,005	
23	85	трехперые втульчатые		» 0,7	0,5	—	0,07	3,0	Сл.	0,02	0,03	
24	86	»		» 0,8	0,6	—	0,04	0,03	0,005	—		
Северо-Казахстанская область (VII в. до н. э.)												
25	2C	Могильник Алыпкаш,	»	10,0	0,04	—	0,008	0,3	0,008	0,001	—	
26	3C	четырехгранные втульча- тые		» 10,0	0,04	—	0,008	0,01	—	Сл.	—	
27	6C			» 5—10	0,01	—	0,005	0,07	0,003	0,001	—	
28	9C			» 3—5	0,05	—	0,002	0,03	—	—	—	
29	10C			» 10,0	0,03	—	0,003	0,05	Сл.	0,01	0,004	
30	11C			» 3—5	0,05	—	0,01	0,03	—	—	—	
31	13C			» 5,0	0,06	0,01	0,02	0,02	—	—	—	
32	14C			» 10,0	0,01	—	0,005	0,1	0,003	0,003	—	
33	16C			» 10,0	0,1	—	0,003	0,3	0,003	0,005	—	
34	17C			» 10,0	0,01	Сл.	0,002	0,1	Сл.	0,008	0,003	
35	18C			» 3—5	0,03	—	0,007	0,02	Сл.	—	—	
36	19C			» 5,0	0,008	—	0,003	0,05	—	Сл.	—	
37	21C			» 10,0	0,05	—	0,01	0,8	0,01	0,004	0,005	
38	24C			» 3—5	0,008	Сл.	0,002	0,04	Сл.	0,003	—	

3	4	5	6	7	8	9	10	11
четырехгранные втульчатые	Ос- но- ва	3—5 10,0	0,009 0,002	— —	0,005 0,01	0,1 0,3	0,003 0,005	0,001 0,005
»	»	3—5	0,005	—	0,003	0,005	Сл.	Сл.
»	»	1,0	0,01	—	0,005	0,06	—	—
»	»	10,0	0,1	0,03	0,08	0,05	0,003	0,001
втульчатый четырехло- пастный	»	10,0	0,02	—	0,02	0,3	0,1	0,003
} втульчатые	»	3,0	0,5	0,01	0,10	1—3	0,006	—
} четырехлопастные втульчат. лавролист. с шипом	»	10,0	0,01	—	0,002	0,4	0,02	0,005
пулевидный	»	10,0	0,1	Сл.	0,05	0,2	0,02	0,005
	»	5—10	0,07	—	Сл.	0,5	0,08	0,001
	»	1,0	0,20	—	0,03	1—2	0,03	0,005

Семиречье (V в. до н. э.)

{ Могильник Бесшатыр, четырехлопастные втульчатые	»	5—10	0,2	0,6	0,001	0,06	0,003	0,002
	»	10,0	0,3	—	0,007	1,0	0,06	0,006
»	»	10,0	0,07	—	0,005	3,0	0,006	0,004
трехгранный	»	10,0	—	0,01	Сл.	0,01	Сл.	—
трехлопастный	»	0,9	0,05	0,01	0,005	0,09	0,01	0,003
{ трехлопастные с выступающей втулкой	»	5—10	0,01	Сл.	0,003	0,2	0,003	0,002
»	»	1,0	0,04	Сл.	0,005	2,0	0,01	0,006
»	»	1—2	0,07	—	0,002	0,6	0,005	—
»	»	0,3	0,03	—	0,01	5—10	0,005	0,001
»	»	1—3	0,1	0,02	0,02	1—3	0,02	0,005
{ трехлопастные с утопленной втулкой	»	0,7	0,02	—	0,004	0,6	0,02	0,003
»	»	10,0	0,008	0,01	0,003	0,2	0,003	—
»	»	3—5	0,03	0,01	0,003	1,0	0,01	0,003
»	»	0,4	1—3	—	0,006	1—2	0,1	0,005
»	»	0,8	0,02	0,03	0,003	0,6	0,006	0,001
»	»	10,0	0,002	—	0,001	—	—	0,007
трехгранный втульчатый	»	1,0	0,007	—	0,002	0,3	0,003	—
трехлопастный с выступ. втул.	»	10,0	0,5	0,01	0,002	0,2	0,007	0,005
{ трехгранные с выступающей втулкой	»	5,0	0,1	—	0,05	3,0	0,05	0,005
{ трехгранные с утопленной втулкой	»	3,0	0,07	0,02	0,002	0,03	Сл.	0,001
{ Могильник Бесшатыр, трехлопастные с выступающей втулкой	»	3—5	0,2	—	0,01	0,1	0,005	0,001
»	»	1—2	0,8	—	0,003	1,0	0,005	0,008
{ трехперые черешковые	»	0,6	1—2	0,01	0,04	0,4	0,3	0,002
{ трехлопастные втульчатые	»	3,0	0,2	0,01	0,03	3,0	0,07	0,005
»	»	0,8	0,3	0,04	0,2	5,0	0,02	0,003
»	»	0,9	0,1	—	0,04	5—10	0,005	0,005
»	»	3,0	0,3	0,01	0,3	1—3	0,5	0,005
»	»	10,0	0,06	0,05	0,003	0,04	0,2	0,005
»	»	5—10	0,001	0,01	Сл.	0,01	—	—
»	»	0,7	0,6	—	0,01	3,0	0,003	—
»	»	5,0	0,001	0,01	Сл.	Сл.	—	—
»	»	3—5	0,007	0,01	0,001	0,02	Сп.	0,005
»	»	10,0	0,001	0,002	0,001	—	—	0,05
»	»	5,0	0,3	0,01	0,02	3—5	0,01	0,004
»	»	1—3	0,001	0,02	0,005	1—3	0,01	0,001
{ трехгранные с утопленной втулкой	»	5—10	0,001	0,01	Сл.	0,04	—	—
	»	5,0	0,06	—	0,01	1—2	0,01	0,005

Продолжение таблицы

3	4	5	6	7	8	9	10	11
четырехлопастные с утопленной втулкой	»	10,0	0,1	—	0,01	3—5	0,02	0,005
	»	10,0	0,001	—	0,001	—	—	0,007
	»	10,0	0,002	—	0,001	0,5	Сл.	—
	»	0,005	0,3	—	0,007	0,4	0,005	—
	»	1,0	0,2	0,01	0,001	0,1	Сл.	—
	»	0,5	0,2	0,02	0,002	0,4	0,003	0,001
четырехгранные втульчатые	»	10,0	0,02	0,05	0,001	0,1	0,003	—
	»	10,0	0,1	—	0,01	3,0	0,02	0,001
четырехлопастные с утопленной втулкой	»	10,0	0,1	0,01	0,003	0,03	—	Сл.
	»	10,0	0,2	0,02	0,005	0,8	0,005	0,002
	»	10,0	0,07	0,04	—	0,01	—	0,001
	»	5—10	0,01	0,03	0,001	0,01	Сл.	—

Северо-Западный Казахстан (VI—IV вв. до н. э.)

Актюбинская область,	»	—	3—5	—	0,06	0,7	0,005	Сл.
	черешк. с трехгран. головкой	»	0,5	0,02	—	0,003	0,3	0,07
	с выступающ. втулкой	»	10,0	0,04	—	Сл.	0,01	—
		»	—	—	—	—	—	—
		»	0,3	0,03	—	—	—	—
		»	0,002	0,005	—	—	0,07	0,01
		»	—	0,001	—	—	—	—
	Могильник Комис-Сай,	»	—	0,02	—	—	0,1	0,07
	трехгранные	»	0,008	0,003	—	—	—	—
	с выступающ. втулкой	»	0,2	Сл.	—	0,003	0,2	0,002
		»	3—5	0,05	—	0,001	0,03	0,003
		»	0,003	—	—	—	Сл.	—
тремхлопастные с выступ. втул.	»	Сл.	Сл.	—	—	—	Сл.	Сл.
		»	0,005	—	0,03	5,0	1—3	0,2
		»	0,001	—	—	—	Сл.	—
		»	0,002	—	—	—	Сл.	—
		»	—	0,002	—	—	0,005	Сл.
		»	5,0	Сл.	—	—	0,002	—
		»	Сл.	0,001	—	—	—	Сл.
		»	—	0,001	—	—	—	0,001
		»	—	—	—	0,002	0,7	0,005
		»	—	—	—	0,004	3,0	1,0
трехгранные	»	0,06	0,007	—	Сл.	0,06	0,05	0,005
		—	—	—	—	0,002	—	0,005
с выступающей втулкой	»	0,007	Сл.	—	Сл.	—	Сл.	—
		—	—	—	—	—	—	—
Могильник Комис-Сай,	»	—	0,002	—	—	0,01	0,003	—
		—	0,001	—	0,001	1—2	0,02	0,2
трехлопастные	»	Сл.	0,001	—	Сл.	—	—	0,001
	с утопленной втулкой	»	1—2	0,01	—	0,001	0,03	Сл.
трехгранные	»	0,5	0,02	—	0,001	0,07	0,005	0,001
	с выступающей втулкой	»	0,001	—	—	0,01	0,003	0,03
и сводной головкой	»	0,7	0,01	—	0,003	0,03	0,005	0,1
	трехлопастный втульчатый	»	0,005	Сл.	—	Сл.	0,01	0,003

Продолжение таблицы І

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
132	36A	трехгранные	»	0,004	—	—	Сл.	Сл.	—	0,005	—
133	37A	с выступающей втулкой	Ос- нб-	0,005	—	—	Сл.	—	—	0,005	—
134	38A	и сводной головкой	ва	0,01	—	—	0,001	—	—	—	—
135	39A	»	»	—	0,003	—	—	—	Сл.	0,001	Сл.
136	40A	»	»	0,02	Сл.	—	—	Сл.	—	—	—
137	41A	»	»	0,001	0,001	—	0,001	—	—	0,001	Сл.
138	42A	трехгранные	»	—	0,004	—	—	—	—	0,002	0,001
139	43A	с выступающей втулкой	»	3—5	1,0	—	—	Сл.	—	0,001	0,001
140	44A	и сводной головкой	»	0,003	—	—	Сл.	—	—	0,001	Сл.
141	45A	»	»	—	0,001	—	0,006	0,3	0,1	—	—
142	46A	»	»	0,005	—	—	0,002	—	—	0,002	0,001
143	47A	»	»	0,004	—	—	Сл.	—	—	0,001	Сл.
144	48A	»	»	—	0,004	—	—	—	—	Сл.	Сл.
145	49A	»	»	—	0,004	—	—	Сл.	Сл.	0,002	0,001
146	64A	трехгранные	»	Сл.	0,001	—	Сл.	Сл.	Сл.	0,001	0,001
147	65A	с выступающей втулкой	»	0,001	0,002	—	—	—	—	0,001	0,001
148	66A	и сводной головкой	»	0,001	Сл.	—	—	—	—	0,001	Сл.
149	67A	»	»	0,001	—	—	—	—	—	Сл.	—
150	68A	Могильник Комис-Сай,	»	—	0,001	—	0,002	—	—	Сл.	Сл.
151	69A		»	—	0,001	—	—	—	—	Сл.	—
152	70A	трехгранные	»	0,001	—	—	Сл.	—	—	—	—
153	71A	и со сводной головкой	»	—	0,001	—	—	—	—	—	—
154	72A	трехлопастные	»	0,001	0,007	—	—	—	—	0,001	0,001
155	73A	с утопленной втулкой	»	0,002	0,001	—	—	—	Сл.	—	—
156	74A	трехгранные	»	0,001	0,002	—	—	—	—	0,001	Сл.
157	75A	с выступающей втулкой	»	0,005	0,003	—	—	—	Сл.	0,03	0,005
158	76A	»	»	0,3	0,002	—	—	0,01	—	—	—
159	77A	»	»	Сл.	0,001	—	—	Сл.	—	—	—
160	78A	трехлопастные	»	1,0	0,6	—	—	Сл.	—	—	—
161	79A	с утопленной втулкой	»	10,0	3,0	—	Сл.	0,03	0,005	—	—
162	80A	пулевидный с ромб. головкой	»	1,0	0,001	—	—	0,01	—	—	—
163	81A	трехперый черешковый	»	3,0	Сл.	—	Сл.	—	—	0,001	—
164	94A	Могильник Хлебодаровский,	»	0,003	Сл.	—	—	—	—	0,002	0,001
165	95A		»	0,006	—	0,001	—	—	—	—	Сл.
166	96A	трехгранные	»	0,002	0,001	—	—	Сл.	0,003	—	0,001
167	97A	с утопленной втулкой	»	—	—	—	0,010	0,003	0,001	—	—
168	98A	»	»	Сл.	0,002	—	Сл.	—	—	0,004	0,002
169	99A	трехлопастные	»	—	0,003	—	—	0,01	Сл.	0,001	0,001
170	100A	с выступающей втулкой	»	—	0,001	—	Сл.	—	—	0,001	0,001
171	101A	»	»	0,1	0,01	—	0,001	0,02	0,001	0,002	0,001
172	102A	»	»	—	0,002	—	—	—	—	0,001	—
173	103A	»	»	0,3	0,005	—	0,001	—	—	0,001	Сл.
174	104A	трехгранные	»	10,0	0,005	—	0,001	0,01	0,003	—	—
175	105A	с утопленной втулкой	»	0,002	0,002	—	—	—	Сл.	Сл.	—
176	106A	»	»	Сл.	0,002	—	Сл.	—	—	0,002	0,001
177	107A	Могильник Хлебодаровский,	»	0,001	Сл.	—	—	—	—	0,001	Сл.
178	108A		»	0,002	Сл.	—	0,005	0,03	0,005	Сл.	—

2	3	4	5	6	7	8	9
109A	трехгранные с выступаю-	Ос-	0,001	—	С.л.	—	—
110A	щющей втулкой	но-	0,03	—	—	0,001	0,01
111A	»	ва	—	0,002	—	—	—
112A	»	»	—	0,003	—	С.л.	—
113A	»	»	3,0	0,001	—	—	—
114A	»	»	0,002	С.л.	—	С.л.	С.л.
115A	трехлопастные	»	0,006	0,001	—	С.л.	—
116A	с выступающей втулкой	»	3,0	0,001	—	0,01	0,4
117A	»	»	0,01	0,001	—	0,001	0,01
118A	»	»	С.л.	0,001	—	0,001	0,01
119A	»	»	—	С.л.	—	0,001	С.л.
120A	»	»	С.л.	0,003	—	—	С.л.
121A	»	»	—	0,001	—	С.л.	—
122A	»	»	С.л.	0,001	—	0,02	1,0
123A	»	»	10,0	С.л.	—	С.л.	0,01
124A	»	»	5—10	—	—	0,001	0,01
125A	»	»	0,2	0,01	—	0,002	0,1
126A	»	»	0,01	0,001	—	0,001	—
127A	»	»	0,002	0,001	—	0,001	0,03
128A	»	»	С.л.	0,01	—	0,01	1,0
129A	»	»	—	0,005	—	0,005	0,01
130A	»	»	0,3	0,04	0,02	0,001	3—5
131A	»	»	20,0	10,0	0,01	0,002	0,1
132A	»	»	20,0	10,0	0,03	С.л.	0,2
133A	Могильник Хлебодаровский,	»	10,0	5,0	0,01	0,005	0,03
134A	трехлопастные	»	20,0	10,0	—	—	0,04
135A	с выступающей втулкой	»	0,001	0,003	—	С.л.	—
136A	»	»	0,001	0,002	—	—	С.л.
137A	»	»	0,001	—	—	С.л.	—
138A	»	»	0,002	0,003	—	0,001	—
39A	трехгранные	»	0,002	0,1	—	0,005	0,01
40A	с утопленной втулкой	»	0,003	0,001	—	С.л.	—
41A	»	»	С.л.	0,002	—	0,001	С.л.
42A	»	»	0,003	С.л.	—	—	—
43A	пулевидный	»	—	0,001	—	0,002	—
44A	трехгранные	»	—	0,04	—	0,01	0,9
45A	со сводной головкой	»	0,005	С.л.	—	0,002	0,04
46A	трехгранные	»	С.л.	С.л.	—	0,001	—
47A	с выступающей втулкой	»	—	0,002	—	—	—
48A	»	»	С.л.	0,001	—	—	—
49A	»	»	С.л.	0,02	—	—	0,01
50A	»	»	—	0,001	—	С.л.	0,6
51A	трехлопастные	»	С.л.	0,002	—	С.л.	—
52A	с выступающей втулкой	»	—	0,001	—	С.л.	0,01
53A	»	»	0,003	0,001	—	—	0,02
54A	»	»	С.л.	0,002	—	—	0,01
55A	»	»	3—5	0,003	—	0,01	0,05
56A	»	»	—	0,005	—	—	—
57A	»	»	—	С.л.	—	—	0,01
58A	»	»	0,006	1,0	—	0,004	0,2
59A	трехгранные	»	—	0,06	—	0,001	3,0
60A	с укороченной втулкой	»	—	0,001	—	0,05	1,0

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
.231	161A	Могильник Хлебодаровский,	Осно-	0,1	0,001	—	0,02	1,0	0,9	0,004	0,3
232	162A	трехгран. с внутр. втулкой	ва	—	0,002	—	0,007	0,3	0,5	—	—
233	163A		»	—	0,001	—	—	—	—	0,001	—
234	164A		»	0,002	0,002	—	—	—	—	0,001	Сл.
235	165A	трехгранные	»	3,0	1-2	—	—	0,03	0,002	—	—
233	166A	с укороченной втулкой	»	—	0,003	—	—	—	—	0,003	0,001
237	167A		»	—	0,002	—	—	—	—	—	—
238	168A	трехлопастные	»	—	0,001	—	0,005	—	—	0,002	0,001
239	169A	с утопленной втулкой	»	—	0,002	—	0,001	—	—	0,003	0,001
240	170A	трехгранные	»	—	Сл.	—	0,5	3,0	1,0	0,003	—
241	171A	с выступающей втулкой	»	0,03	0,001	—	—	0,02	—	0,001	—
242	172A		»	0,2	0,003	—	Сл.	—	—	—	—
243	173A		»	0,4	Сл.	—	—	Сл.	—	0,001	0,001
244	174A		»	0,001	0,008	—	0,005	0,3	0,01	0,005	0,01
245	175A		»	0,001	0,003	—	0,03	3,0	0,5	0,005	0,3
246	176A		»	—	0,3	—	0,002	0,1	0,04	0,007	—
247	177A	трехгранные	»	10,0	Сл.	—	—	—	0,01	0,003	0,001
248	178A	с укороченной втулкой	»	0,001	Сл.	—	Сл.	—	—	0,002	0,001
249	179A		»	0,001	—	—	—	Сл.	—	0,001	0,001
250	180A		»	0,001	0,5	—	0,003	2,0	0,9	0,02	0,005
251	181A		»	—	0,001	—	Сл.	0,01	0,003	—	—
252	182A		»	Сл.	0,002	—	0,001	—	—	0,002	0,001
253	183A	трехлопастный	»	20,0	0,1	—	0,002	0,02	0,1	0,002	0,001
254	184A	трехгранные	»	0,002	0,003	—	—	—	—	0,001	Сл.
255	185A	с выступающей втулкой	»	0,001	0,001	—	—	—	—	0,001	0,001
256	186A		»	0,02	0,008	—	0,001	0,03	0,005	0,002	—
257	187A		»	0,01	0,4	—	0,003	0,03	0,03	0,001	Сл.
258	188A		»	0,001	Сл.	—	Сл.	Сл.	0,003	—	—
259	189A	трехлопастный	»	3-5	0,01	—	0,006	0,07	0,003	—	Сл.
260	190A		60,0	40,0	0,005	—	0,001	0,01	Сл.	—	0,005
261	191A	трехгранные	Осно-	0,1	Сл.	—	0,001	Сл.	—	—	—
262	192A	с выступающей втулкой	но-	—	0,001	0,01	0,002	Сл.	Сл.	Сл.	—
263	193A		ва	Сл.	0,001	0,01	0,007	10,0	3,0	0,003	Сл.
264	194A	Могильник Жалгыз-Оба,	»	Сл.	0,002	0,01	0,01	10,0	1,0	0,007	0,04
265	195A		»	0,002	0,003	—	0,001	0,01	0,003	0,001	—
266	196A	трехперые, черешковые	»	Сл.	0,002	—	0,001	0,01	0,005	0,001	Сл.
267	197A	трехгранные	»	0,001	—	0,005	0,5	0,2	0,03	0,01	0,01
268	198A	с выступающей втулкой	»	Сл.	0,001	—	0,007	1-3	0,7	0,01	0,02
269	199A		»	—	0,002	—	—	—	—	0,001	0,001
270	200A		»	Сл.	0,001	—	Сл.	—	Сл.	—	—
271	201A	трехгранные	»	—	0,009	—	»	—	—	0,001	0,001
272	202A	с выступающей втулкой	»	0,006	Сл.	—	»	—	0,003	0,001	—
273	203A	Могильник Кумис-Сай,	»	—	—	—	0,1	1-3	0,200	0,003	0,5
274	204A	трехлопастные	»	—	0,01	—	—	0,1	0,005	0,001	—
275	205A	с внутренней втулкой	»	0,001	0,03	—	0,03	1-3	1-3	0,3	0,2
276	206A	трехгранный	»	Сл.	Сл.	—	—	—	Сл.	—	—
277	207A	пулевидный	»	Сл.	0,01	Сл.	0,2	3,0	0,3	0,003	0,02

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
278	143К	Могильник Бесоба,	Ос- но- ва	1—3	0,9	—	0,01	0,5	0,1	0,005	0,001
279	145К	двуухран. с шипом, втуль- чатые		0,1	0,2	—	0,05	1,0	0,1	0,01	0,003
280	146К	трехгранный втульчатый		»	1,0	5—10	—	0,01	0,1	0,020,03	0,05
281	147К	трехгранный втульчатый		»	0,03	0,1	—	—	0,5	0,05	0,005
282	148К	трехперый с выступ. втул- кой		»	1,0	0,8	—	0,005	0,5	—	0,0030,005
283	149К	трехлопастный втульча- тый		»	0,7	10,0	—	0,1	1,0	0,2	0,030,01
284	150К	трехлопастный с выступ. втул.		»	0,02	0,001	—	—	0,03	0,030,001	—

ся на бинарные бронзы (оловянисто-мышьяковистые, мышьяковисто-сурьмянистые, свинцово-мышьяковистые). Вероятно, объясняется это тем, что в курганах Бесобы были захоронены вожди разных родов или племен⁹. Смешанные комплексы наконечников стрел отличаются не только по составу, но и по внешним признакам.

Анализ имеющихся у нас 4-х образцов наконечников стрел из Западного Казахстана (могильник Челкар в Уральской области)¹⁰ также показал медный состав металла. Интересна группа образцов № 197—200. Это оловянисто-свинцовые бронзы, которые нетипичны для данного региона и, видимо, ввезены из другого района.

Другая особенность — высокое содержание сурьмы у наконечников стрел из мышьяковистой бронзы и преобладание именно мышьяковисто-сурьмянистых бронз над чисто мышьяковистыми во всех савроматских памятниках.

Заслуживает внимания вопрос: каковы причины различного изготовления — многочисленной савроматской художественной бронзы — из медно-оловянистого сплава, а наконечников стрел в основной своей массе — из меди? К примеру, спектральный анализ бронзовых предметов из могильника Сынтаас¹¹ показал, что из 30 образцов только 3 пряжки (№ 425—427) сделаны из мышьяковистой бронзы, все же остальные изделия — из оловянистой; 9 наконечников стрел из этого могильника — медные. Такая же картина прослеживается и в других савроматских могильниках (табл. 2).

Из таблицы 2 видно, что 80% образцов относятся к медно-оловянистым сплавам. Вероятно, причина заключается в том, что Северо-Западный и Западный Казахстан не имели своего собственного производ-

⁹ Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. Материалы раскопок могильника Бесоба. — В кн.: Археологические исследования в Отрапре. Алма-Ата, 1977, с. 115.

¹⁰ Кушаев Г. А. Новые памятники ранних кочевников Западного Казахстана. — В кн.: Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Л., 1975, с. 40.

¹¹ Кузнецов Э. Ф. Бронзовые предметы из могильника Сынтаас по данным спектрального анализа. — В кн.: Прошлое Казахстана по данным археологических источников. Алма-Ата, 1976, с. 151.

ства олова, а ввозимое, по-видимому, расходовалось на изготовление наиболее ценных предметов искусства и украшений. Во-вторых, наконечников стрел требовалось столь много, что их приходилось отливать

Таблица 2

Результаты спектрального анализа изделий из савроматских могильников

№	Про- ба	Памятник и предмет	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	As	Sb	Ni	Co
285	55A	Кумис-Сай, конское снаряжение	Ос- нова	1—3	0,010	—	0,002	0,03	0,01	0,01	—
286	56A	удила	»	1,0	0,001	—	0,001	0,06	0,005	—	—
287	57A	исалии	»	5,0	Сл.	—	—	—	—	0,002	0,001
288	59A	зеркало	»	0,002	0,001	—	—	0,02	0,003	Сл.	—
289	60A	»	»	0,001	0,001	—	—	0,01	Сл.	1,0	0,05
290	61A	браслет	»	Сл.	0,002	—	—	0,01	—	1,0	0,03
291	62A	кольцо	»	3—5	Сл.	—	0,001	—	Сл.	Сл.	Сл.
292	63A	обломок котла	»	1,0	0,005	—	0,001	—	0,003	0,002	0,003
293	90A	бляха с изобр. волка	»	2,0	0,01	—	0,001	0,05	0,008	0,001	—
294	91A	браслет	»	—	0,001	—	—	0,03	0,008	10,0	1,0
295	134A	втулка от копья	»	0,003	0,05	—	0,05	3,0	1,0	0,03	0,9
296	135K	пряжка	»	0,004	0,07	—	0,003	3,0	1,0	0,01	0,03
297	136K	пронизь с изобр. волка	»	5—7	0,3	—	0,02	0,5	0,03	0,005	0,001
298	137K	фрагмент посуды	»	0,006	0,03	—	0,002	0,05	0,01	0,002	0,003
299	138K	»	»	0,007	0,001	—	—	—	—	0,002	0,001
300	139K	обломок зеркала	»	5—10	0,005	0,05	0,005	0,03	—	0,005	0,05
301	140K	браслет	»	5,0	0,4	0,01	—	0,03	0,005	—	—
302	141K	»	»	5—10	0,5	—	—	0,7	0,003	—	—
303	142K	»	»	3—5	1,0	—	0,005	0,2	0,03	—	—
304	158K	Бесоба, зеркало	»	1—3	1,0	—	0,006	0,6	0,05	0,03	0,001
305	159K	»	»	5—10	0,1	—	0,002	0,08	—	0,002	0,003
306	83A	»	»	1,0	0,1	—	0,005	0,2	0,03	—	—
307	84A	»	»	0,002	—	—	—	—	—	Сл.	Сл.
308	89A	пронизь	»	1,0	0,7	—	0,005	0,1	0,02	0,01	—
309	92A	пряжка от уздечки	»	10,0	0,007	—	—	Сл.	—	—	—
310	51A	пряжка с рисунком	»	10,0	0,003	—	0,001	0,03	0,004	0,005	0,002
311	52A	пряжка	»	0,05	0,001	—	—	0,4	0,2	0,03	0,005
312	93A	Сынтас, бляха большая	»	10,0	Сл.	—	—	—	—	0,003	—

из наиболее доступного, скорее всего, местного сырья — из меди. Ряд древних выработок на медь обнаружен в районе Мугоджар¹².

Необходимо также учесть вероятность взаимообмена предметами военного дела, в частности наконечниками стрел, между савроматскими племенами и граничащими с ними сакскими.

¹² Руденко Б. М., Нарвайт Г. Э. О закономерностях размещения месторождений и рудопроявлений в Южных Мугоджахах. — ВАН КазССР, 1963, № 6.

Наконечники стрел саков Северного, Центрального и Южного Казахстана

Проанализированные наконечники стрел (всего 98 проб), найденные в могильниках Алыпкаш (Северный Казахстан), Тасмола, Карамурун, Нурманбет (Центральный Казахстан) и Бесшатыр (Семиречье), относятся к V в. до н. э. Наконечники характеризуются большим разнообразием: с удлиненной втулкой лавролистной формы, трехгранные втульчатые и с черешком, трехлопастные с укороченной втулкой и четырехгранные со скрытой втулкой. Спектральный анализ (см. табл. 1 и диаграмму) показал, что ведущим металлом при изготовлении оружия у саков были оловянно-мышьяковистые бронзы. Более половины всех образцов представляют собой сплав меди с 5—10% олова и 3—5% мышьяка (табл. 3).

Таблица 3
Относительное распределение металла в сакских наконечниках стрел по районам Казахстана, %

Район	Количество образцов	Бронзы				Медь
		оловянно-мышьяковистые	оловянные	мышьяковистые	свинцовые	
Северный Казахстан	26	52	48	—	—	—
Центральный Казахстан	24	56	10	18	5	11
Южный Казахстан (Семиречье)	48	63	16	8	3	10

Как видно из таблицы 3, металл наконечников стрел из Северного Казахстана несколько отличается от металла наконечников центрально-и южноказахстанских. В могильнике Алыпкаш все образцы, без исключения — оловянные и оловянно-мышьяковистые бронзы (приблизительно по 50%). Наконечники стрел из Центрального и Южного Казахстана идентичны по характеру сплавов. Также как и для североказахстанских материалов, 60% — оловянно-мышьяковистые сплавы, 10—15% — чисто оловянные бронзы, 10% — чисто мышьяковистые, 5% — свинцовые и 10% — медные.

Заметим, что имеется весьма незначительное количество данных, раскрывающих состав бронзовых предметов сакского периода на территории Казахстана. С. С. Черников¹³ приводит таблицы химического состава (около 300 анализов) бронз Восточного, Северного, Южного Казахстана и Северной Киргизии от позднеандроновского периода до III—II вв. до н. э. По его данным, все виды изделий Северного и Восточного Казахстана изготовлены исключительно из оловянистых бронз.

¹³ Черников С. С. К вопросу о составе древних бронз Казахстана. — СА, 1951, XV.

Существует точка зрения «о массовом переселении в VII—V вв. до н. э. потомков андроновских племен — носителей культуры сакского типа на территорию Семиречья и юга Казахстана»¹⁴. Результаты спектрального анализа наших образцов, в свою очередь, показали большое сходство по типам сплавов наконечников стрел из могильников Центрального Казахстана и Семиречья.

Таким образом, выполненные нами анализы бронзовых наконечников стрел позволяют сделать следующие выводы:

наконечники стрел из могильников савроматской культуры Северо-Западного Казахстана по химическому составу и характеру бронз отличались от сакских из соседних районов Центрального и Южного Казахстана. Вероятно, каждое региональное общество савроматов и саков имело свою собственную металлургическую базу. Археологические раскопки также указывают на некоторые различия типов сакских наконечников стрел и «собственно скифских, сарматских»¹⁵;

основная масса (60—70%) савроматских наконечников стрел имеет медную основу, остальные представляют собой сплав меди с мышьяком, оловом и свинцом. Многообразием сплавов отличается материал могильника Бесоба;

основным металлом для наконечников стрел у саков были оловянисто-мышьяковистые и оловянистые бронзы. Эти два вида сплавов наиболее характерны для образцов из могильника Алыпкаш (Северный Казахстан), которые, в свою очередь, незначительно отличаются от семиреченских и центральноказахстанских;

бронзовые наконечники стрел из могильников Центрального Казахстана и Семиречья (Бесшатырский могильник) идентичны по выделенным группам. Вместе с тем для них характерно разнообразие типов сплавов.

В заключение хотелось бы отметить, что спектральный анализ многочисленных наконечников стрел, с одной стороны, в определенной степени характеризует металлургическое производство эпохи ранних кочевников (середина I тыс. до н. э.), с другой — служит сравнительным материалом при изучении наиболее массовых предметов вооружения сакской и савромато-сарматской культур Казахстана.

¹⁴ Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней..., с. 134.

¹⁵ Там же, с. 135.

СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ КЕРАМИКИ СО ЗНАКАМИ ГОРОДИЩА ОТРАР

Среди поливных изделий Отара XVI—XVIII вв. немногочисленную группу составляет керамика со знаками. По мнению исследователей, знаки, выявленные на фрагментах керамики с Отара и из других мест¹, совпадают с начертанием родовых тамг некоторых казахских племен и потому могут свидетельствовать «либо о родо-племенной принадлежности мастера, либо о принадлежности той или иной мастерской главам казахских родов»².

Керамические изделия со знаками давно привлекают внимание исследователей, и о назначении отметок были высказаны различные мнения³. В настоящей статье сделана попытка выяснить, отличаются ли изделия со знаками какими-либо технологическими особенностями от остальной керамики этого периода, а также существуют ли различия в технологии изготовления сосудов с разными знаками. С этой целью тесто, полива, красители и подглазурный ангоб отобранных образцов изучались методами оптического и спектрального анализов.

В нашем распоряжении было 83 фрагмента поливных изделий, взятых из раскопов I, III, V 1971—1977 гг. городища Отар. Сюда вошли 67 фрагментов чаш на кольцевом, реже дисковидном поддоне с рос-

¹ Ерзакович Л. Б. О позднесредневековом городище Сузак. — Известия АН КазССР, серия общественная, 1966, № 3, с. 69; Он же. Поливная керамика городища Сузак XIII—XVIII вв. — Вестник АН КазССР, 1966, № 5, с. 80; Жолдасбаев С. Раскопки поселения Жалгыстам. — В кн.: В глубь веков. Алма-Ата, 1974, с. 183.

² Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отар. Алма-Ата, 1972, с. 200.

³ Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии. М.—Л., 1959, с. 110; Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967, с. 124; Максимова А. Г., Мерциев М. С., Левина Л. М. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968, с. 111, 117—119; Ахинжанов С. М. К вопросу о знаках на керамике. — В кн.: Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975, с. 52—55.

писью марганцем и голубым, марганцем и бирюзой, марганцем под бесцветной поливой, марганцем под прозрачной голубой поливой, а также чаши с голубой и зеленой поливой и 15 фрагментов боковин тарелок с голубой и зеленой поливой и с росписью марганцем под голубой прозрачной поливой. Из них 39 фрагментов со знаком в виде косого (X) или прямого (+) креста; 11 фрагментов со знаком в виде устроенной прямой линии (III); 12 образцов с изображением удвоенной прямой (II); 9 с изображением одной прямой (I); 4 фрагмента с изображением в виде трех прямых, соединенных под острым углом (Y); 4 фрагмента со знаком III; 4 фрагмента с изображением круга, перечеркнутого линией пополам (O)⁴. Из 83 фрагментов 19 имеют знаки, выполненные краской до покрытия поливой, на внутренней стороне донца, на остальных фрагментах знаки процарапаны или четко прорезаны на поддонах с внешней стороны.

Керамика со знаком X или +. В изделиях этой группы зафиксировано 2 вида щелочной поливы: K—Ca—Na—Mg-силикатная; Na—Ca—Mg-силикатная и щелочная глазурь с незначительным добавлением окиси свинца. Нанесена глазурь на кремнеземистый ангоб толщиной 0,15—0,2 мм. В большинстве фрагментов полива тугоплавкая, недостаточно проварена — в глазурном слое значительное число нерасплавившихся зерен кварца и наколов, особенно на участках, окрашенных марганцем.

Температура обжига находится в интервале 950°—1150°. Глухая полива отсутствует, прозрачная — глянцевая, реже — матовая. Изломы одних фрагментов с глянцевой поливой имеют сальный блеск, другие — водянистый. Анализы показали, что эти различия зависят от способа приготовления глазури. В первом случае компоненты глазури взяты в пропорции 1 : 1 : 1, во втором повышено содержание полевого шпата. В качестве красителей использованы окислы Mn, Cu, Fe, Co, Ni, Cr.

В приготовлении теста зафиксирован один технологический прием — смешивание карбонатной и ожелезненной глин в разных пропорциях — 1 : 1, 1 : 2, реже 2 : 1. Естественной примесью во всех образцах является песок (концентрация очень высокая), реже встречаются включения известняка и лимонита. Искусственной примесью являются рогоза и очень редко пылевидный шамот. Наблюдаемый в тесте некоторых образцов «бархатистый» или «стеклянный» блеск зависит не столько от состава теста, сколько от газового и температурного режимов обжига.

Керамика со знаком III. Для этой группы характерна Na—Ca—Mg-силикатная, прозрачная, глянцевая, хорошо проваренная легкоплавкая глазурь с водянистым блеском излома. Температура обжига выше 1100°. Для получения голубого цвета росписи использованы окислы Cu, для коричневого — окислы Mn с незначительной добавкой окиси Fe. Тесто приготовлено или путем смешивания карбонатной и ожелезненной глин с небольшим преобладанием последней, или из карбонатной очень

⁴ См.: Востров В. В., Муканов М. С. Родо-племенной состав и расселение казахов. Алма-Ата. 1968, с. 54, 66, 88; Кенесбаев С. Фразеологический словарь. Алма-Ата, 1976, с. 622—629.

запесоченной глины. Кроме кварцевого песка естественной примесью являются редкие включения известняка и лимонита. В качестве искусственного отощителя использована рогоза.

Керамика со знаком II. Для изделий с этим знаком характерна щелочная Na—Ca—K—Mg-силикатная глазурь с незначительной добавкой окиси свинца (тысячные доли %). Полива прозрачная, глянцевая двух видов: с сильным блеском излома и с водянистым. В качестве красителей использованы окислы Mn, Fe, Cu, Co.

Таблица 1
Технологические признаки керамики Оттара XVI—XVII вв.

	Изделия без знаков	Изделия со знаками
Тип поливы	Щелочная (Na—Ca—K—Mg—Si; Na—Ca—K—Mg—Si). Щелочь — свинец — оловянная (Na—Ca—Pb—Sn—Si)	Щелочная (Na—Ca—K—Mg—Si; Na—Ca—Mg—Si; K—Ca—Na—Mg—Si) Свинцово-щелочная (Na—Ca—Mg—Pb—Si)
Красители (окислы металлов)	Mn, Cu, Fe, Co, Ni, Cr	Cu, Mn, Fe, Co, Ni, Cr
Подглазурная основа	Кремнеземистый ангоб	Кремнеземистый ангоб
Тип глин	Карбонатная + ожелезненная, Преобладает ожелезненная или смешаны в равных пропорциях	Карбонатная и ожелезненная смешаны в пропорциях 1:1, 1:2.
Примеси	естественные	Кварцит, полевой шпат, известняк, гипс, лимонит, охристая глина
	искусственные	Рогоза, соломка
Техника формовки	Вытягивание на круге, обработка поддона деревяным инструментом	Вытягивания на круге, подпразка поддона деревяным инструментом
Обжиг	Окислительный, 950—1200°C	Окислительный, 950—1150°C.

Тесто приготовлено из смеси карбонатной и ожелезненной глин с небольшим преобладанием ожелезненной. Глина очень запесоченная с редкими включениями бурого железняка. Искусственная примесь — рогоза. Температура обжига около 1100°.

Изделия с изображением на поддоне *одной прямой I* покрыты щелочной Na—Ca—Mg—Si, глянцевой, прозрачной, плохо проваренной ту-

тесто	0,001	0,2	1,0	Сл.
ангоб	Сл.	0,07	1,0	»
глазурь	0,01	3—5	3—5	»
тесто	0,001	0,1	>1,0	1,0
ангоб	0,01	0,01	0,5	—
глазурь	0,001	0,1	1,0	0,5
тесто	—	—	1,0	—
ангоб	0,005	Осн.	Осн.	—
глазурь	0,03	»	20	0,3
краситель (синий)	0,005	20	10	—
тесто	0,003	0,01	0,5	—
глазурь	0,05	≥1,0	1,0	—
тесто	Сл.	Сл.	0,5	—
глазурь	0,005	0,01	0,3	—
ангоб	—	—	0,2	—
краситель (голубой)	0,005	0,01	0,3	—
краситель (коричневый)	0,02	0,05	0,1	—
тесто	0,005	0,3	>1,0	1,0
глазурь	0,02	≥1,0	1,0	—
тесто	0,005	1,0	10	1,0
глазурь (голубой)	0,3	Осн.	1,0	1,0
краситель (коричневый)	0,1	10	1,0	1,0
тесто	—	0,01	1,0	—
глазурь	0,005	0,1	0,3	—
краситель (голубой)	0,005	0,05	0,5	—
краситель (коричневый)	0,02	1,0	0,1	—
тесто	0,001	0,2	>1,0	—
ангоб	0,005	—	0,5	—
глазурь	0,005	1,0	1,0	—
тесто	0,001	0,5	1,0	0,1
глазурь	0,02	1,0	1,0	—
краситель (коричневый)	0,03	1,0	1,0	—
тесто	0,001	0,1	1,0	0,1
глазурь	0,001	1,0	10	0,3
краситель (голубой)	0,005	10	Осн.	0,2
тесто	0,01	0,5	1,0	0,3
глазурь	0,03	1,0	—	0,1
краситель (синий)	0,005	10	10	1,0
тесто	0,003	0,5	Осн.	0,1
ангоб	0,001	0,1	0,3	—
глазурь	0,3	Осн.	10	0,5
тесто	<0,001	1,0	Осн.	—
ангоб	<0,001	0,005	0,1	—
глазурь	0,005	1—5	>1,0	—
тесто	0,005	0,1	10	0,1
глазурь	0,05	1,0	10	0,1

Н Т О В , %

Cu	Co	Ba	Li	Cr	Sn	Si
0,001	—	0,05	0,1	0,005	Сл.	Осн.
0,001	—	0,03	0,05	0,003	—	»
0,01	—	0,01	0,03	Сл.	0,001	»
0,002	—	0,01	0,03	0,007	—	»
0,001	—	0,01	0,03	<0,01	—	»
0,5	—	0,001	0,003	0,001	—	»
Сл.	—	Сл.	—	—	—	1,0
0,005	—	0,01	—	—	—	Осн.
0,01	—	0,03	0,02	—	—	»
0,03	0,3	0,02	—	0,005	—	»
0,05	—	—	—	Сл.	—	»
0,2	—	—	—	0,01	0,05	>1,0
0,2	—	—	—	—	—	»
0,03	—	—	—	0,003	0,001	>1,0
—	—	—	Сл.	—	—	Осн.
0,03	—	—	—	0,003	0,001	»
0,05	—	—	—	—	0,003	»
0,005	—	—	0,01	0,003	—	»
0,5	—	0,02	—	0,001	—	»
0,005	—	0,1	—	0,005	—	»
1,0	<0,01	0,01	0,001	0,01	0,03	»
0,003	—	0,05	0,05	0,3	—	»
0,001	—	0,01	0,01	—	—	»
0,003	—	—	—	0,003	—	»
0,5	—	—	—	—	0,03	»
0,005	—	—	Сл.	—	—	»
0,001	—	—	0,01	0,001	—	»
—	—	0,01	0,002	—	—	»
0,5	—	—	—	0,01	—	»
0,001	—	0,03	0,05	0,002	—	»
0,03	—	—	0,01	0,001	Сл.	»
—	—	0,02	0,01	—	0,03	»
0,001	—	0,05	0,05	—	Сл.	»
0,01	—	0,01	0,03	0,001	—	»
3,0	<0,001	0,01	0,02	0,001	—	»
0,002	Сл.	0,05	0,07	0,005	—	»
0,05	»	—	Сл.	0,001	—	»
0,3	1,0	0,02	0,03	—	—	»
0,05	—	0,03	—	0,005	Сл.	»
0,003	—	0,01	—	0,002	»	»
0,001	—	0,03	—	0,007	»	»
0,002	—	0,05	—	0,007	—	»
0,02	—	—	—	—	—	»
0,2	—	—	0,01	0,002	—	»
0,005	—	0,05	0,07	0,005	—	»
0,05	—	0,03	0,6	0,3	0,001	»

гоплавкой поливой. Глазурный слой значительно загрязнен нераспавившимися зернами кварца, согласованность с основанием невысокая. Температура обжига лежит в интервале 900—1100°.

Для приготовления теста карбонатная и ожелезненная глины смешаны в пропорциях 1 : 1 и 1 : 2. Кроме песка естественной примесью являются редкие включения известняка, лимонита, красной охристой глины.

В изделиях со знаком γ зафиксирована прозрачная, с сильным блеском глянцевая, чуть мутноватая щелочная глазурь со значительным добавлением окиси свинца. Согласованность с основанием невысокая. Температура обжига приблизительно 1000—1100°. Красителями служили окислы Mn и Co с добавлением окиси Cu.

Тесто приготовлено из смеси глин со значительным преобладанием ожелезненной. Естественные примеси во всех фрагментах — кварцевый песок (очень высокая концентрация), известняк и лимонит, искусственная — рогоза.

Малочисленность фрагментов изделий с другими знаками не позволила выделить их в отдельные группы. Можно сказать, что и для остальных образцов характерна натриевая щелочная, глянцевая, прозрачная полива с обязательным кремнеземистым подглазурным ангобом. Роспись выполнена минеральными красками — окислами Cu, Mn, Fe, Co. Температура обжига колеблется от 1000 до 1100°. Для приготовления теста также использован прием смешивания двух глин с преобладанием ожелезненной. Аналогичны описанным естественные и искусственные примеси.

Результаты анализов изделий со знаками и изделий периода XVI—XVIII вв. с подобными росписью и глазурью показывают, что в технологии изготовления керамики со знаками сохраняются распространенные в это время на Отрапе способы приготовления теста — смешивание двух глин в разных пропорциях, большей частью с преобладанием ожелезненной, с искусственным отощителем — рогозой. Как и во всей отрапской поливной керамике XVI—XVIII вв., в изделиях со знаками преобладает щелочная нескольких вариантов, прозрачная, глянцевая глазурь, нанесенная на кремнеземистый ангоб. Однаков и набор красителей — окислы Mn, Cu, Fe, Co, Ni, Cr (табл. 1). Это позволяет сделать вывод, что керамика с тамгообразными знаками, встречающаяся на Отрапе и его Карагатуской периферии (г. Культобе и Сузак)⁵, изготовлена именно в XVI—XVII вв. и является местной традицией.

При сравнении результатов анализов изделий с разными знаками замечено, что при одних и тех же компонентах и типах глин имеются небольшие различия в рецептах составления глазури и теста (табл. 2). Однако малочисленность фрагментов не позволяет выделить технологические особенности каждой группы. Кроме того, в каждой группе изделий со знаками можно выделить подгруппы, различающиеся по способу

⁵ Анализы 14 образцов поливных чаш из Культобе со знаками X, III, II, I также показали щелочную с значительным добавлением окиси свинца, глянцевую, прозрачную глазурь с обязательным кремнеземистым подглазурным ангобом. Черепок изготовлен из смеси карбонатной и ожелезненной глин в пропорциях 1:1, 1:2.

приготовления теста и составу глазури. Так, в изделиях с крестообразным знаком таких подгрупп насчитывается шесть.

Оптический анализ керамики со знаками показал, что в некоторых образцах знаки прорезаны или процарапаны уже после обжига, на готовых изделиях. Аналитическими данными установлено, что некоторые образцы со знаками, нанесенными после обжига, по технологическим признакам (состав теста и глазури, температурный и газовый режимы обжига) аналогичны фрагментам со знаками, выполненными до обжига. Это позволяет сделать вывод, что все эти изделия изготовлены в одной мастерской. Другие фрагменты, отличаясь по технологическим признакам от остальных образцов своей группы, очень близки изделиям, не имеющим никаких знаков. Возможно, мастер, изготавливая посуду для уплаты налога владельцу мастерской⁶,ставил знак до обжига, на недостающей по какой-либо причине части сосудов после обжига. Или же покупательставил свой родовой знак на приобретенную посуду.

Представляют интерес и фрагменты с двумя знаками. Чаще встречается сочетание косого креста \times и удвоенной прямой II. На имеющихся фрагментах оба знака выполнены до обжига. Возможно, это сочетание говорит о породнении представителей разных племенных групп в городских условиях.

Таким образом, результаты анализов позволяют сделать вывод, что керамические изделия со знаками, выполненными до обжига, не отличаются по технологическим признакам от остальной керамики Оттара XVI—XVII вв., являются продукцией местного производства и изготовлены в нескольких мастерских, различающихся своими особыми приемами приготовления теста и глазури, не ранее XVI в.

⁶ Ахинжанов С. М. К вопросу о знаках на керамике позднесредневекового Оттара. — В кн.: Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975, с. 56.

**МЕЧЕТЬ XIV-XV ВВ. В ОКРЕСТНОСТЯХ ОТРАРА
(Поселение Байылдыр)**

Поселение Байылдыр расположено в 4 км юго-восточнее Отара. Название происходит от современного поселка Байылдыр, который расположен прямо на развалинах старого селения. Селение состоит из более 20 беспорядочно разбросанных (рис. 1) плоских тепе высотой от 20 до 80 см. Расстояние между ними 20—60 м. С южной стороны селения проходит канал, вода в который поступает из р. Арысь. По рассказам местных жителей, канал этот был сооружен в 30-е гг. на старом русле. Вероятно, канал служил и жителям старого селения для полива.

С южной и западной сторон тепе, где мы производили раскоп, имеются следы поздних землянок. По сообщению местных информаторов, в начале 20-х гг. в одной из землянок жил Данлыбай, поэтому тепе названо его именем.

Данлыбай-тепе квадратное по форме, размером 25×25 м, высотой 60 см. Подъемный материал не встречается. Раскоп заложен размером 20×20 м. После снятия верхнего слоя (20 см) обнаружилось четырехугольное сооружение 19×19 м, которое имело 20 помещений (рис. 2). Все комнаты расположены симметрично относительно центральной. Толщина общей внешней стены 110 см, сохранившаяся высота — один ряд жженого кирпича (35×35×5 см). Внутренние стены помещений встречаются высотой в два-три кирпича, имеют ширину одного кирпича (35 см). Пол во всех помещениях глиняный, утрамбованный, хороший сохранности. Культурный слой легко снимается.

Помещение 1 (рис. 3) четырехугольное, размером 6,1×6,1 м. Оно является центральным. Вход в него расположен в юго-восточном углу помещения 18 и имеет ступеньки (1,15×1,7 м), выложенные жженым кирпичом. На расстоянии 1 м от входа сделан квадратный столик (1 м^2) высотой в два ряда жженого кирпича. При зачистке около него найден

чираг. Возможно, столик служил подставкой для светильников. В центре помещения обнаружены остатки колонны в виде тумбы, сложенной из обломков жженого кирпича (рис. 3, б), с отверстием посередине для де-

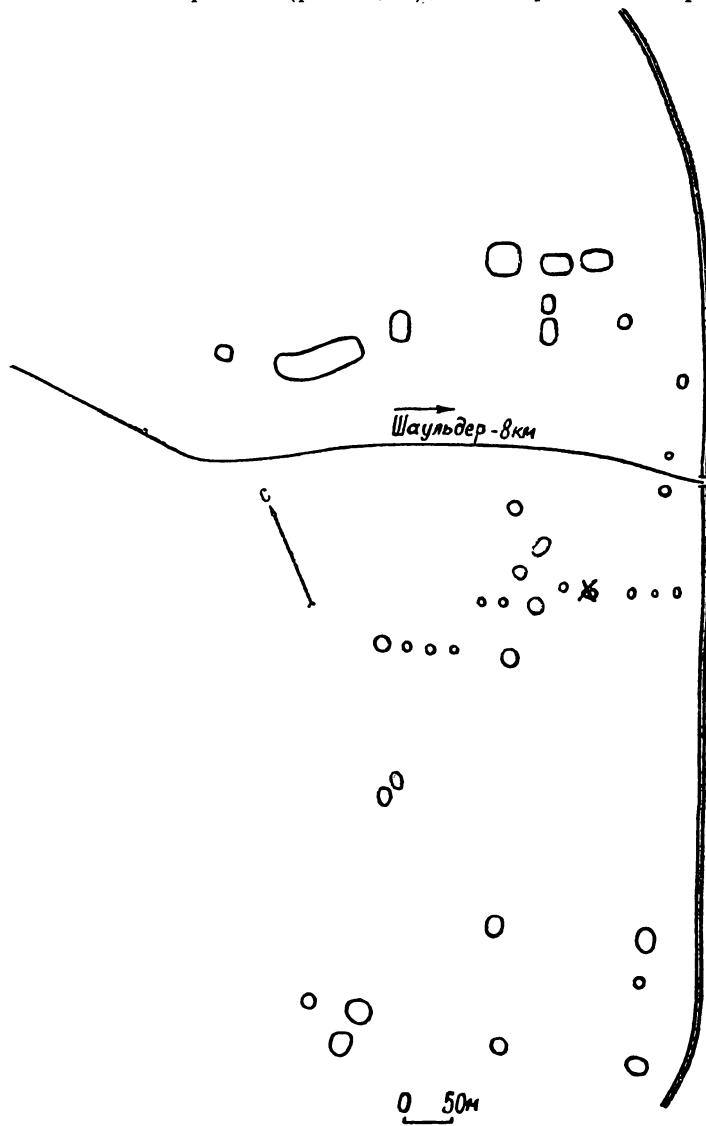

Рис. 1. План поселения Байылдыр

ревянной колонны. Можно предположить, что помещение имело какое-то перекрытие.

Настоящее сооружение, по-видимому, являлось мечетью или медресе. Об этом свидетельствует расположение комплекса, который ориен-

тирован, как все мечети или медресе, в сторону киблу, а главный вход сделан с востока¹.

К центральному помещению с южной и северной сторон примыкают соответственно помещения 2 и 12, их размеры $3,4 \times 1,1$ м. Дверные проемы не прослеживаются. Сохранившиеся стены высотой 8—12 см, в два-

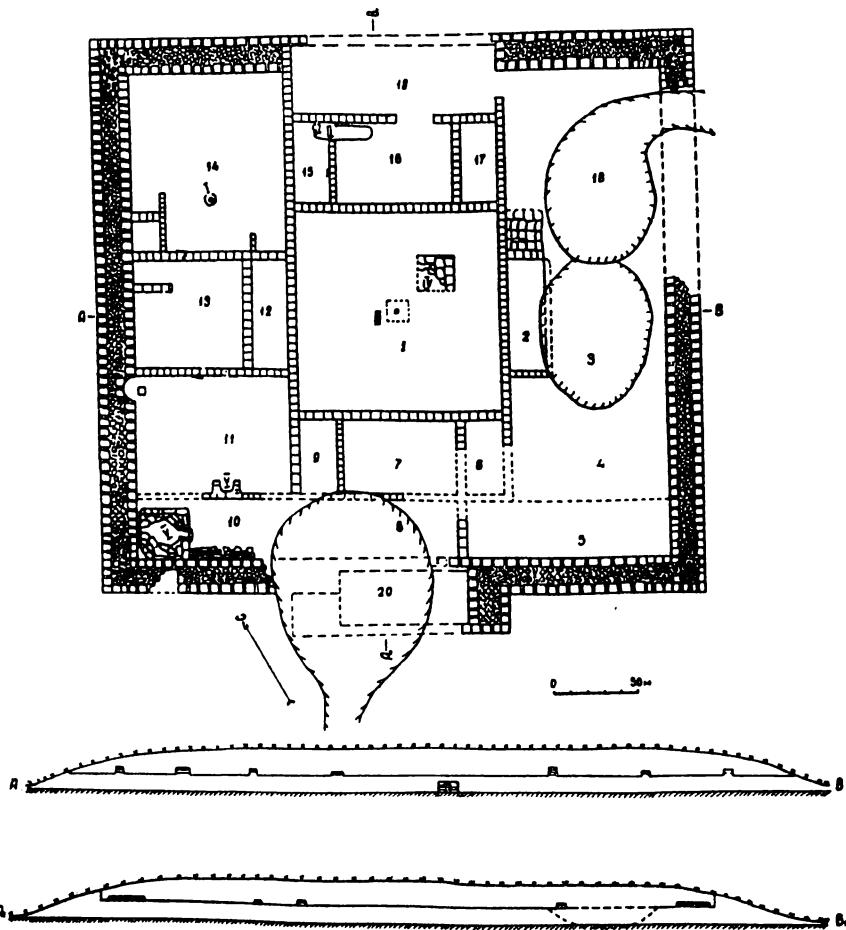

Рис. 2. План жума-мечети

три ряда кирпичей. Внутри не прослеживаются следы строений. Южная сторона помещения 2 разрушена землянкой. Помещение 12 хорошей сохранности.

С западной и восточной сторон к центральному помещению примы-

¹ Бартольд В. В. Ориентировка первых мусульманских мечетей. — Соч., т. VI. М., 1966, с. 537—540; Коран. Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. М., 1963, Сура 2 (139), с. 30.

a — центральное помещение, вид с востока, *б* — его центральная

кают помещения 7,16, их размеры $3,45 \times 2,45$ м. Западная и южная стены помещения 7 разрушены. В северо-западном углу обнаружен подковообразный очаг. Веридимо, очаг использовался только для отопления комнаты. Вход в помещение, вероятно, был из помещения 8; он разрушен поздней землянкой. Вход в комнату 8 вел из дализа (дәліз)² или айвана 20. В центре помещения 6 также обнаружены следы открытого очага, который использовался для отопления.

С восточной стороны к центральному помещению по углам примыкают комнаты 15, 17, с западной стороны — помещения 6 и 9. Их размеры $2,65 \times 1,1$ м. Во время зачистки в северо-восточном углу помещения 9 найдена одна монета, относящаяся к чагатайскому времени (XVI в.).³ К центральному помещению с северной стороны по углам примыкают два больших помещения — 11, 14 (рис. 4, а). В северо-западном углу помещения 11 размером $4,7 \times 3,5$ м, у западной стены обнаружен очаг (рис. 4, б) для приготовления пищи. Размер его 90×60 см. Во время зачистки здесь найдены обломки поливной керамической посуды и кости домашних животных. В северо-восточном углу, прямо у стены обнаружено круглое углубление, выложенное кирпичами в два ряда (10 см). По-видимому, там стоял хум. Вход прослеживается в юго-западном углу у смежной с помещением 10 стены.

Помещение 14 размером $4,7 \times 5,5$ м в центре (а не перед очагом, как обычно) имеет ташнау. Он, вероятно, служил для омовения перед чтением молитвы. Дверной проем не прослеживается, можно предположить, что он был со стороны дализа 19. В северо-западном и юго-западном углах находились закрома, выполненные из жженого кирпича. Во время зачистки помещений найдены обломки поливной и неполивной посуды.

Между помещениями 11, 12, 14 расположено помещение 13, размером $3,4 \times 3,4$ м. В северо-восточном углу его прослежены разрушенные закрома. Это помещение сообщалось с кухней и служило подсобной комнатой.

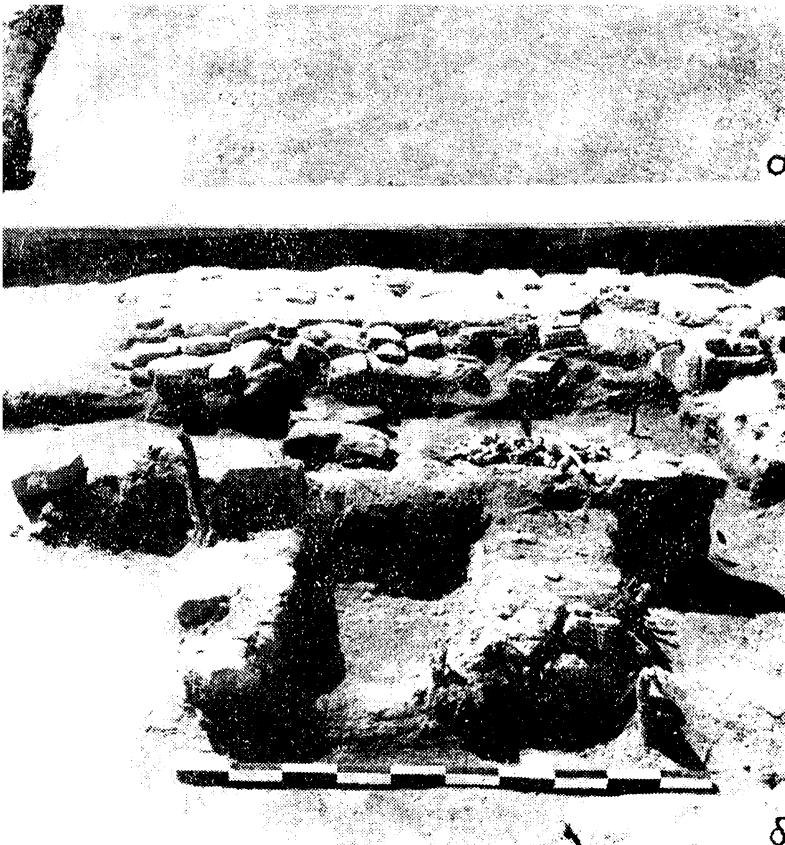
С южной стороны, по углам, к центральному помещению примыкают два больших помещения — 4, 18. Размеры их соответственно совпадают с размерами помещений 11, 14. В помещении 4 западная и восточная стены разрушены. Помещение 18 тоже разрушено. Между помещениями 4, 18 расположена комната 3, размеры которой совпадают с размерами помещения 13. Оно разрушено поздней двухкамерной землянкой.

Восточное помещение 19 ($6,2 \times 2,1$ м) служило дализом. Главный вход в центральное помещение находился с этой стороны. Наружная стена охватывает все постройки, а перед дализом с обеих сторон толщина стены уменьшается и составляет один ряд кирпича (35×35 см).

Дализ 20 с западной стороны размером меньше дализа 19 и имеет несколько иное строение. Основная стена с западной стороны выступает наружу на 1,5 м. В остальном строение этого помещения полностью

² Передняя комната в Средней Азии называется айван, в Южном Қазахстане — дәліз, а в Семиречье — далаң.

³ Определение Р. З. Бурнашевой.

4. а — помещения 14, 13, 11, вид с востока, б — очаг в помещении

совпадает с дализом 19. Позднее дализ 20 и прилегающее к нему помещение 8 были разрушены однокамерной землянкой.

В северо-западном углу помещения 10 ($4,7 \times 1,75$ м) расположена очаг размером $1,3 \times 1,3$ м с отверстием для котла диаметром 50 см и топкой шириной 15 см, высотой 20 см. Топка была закрыта двумя кирпичами. Дымоход проследить не удалось из-за отсутствия наружной стены. По-видимому, он шел по стене. Рядом с очагом, у западной стены расположены полки в виде выступов длиной 2,2 м, шириной 50 см, высотой 40 см. Очевидно, на них ставили кухонную утварь. В помещении найдены обломки керамики и кости домашних животных. Оно сообщалось с помещениями 8 и 11.

Помещение 5, расположенное в юго-западном углу тепе, — самое длинное и узкое ($6,5 \times 1,75$ м). Внутри никаких строений не прослеживается, смежная с помещением 4 стена разрушена. По всей вероятности, это помещение являлось подсобным.

Ни в одном из помещений не обнаружено хозяйственных или мусорных ям, хотя во время раскопок жилых помещений средневековых поселений и городищ в каждой комнате встречаются по две-три ямы. В нашем комплексе не встречаются ташнау, за исключением помещения 14, которое, как мы полагаем, служило для омовения.

В процессе раскопок было установлено, что комплекс во время своего существования содержался в чистоте и порядке. Михраб не прослеживается, может быть, его не устроили из-за малогабаритности комплекса. Если судить по столику для светильника, который находится в юго-восточном углу, мулла стоял во главе читающих молитвы у южной стены.

По данным письменных источников, в Отрапе и в других городах этого района было построено много медресе и мечетей⁴. По-видимому, и наш комплекс в свое время (XIV—XVI вв.) служил для упрочнения и распространения ислама. По плану и ориентировке он идентичен поздним культовым сооружениям, которые встречаются на всей территории Южного Казахстана и Средней Азии⁵.

Комплекс имел два главных входа. Один вел к центральному помещению с восточной стороны, т. е. из дализа 19. Этот вход считался, очевидно, служебным. Из него паломники попадали в служебные помещения (1, 2, 9, 12, 15, 17, 18). Второй вход, с западной стороны, был хозяйственным. Он вел на кухню (10, 11). Вероятно, небольшие комнаты 2, 6, 9, 12, 15, 17 отводились для учеников — будущих проповедников. Помещения 3, 4, 7 — дарсхана, где проводились занятия по изучению корана. В помещении 16 принимали паломников.

⁴ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Спб., 1884, с. 75.

⁵ Мендикулов М. М. К характеристике архитектуры Казахстана XIX—XX вв. — В кн.: Архитектура Казахстана. Алма-Ата, 1959, с. 127—131; Массон М. Е. Регистан и его медресе. Ташкент, 1925, с. 4—7; Он же. Соборная мечеть Тимура, известная под именем Биби-Ханум. Ташкент, 1926; Нильсен В. А. Некоторые сырцовые купольные постройки на юге долины Сурхандарьи.— В кн.: История материальной культуры Узбекистана. Вып. 3. Ташкент, 1962, с. 115, рис. 9.

Кроме основного раскопа, были заложены еще три шурфа. Нижний слой одного из них дал материал XII в. В результате шурфовки третьего тепе собрана керамика, идентичная материалам основного раскопа. Подъемный материал из других жилищ и селений окрестностей Отара датируется XIV—XVI вв. На основании этих данных можно предположить, что поселение существовало в XIV—XV вв.

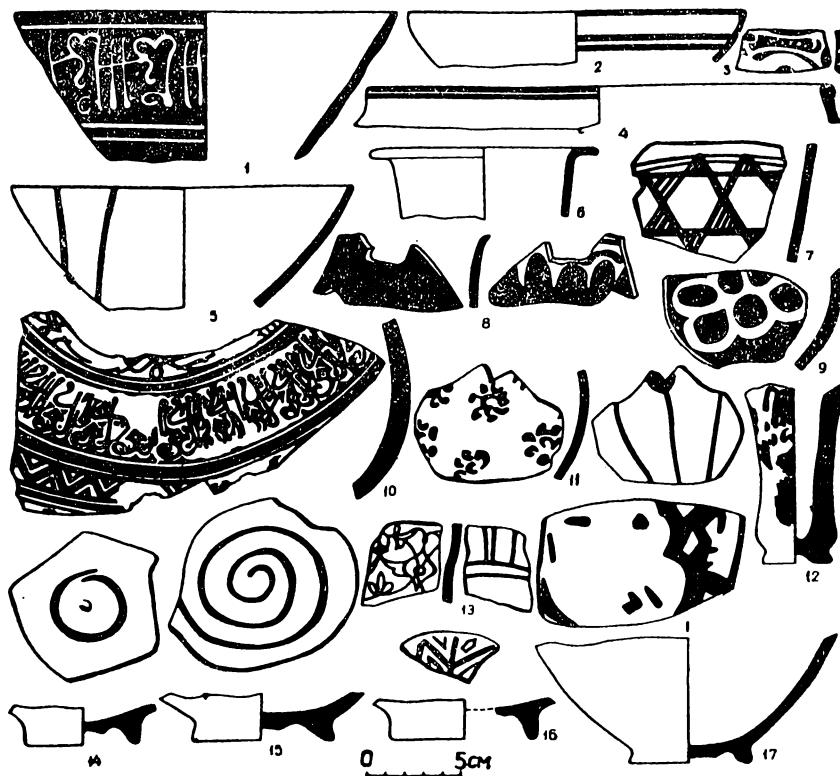

Рис. 5. Поливная керамика

Керамика основного раскопа делится на поливную и неполивную. Поливная керамика (рис. 5) в основном представлена фрагментами чаши типа кесе (диаметр венчика 18—20 см) с двуцветной росписью на кольцевом поддоне. Формы их разнообразны: коническая с плавно выгнутыми стенками (рис. 5, 1, 17) и сужающаяся к концу (рис. 5, 3), с выгнутой боковиной (рис. 5, 9, 11), есть фрагменты венчика с плавно выгнутым наружу краем. Все чаши сделаны из глины с примесью дресвы. В изломе они серые, красноватые, покрыты темно-серым или красноватым ангобом. Посуда украшена разноцветной росписью — коричневой, голубой, реже черной. Интересно, что в керамике XIV--XV вв. исчезает желтый и зеленый цвет и начинает преобладать коричневый в

сочетании с красным, голубой в сочетании с синим цветом. В слоях XV в. появляется керамика болотного и черного цвета.

По сюжету орнамент можно разделить на растительный и линейно-геометрический. Встречаются фрагменты из пятен и точек. В целом по орнаментации керамика близка к коллекции отарской поливной керамики седьмого строительного горизонта и городищ северных склонов Карагатая⁶.

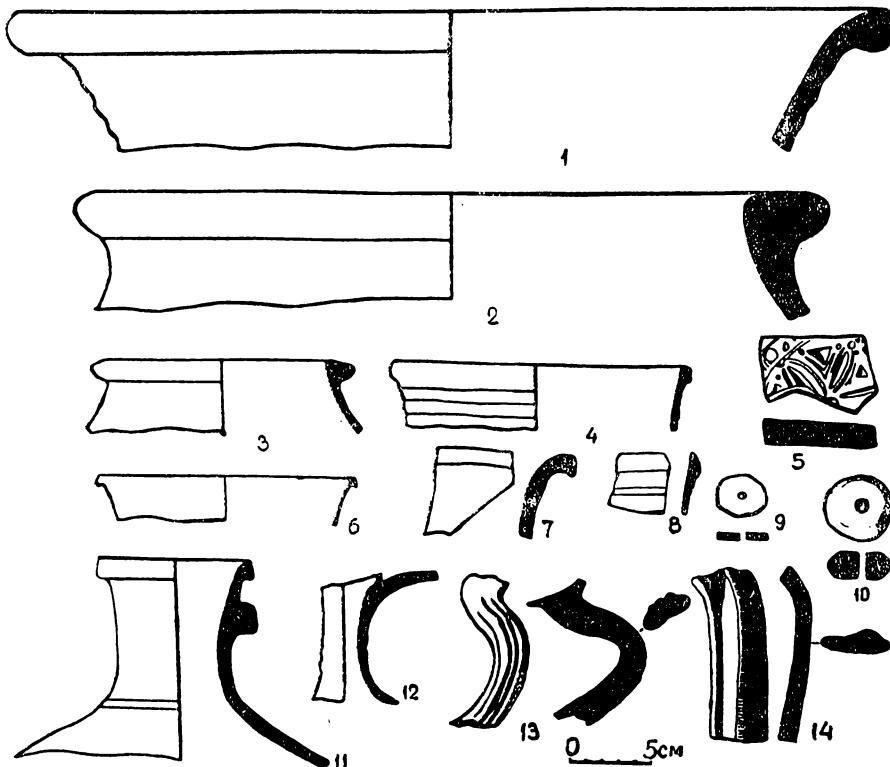

Рис. 6. Неполивная керамика

Наряду с чашами встречаются низкошайные горшки (диаметр 25 см) синего цвета. Найдена единственная миска такого же цвета с прямым бортиком, край которой отогнут наружу и образует полочеквидный венчик (2 см) (рис. 5, 6). Кроме того, обнаружены обломки свечильника зеленого цвета (рис. 5, 13). В двух случаях на боковинах чащ

⁶ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Оттар. Алма-Ата, 1972, с. 112, рис. 68; Агеева Е. И. Общий обзор находок. — В кн.: Археологические исследования на северных склонах Карагатая. Алма-Ата, 1962, с. 202—205; Ерзакович Л. Б. Поливная керамика городища Сузак XIII—XVIII вв. — Вестник АН КазССР, 1966, № 5, с. 78—81.

встречается стилизованная арабская надпись (рис. 5, 1, 10), прочесть которую не удалось. Обе чаши сделаны из хорошего теста, одна покрыта красно-коричневой краской, другая — темно-коричневой. На одной чаше надпись сделана в виде гравировки (рис. 5, 10), на другой — в виде орнамента на темной красновато-коричневой поверхности. В общем комплексе материала эти фрагменты по своей форме, способу изготовления и орнаментации отличаются от других. Вероятно, эта посуда принадлежит Кашинским изделиям вообще не встречаются.

Неполивная посуда (рис. 6) в основном изготовлена на гончарном круге из хорошо вымешанного плотного серого и красноватого теста, почти без примесей. Найденные изделия представлены разнообразными формами: чаши диаметром 15 см (рис. 6, 4, 10), кувшины узкогорлые диаметром 3—6 см (рис. 6, 12), широкогорлые диаметром 8—10 см (рис. 6, 11), тагоры больших размеров (рис. 6, 1, 2) — диаметр их по венчику достигает 55 см. Края венчика отогнуты наружу под прямым или косым углом, ширина их 2—3 см, стенки от венчика ко дну постепенно утолщаются и переходят в массивное толстое дно. Внутри, а иногда снаружи тагоры покрыты коричнево-красноватым ангобом.

В большом количестве найдены также петлеобразные и коленчатые ручки от различных, возможно, кувшинообразных сосудов (рис. 6, 13, 14). Прикреплялись они вертикально, имели в сечении М-образную или овальную форму. Среди неполивных изделий обнаружен фрагмент украшенного резным орнаментом дастархана (рис. 6, 5), который аналогичен дастархану Оттара восьмого строительного горизонта⁷.

В материалах шурфа 2 обнаружено два верстена: каменное и керамическое (рис. 6, 9, 10). Они были найдены в нижних слоях (XII в.).

Проанализировав весь керамический материал, можно заключить, что центром его производства был Оттар. Это доказано материалом раскопок квартала гончаров города (XVI—XVIII вв.)⁸.

Таким образом, существование комплекса, по данным археологических и письменных источников, можно отнести к началу XIV — концу XV в. В пользу того, что это мечеть, говорят следующие доводы. Во-первых, в это время необходимо было немедленное распространение и укрепление ислама. Об этом свидетельствует построение мавзолея Ходжа-Ахмеда Ясеви, который по плану почти идентичен нашему комплексу⁹. Во-вторых, по внутренней планировке, несмотря на меньшие размеры, комплекс похож на среднеазиатскую и южноказахстанскую мечети-медресе¹⁰, построенные в XVIII—XIX вв. Исследователи справедливо отмечают, что на территории Казахстана не было построено таких монумент-

⁷ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Оттар, с. 106, рис. 61, 1, 4, 6.

⁸ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Отчет о раскопках на городище Оттар в 1974 г. — В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976, с. 6—7.

⁹ Нурмухаммедов Н. Мавзолей Ходжа-Ахмеда Ясеви. Алма-Ата, 1980, с. 41.

¹⁰ Пигаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана. Ташкент, 1958, с. 26, табл. X—XII; Мендыкулов М. М. К характеристике..., с. 129, рис. 10, 11.

тальных мечетей-медресе, как в Бухаре, Самарканде, Ташкенте. И все же в целях усиления ислама строились одноэтажные здания, в которых имелись одна-две дарсханы и худжуры¹¹. До сих пор на территории Казахстана такие «монументальные» жилища из жженого кирпича более не встречались. Жилища в Отрабе и в других поселениях по внутренней планировке совершенно не похожи на описываемый комплекс. Если почти в каждом жилом помещении Отраба и других поселений имеются тандыр-очаг, ташнау, хозяйствственные ямы, то в нашем комплексе хозяйственные постройки не встречаются. Поэтому можно предполагать, что перед нами небольшая сельская жума-мечеть.

¹¹ Мендыкулов М. М. Указ. соч., с. 131.

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНОСТЕЙ В РАЙОНЕ г. АЛМА-АТЫ

Как и многие города, столица Советского Казахстана Алма-Ата исторически многослойна. На ее территории и в ближайших окрестностях находятся разновременные археологические памятники. Большинство из них к настоящему времени уничтожены, срыты или застроены жилыми массивами, некоторые сохранились до сих пор.

Изучение древностей на территории Алма-Аты имеет свою историю. В свое время Ч. Ч. Валиханов отмечал, что район расположения Верного крайне удобен для жизни человека и в средневековье здесь находился город Алмату¹. Обживание района Алма-Аты, судя по данным археологии, началось раньше, чем упоминается город в источниках. Уже первые исследователи Семиречья обратили внимание на курганы, расположенные по берегам речек Большой и Малой Алматинок, Аксая, Весновки.

Одним из первых описал некоторые курганы Н. А. Абрамов². В 1862 г. Археологическая комиссия командирует известного ученого В. В. Радлова для обследования памятников и проведения раскопок в окрестностях Семипалатинска, Верного и в других местах³. Свою работу В. В. Радлов продолжил и в последующие годы⁴. В 1877 г. на Чет-

¹ Валиханов Ч. Ч. Очерки Джунгарии.— В кн.: Валиханов Ч. Ч. Избранные произведения. Алма-Ата, 1958, с. 94.

² Абрамов Н. А. Древние курганы и укрепления в Семипалатинской и Семиреченской областях.— Известия Императорского Русского Археологического общества, 1887, т. 8, с. 63; Он же. Алматы или укрепление Верное с его окрестностями.— Записки РГО по общей географии, 1867, т. 1, с. 255—268.

³ Сообщение о раскопках В. В. Радлова в Семиреченской и Копальской областях и в районе г. Верного.— ОАК за 1862 г. Спб., 1863, с. XXII—XXIII.

⁴ Сообщение о раскопках в Семиреченской области.— ОАК за 1869 г. Спб., 1871, с. XXII—XXIX.

вертом Археологическом съезде России, проходившем в 1877 г. в Казани, было сделано сообщение об исторических памятниках Верненского уезда⁵.

Д. И. Городецкий вел путевой журнал учета курганов от г. Верного до туркестанской границы. По тракту Алма-Ата — Каскелен им было зарегистрировано более 60 курганов. Впоследствии этот путевой журнал был приложен В. М. Флоринским к статье «Топографические сведения о курганах Семиреченской и Семипалатинской областей»⁶.

В 1886 г. В. М. Флоринский произвел осмотр многих курганов и могильников, раскопал курган в окрестностях Верного⁷. Н. Н. Пантусов отмечал «значительное обилие памятников старины», сохранившихся в виде «курганов, надписей и рисунков на камнях»⁸. Вслед за Ч. Ч. Валихановым он отождествил Алмату с развалинами городища на месте укрепления Вернос. В 1889 г. Н. Н. Пантусов раскопал в окрестностях Алма-Аты три кургана⁹. В 1893—1894 гг. В. В. Бартольд посетил развалины средневекового города по соседству с Верным, в ущелье Большой Алматинки, осмотрел также курганы, рядом с которыми были найдены каменные бабы¹⁰.

Большой интерес представляют случайные находки древностей. Сведения о них регулярно появлялись на страницах отчетов Археологической комиссии. В 1884 г. в окрестностях Верного был найден прямоугольной формы жертвенный столик на четырех ножках-подставках, имеющих форму ног животного (быка или яка). Вдоль широкого горизонтального бортика поставлено 30 скульптурных фигурок фантастических животных (крылатые львы)¹¹. На восточной окраине Верного в 1887 г. найдены бронзовые украшения жертвенника в виде крылатых драконов, львиных лап и буддийская курильница. В 90-е гг. XIX в. в Верном на юго-западной окраине были найдены железный шлем, серебряные и медные джагатайские монеты¹², золотая монетка, буддийская медная курильница на трех высоких ножках с рельефным украшением

⁵ Древности Верненского уезда. Сообщение. — Труды Четвертого Археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Казань, 1884, т. 1, с. CVIII—CIX.

⁶ Известия Томского университета. Томск, 1889, кн. 1, отд. 2.

⁷ Флоринский В. М. Первобытные славяне по памятникам доисторической жизни. Томск, 1896; Он же. Топографические сведения о курганах Семиреченской и Семипалатинской областей, с. 15—31.

⁸ Пантусов Н. Н. Алтын-Эмельская волость. — ПТКЛА, год 5, 1900, с. 19.

⁹ Пантусов Н. Н. Фергана по «Запискам султана Бабура». — Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Спб., 1880, т. VI, с. 167—199; Он же. Описание раскопок трех курганов, находящихся на западной стороне г. Верного, в апреле и мае 1899 г.— ПТКЛА, год 4. Протокол от 25.IX 1899 г., с. 105—117.

¹⁰ Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью. 1893—1894 гг. — Соч., т. IV. М., 1966, с. 84.

¹¹ Древний медный стол из Мало-Алматинского выселка. — Туркестанские ведомости, 1884, № 33; Альбом рисунков, помещенных в отчетах Археологической комиссии за 1882—1898 гг. Спб., 1906, с. 331, 335.

¹² Случайные находки из Семиреченской области, доставленные в Археологическую комиссию в 1883—1884, 1885, 1888 гг. — ОАК за 1882—1888 гг. 1891, с. XCIV—XCVI.

в виде человеческих полумасок, бронзовый котел¹³. Примерно в это же время на правом берегу р. Карагалинки был обнаружен медный котел на ножках, украшенных протомами баранов¹⁴.

В 1907 г. в сбрыве р. Карагалинки были найдены кинжал, конские железные пугы, удила. В районе выхода Головного арыка из р. Малой Алматинки был обнаружен медный наконечник стрелы. Еще один наконечник найден в юго-восточной части Верного¹⁵. В 1912 г. в ущелье р. Большой Алматинки обнаружена кольчуга¹⁶. В одном из курганов близ Верного найден светильник с фигурами крылатых хищников и жертвенный стол¹⁷. В 1913 г. найден клад вещей: пряжки от уздечки, бляшки, ворворки и другие предметы VII—V вв. до н. э.¹⁸ В эти же годы в 9 верстах от Верного обнаружен медный котел с ножками. Затем на том же месте были выкопаны еще три котла и медный светильник с фигурами животных. Ножки у одного котла изображают головы архаров¹⁹.

В дореволюционное время археологические исследования сводились к регистрации и описанию памятников. Зарегистрированы многие уникальные находки, использованные затем советскими археологами. Коллекция котлов, начало собиранию которой было положено в середине XIX в., привлекалась А. Н. Бернштамом²⁰. В статье о классификации котлов также использованы случайные находки из Алма-Аты²¹. М. И. Артамонов в книге, посвященной искусству саков, подробно описывает и анализирует алма-атинские светильники и жертвенники²².

В первые годы Советской власти меняется отношение к изучению древностей и их охране. Уже в 20-е годы В. Д. Городецкий развертывает в Семиречье и в Алма-Ате широкую работу, связанную не только с регистрацией, но и с охраной памятников. В 1924 г. он обследовал поселение на р. М. Алматинке²³. В 1928 г. в центре города был раскопан кур-

¹³ Императорский Российский исторический музей. Указатель памятников. 2-е дополненное издание. М., 1893.

¹⁴ Альбом рисунков, помещенных в отчетах Археологической комиссии за 1882—1898 гг. Спб., 1906.

¹⁵ Городецкий В. Д. Древности Семиреченской (Джетысуйской) области. Рукопись архива Отдела археологии ИИАЭ АН КазССР, № 3, л. 154—155, 158—159, 162—163.

¹⁶ Там же, л. 166—167.

¹⁷ Стрелков А. С. Большой Семиреченский алтарь.— В кн.: С. Ф. Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности. Л., 1934, с. 477—499.

¹⁸ Максимова А. Г. Предметы эпохи ранних кочевников в Центральном музее Казахстана (г. Алма-Ата). — ТИИАЭ АН КазССР, т. 1, 1956, с. 253—261.

¹⁹ Археологическая находка в Туркестане. — Известия Императорской Археологической комиссии. Спб., 1913. Прибавление к вып. 48, с. 150—151.

²⁰ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — МИА, М.—Л., 1952, № 26, с. 43—50.

²¹ Спасская Е. Ю. Найдены медных котлов ранних кочевников Казахстана и Киргизии. — Ученые записки Алма-Атинского государственного педагогического института, серия общественно-политическая, т. 2 (1), 1956, с. 155—169; т. 15 (3), 1958, с. 178—193.

²² Артамонов М. И. Сокровища саков. М., 1973, с. 38—44.

²³ Городецкий В. Д. Остатки древнего поселения к югу от г. Алматы (бывший Верный). — В кн.: В. В. Бартольду. Туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927, с. 145—150.

ган, в котором находилось захоронение человека с конем. Близ скелета лежали кусок красной краски и медная монета I в. н. э.²⁴

В 20-е и 30-е гг. сделано несколько случайных находок. Это глиняный сосуд, медные удила²⁵ и 8 медных котлов²⁶. В ущелье р. Б. Алматинки найдены железная кольчуга и сабля эпохи средневековья²⁷. На территории городского парка им. М. Горького был обнаружен медный бруск эпохи ранних кочевников²⁸. Найденные бронзовые нож, клин и каменный пестик датированы эпохой бронзы²⁹. В обрыве берега р. М. Алматинки подняты: каменная цилиндрическая ступка и пестик. Датировка — эпоха средневековья³⁰. С территории дома отдыха «Турксиб» происходят серп и ланцетовидный нож эпохи бронзы³¹. В урочище Медео найден бронзовый нож и долото-топорик³². В 1930 г. на берегу р. Б. Алматинки обнаружен медный котел³³. В числе случайных находок 1935 г. — водопроводные глиняные трубы³⁴. Найден котел из красной меди и рядом раздавленный глиняный горшок³⁵.

В 1935 г. вышла в свет сводная работа К. Ходжикова «Древнейшие памятники Семиречья»³⁶, в которой приведены сведения о памятниках Алма-Аты. В 1936 г. на территории городища Алматы работала экспедиция Центрального музея Казахстана³⁷. Обнаружены керамика, остатки тандыра, обломки ножей, гвоздей, фрагмент зернотерки и сердоликовые бусы. В 1936—38 гг. этой же экспедицией были обследованы курганные могильники к югу и юго-западу от г. Алма-Аты³⁸. Параллельно

²⁴ Мордухай-Болтовский А. И., Дублицкий Б. Н. Курган скифского типа, вскрытый осенью 1928 г. Алма-Атинским окружным музеем в районе Управления Южтурксиба. — Джетысуйская искра, 1928, № 131; Маргулан А. Х., Агеева Е. И. Археологические работы и находки на территории Казахской ССР (с 1926 по 1946 г.). — Известия АН КазССР, серия археологическая, 1948, вып. 1, с. 125—135.

²⁵ Бернштам А. Н. Прошлое района Алма-Ата. (Историко-археологический очерк). Алма-Ата, 1948.

²⁶ Спасская Е. Ю. Алма-атинские медные котлы. Рукопись архива Отдела археологии ИИАЭ АН КазССР, № 108.

²⁷ Городецкий В. Д. Древности Семиреченской области, л. 168—169.

²⁸ Там же, л. 170—171.

²⁹ Копылов И. И. К вопросу о составе древних бронз Семиречья. — Ученые записки Алма-Атинского гос. пед. ин-та им. Абая, серия гуманитарных наук, 1955, т. 9, с. 38—51.

³⁰ Городецкий В. Д. Древности Семиреченской области, л. 166—167.

³¹ Копылов И. И. К вопросу о составе древних бронз..., с. 38—51.

³² Главная книга поступлений Центрального музея Казахстана (1928—1932).

³³ Спасская Е. Ю. Найдены медных котлов..., с. 178—193.

³⁴ Интересная археологическая находка. — Казахстанская правда, 1935, № 90.

³⁵ Дублицкий Б. Н. О нахождении медного котла в расположении артиллерийского дивизиона в г. Алма-Ате. Рукопись архива Отдела археологии ИИАЭ АН КазССР, № 161, л. 1—2.

³⁶ Ходжиков К. Древнейшие памятники Семиречья. — Труды Казакского научно-исследовательского института национальной культуры. Т. 1. Алма-Ата — Москва, 1935, с. 42—45.

³⁷ Дублицкий Б. Н. Краткий отчет археологической разведки КФАН СССР и Центрального музея Казахстана в окрестностях Алма-Аты. Рукопись архива Отдела археологии ИИАЭ АН КазССР, № 162.

³⁸ Дублицкий Б. Н. Последние археологические находки на территории Казахстана в 1937 г. Рукопись архива Отдела археологии ИИАЭ АН КазССР, № 168, л. 86—95.

осматривались курганные группы по левому берегу р. М. Алматинки, Весновки, курганное поле бассейна р. Поганки, курганное поле правого берега р. Б. Алматинки³⁹.

В 1939 г. начинается качественно новый этап археологического изучения памятников Алма-Аты и Семиречья. Он связан с именем известного археолога А. Н. Бернштама. Возглавляемая им экспедиция совершила рекогносцировочные поездки по Семиречью и тщательно обследовала окрестности Алма-Аты⁴⁰. В брошюре «Прошлое района Алма-Ата» А. Н. Бернштам очертил исторические контуры прошлого столицы Казахстана. Он ввел в научный оборот находку из окрестностей Алма-Аты, так называемую «каргалинскую диадему»⁴¹, состоящую из двух золотых прямоугольных пластинок, заполненных рисунками с изображением растительного орнамента, зверей, птиц и человека.

В 1946 г. была организована Академия наук Казахской ССР и в ее составе Институт истории, археологии и этнографии. Археологические работы в республике с тех пор направляет и координирует Отдел археологии⁴². Размах исследований, характерный для казахстанской археологии последних тридцати лет, может быть полностью отнесен и к изучению древностей Семиречья и Алма-Аты⁴³.

Достижением казахстанской археологии явилось создание реестра памятников Казахстана, большой раздел которой отведен памятникам Алма-Аты и ее окрестностей⁴⁴. Непосредственно на территории города раскопки раннекочевнических погребений вел Г. А. Кушаев⁴⁵.

По-прежнему на территории города делаются находки, относящиеся к разновременным эпохам. В 1946 г. обнаружен средневековый глиняный сосуд и медный котел. В 1950 г. в ущелье р. М. Алматинки найдены медные котлы: один на 3-х ножках, второй — без поддона и с обручем, имитирующими рога архара, между которыми расположены две головки архаров с большими круто загнутыми назад рогами. Датируются котлы эпохой ранних кочевников⁴⁶. В 1953 г. были найдены пальштабообразное тесло, два кельтообразных долота и глиняный сосуд. Датированы они X—VIII вв. до н. э.⁴⁷ В 1957 г. обнаружена средневековая гончарная печь

³⁹ Дублицкий Б. Н. Курганные группы ближайших окрестностей г. Алма-Ата. Рукопись архива Отдела археологии ИИАЭ АН КазССР, № 167, л. 2—6.

⁴⁰ Бернштам А. Н. Памятники старины Алма-Атинской области. — Известия АН КазССР, серия археологическая, вып. 1, 1948, с. 79—91.

⁴¹ Бернштам А. Н. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинке. — КСИИМК, 1940, вып. 5, с. 23—31.

⁴² Акишев К. А. Археологическая наука в Казахстане. — В кн.: Наука Советского Казахстана. 1920—1960. Алма-Ата, 1960, с. 580—594; Он же. Успехи археологии Казахстана. — Известия АН КазССР, серия общественных наук, 1974, № 2, с. 23—25.

⁴³ Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963; Байпаков К. М. Раннесредневековые города и поселения Семиречья. — В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, с. 68—84.

⁴⁴ Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960, с. 309—312.

⁴⁵ Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней..., с. 273—274.

⁴⁶ Спасская Е. Ю. Алма-атинские медные котлы. Рукопись..., № 108.

⁴⁷ Джусупов А. Орудия эпохи бронзы из случайных находок в окрестностях Алма-Аты. — ТИИАЭ АН КазССР, 1956, т. 1. Археология, с. 261—263.

для обжига хумов⁴⁸. В том же году вблизи Алма-Аты найден так называемый турксибский клад⁴⁹. В апреле 1969 г. на территории Ботанического сада в Алма-Ате обнаружен клад керамических сосудов XI — начала XIII в.⁵⁰ В начале 70-х гг. на территории совхоза «Горный Гигант» найдено ювелирное изделие IV—V вв.⁵¹

Таким образом, археологические исследования, а также многочисленные случайные находки, сделанные на территории Алма-Аты и ее окрестностей, дают представление о том, что здесь издревле находился крупный культурно-экономический центр. Разнообразные памятники, в том числе сакские и усуньские курганы, позволяют надеяться, что еще не раз будут сделаны находки, которые помогут полнее и выразительнее осветить древнюю и средневековую историю Алма-Аты.

⁴⁸ Воробьев М. Г. Опыт картографирования гончарных печей для историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана. — В кн.: Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. М.—Л., 1961, с. 147—179.

⁴⁹ Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней..., с. 106—108.

⁵⁰ Байпаков К. М. Найдена клада керамики на территории Алма-Аты. — Вестник АН КазССР, 1974, № 2.

⁵¹ Сенигова Т. Н. Новые находки в Семиречье. — В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, с. 281.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ АРХИТЕКТУРЕ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ОТРАРА

Архитектурные исследования на городище Отрап ведутся с 1971 г. Каждый полевой сезон сопровождается обмерными работами с вычерчиванием планов в масштабе 1 : 50, снятием высотных отмечек полов, уровней горизонтов, стен и т. д. Схемы планов в масштабе 1 : 500 ежегодно наносятся на общий план городища. В настоящее время применяется методика археологических обмеров, разработанная П. А. Раппопортом, с соответственными, разумеется, дополнениями, вызванными спецификой археологических работ на городище древнего Отрапа и прежде всего огромными площадями раскопок. Для того, чтобы точки — колышки с большей степенью точности можно было нанести на сетку, в работах на городище Отрап применялась обноска контуров раскопа инструментальным способом, или прокладывание единой прямой с помощью теодолита. Это дает возможность начинать вычерчивание сетки не с двух-трех точек, а широким фронтом.

Строгое фиксирование материала позволяет начать теоретическое осмысление характера застройки Отрапа XVI—XVIII вв. За время раскопок 1971—1976 гг. открыто 34 уличных участка. Характерно, что улиц, имеющих направление ЮВ — СЗ, больше, чем улиц, идущих с СВ — ЮЗ. Это, на наш взгляд, связывается с ориентацией господствующего в этих местах сильного ветра «арыстанды — карабас». Улицы, направление которых совпадало с направлением ветра, сильнее подвергались его разрушительному действию и поэтому хуже прослеживаются. Можно предположить, что жители древнего города, в силу исторически сложившихся традиций, предпочитали не иметь сквозных проездов и проходов.

Отрапские улицы даже на небольшом протяжении не имеют достаточно четких прямолинейных отрезков; прихотливо изгибаясь, меняя свое направление и ширину, они, по-видимому, зависели от рельефа местности, а также направления ранее сложившихся улиц нижних слоев. Для попадания в отдельные дома устраивались тупики, распределитель-

ные дворы, что еще более усложняло уличную сеть. Перекрестки обычно имеют вид небольших площадей неправильной формы, очень редко улицы пересекаются под прямым углом, не изменяя ширины и направления.

Поверхность улиц в ряде случаев выше пола расположенных по ней домов, и, чтобы попасть в дом, нужно опуститься на одну-три ступени.

Застройка города исследуемого периода носила сугубо урбанистический характер. Плотность ее очень велика. Дома примыкают друг к другу, имея общие стены. Размеры и конфигурации участков необычайно разнообразны. В большей своей части строения имеют геометрически правильную планировку, но иногда встречаются участки городских кварталов с постройками неправильной формы. Такое бывает в массивах, образованных улицами, пересекающимися не под прямым углом.

Красную линию застройки улиц формировали стены жилых помещений и, в подавляющем большинстве, стены дворов или летних помещений. Об этом свидетельствует разное положение домов с анфиладной планировкой относительно улицы. Такие дома располагаются своей продольной осью вдоль улицы и перпендикулярно к ней. Второй вариант встречается в два раза чаще. Так что на большей части своей протяженности улицы были застроены не капитальными стенами домов, а менее высокими стенами дворов, летних и вспомогательных помещений. Этим можно объяснить плохую сохранность стен, формирующих улицы, из-за чего направление и очертание улиц реконструируются с трудом.

Отарский дом с разными типами планировочных схем достаточно подробно описан¹. Хочется лишь остановиться на отдельных деталях интерьера. Вызывает сомнения трактовки возвышенной части суфы вблизи опорного столба перекрытия, напротив входа в главное жилое помещение дома, как площадки для размещения жаровни с углами. Во-первых, это противоречит всей сложной системе дымоходов, сопровождающей устройство печей; во-вторых, близость деревянного столба не позволила бы иметь рядом раскаленную жаровню из противопожарных соображений. Скорее всего, следы прокаленности на большинстве таких площадок появились от горячего котла с пищей. Если учесть, что суфы покрывались кошмами или одеялами, то небольшое возвышение площадки над уровнем суфы (5–7 см) как раз и создавало единую поверхность с покрытой суфой.

Изучение планировочной схемы домов позволяет сделать вывод, что большая жилая комната имела пространственную самостоятельность. Это, в свою очередь, дает возможность заключить, что стены жилой комнаты имели большую высоту, и она своим объемом выделялась среди остальных помещений. Таким образом, внешний вид застройки Отара носил весьма живописный характер. Над более низкими стенами двориков, летних и вспомогательных помещений возвышалась кубического объема центральная часть дома. Они вкраплялись в городские массивы без ясно читаемой закономерности, то образуя единую цепь, то размещаясь отдельными пятнами.

¹ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отар. Алма-Ата, 1972.

ПОГРЕБЕНИЕ ВОИНА РАННЕТЮРСКОГО ВРЕМЕНИ

В апреле 1977 г. при земляных работах у юго-восточной окраины центральной усадьбы бывшего совхоза Алатау, ныне вошедшего в состав г. Алма-Аты, случайно было вскрыто одно погребение¹. На поверхности не было замечено насыпи. Глубина захоронения от поверхности земли составила около 1,2—1,4 м. Почва глинистая, черного цвета. Прямоугольная могильная яма, ориентированная с ВЮВ на ЗСЗ. имела в длину 2,3 м, в ширину 1,5 м. Углы могильной ямы закруглены. В южной половине вдоль стенки располагался костяк лошади, ориентированный головой на ЗСЗ. Череп, по-видимому, лежал чуть выше и был снесен бульдозером. Лошадь положена с подогнутыми ногами на левый бок. Правые задние метаподии ее лежали на левом плече погребенного (рис. 1). От скрипки лошади подобран лишь один фрагмент восьмеркообразного железного стремени (рис. 4, 1). В северной половине могильной ямы лежал костяк воина в вытянутом положении, на спине, головой на ВЮВ. Раздавленный череп слегка был приподнят. Левая рука вытянута вдоль туловища, кисть лежала на левой тазовой кости. Кости правой руки и обеих стоп отсутствуют. Длина сохранившейся части скелета 1,75 м.

С левой стороны погребенного, между ребер и грудничных позвонков, вырезом наружу лежала одна концевая накладка от сложного лука. Вторая накладка в таком же положении находилась между голеностопными суставами ног. Три срединные и остальные две концевые накладки найдены в выкидах. Длина лука, судя по местонахождениям концевых накладок, составляла около 130 см. Накладки изготовлены из кости (рис. 2). Длина одной пары саблевидных концевых накладок 25 см

¹ Погребение наполовину было расчищено механизаторами, и часть находок собрана в выкидах земли.

(рис. 2, 1, 2), другой — 27 см (рис. 2, 7, 8). Наружная поверхность слегка выпуклая. Наружная поверхность изогнутой части накладок на $\frac{2}{3}$ испещрена перекрещивающимися и параллельными линиями. Широкий конец заглажен и имеет вырез для тетивы.

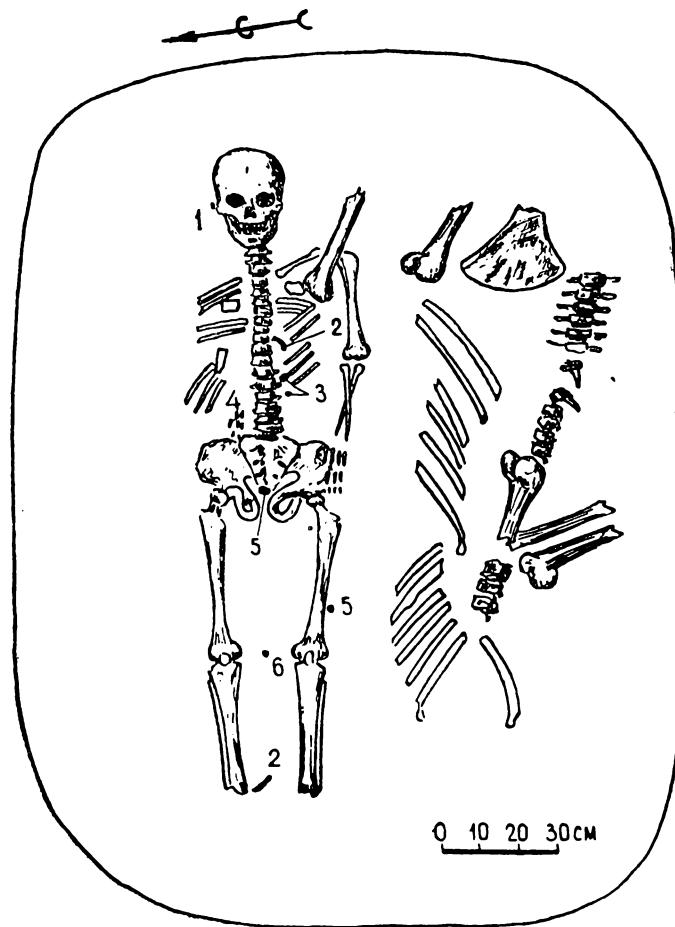

Рис. 1. План погребения: 1 — серьга; 2 — концевые накладки лука; 3 — пуговицы; 4 — пряжка и железные пластинки; 5 — железные предметы; 6 — наконечник от поясного набора

Длина срединных трапециевидных по форме накладок 18 см, ширина 2,9 см (рис. 2, 4, 6). Внешняя поверхность в середине залощена. Концы ее имеют поперечно-косые насечки и слегка выпуклы. Третья, дополнительная накладка сохранилась во фрагментах. Она узкая, гладкая, с едва заметным расширением к концу. Длина сохранившейся части 7,5 см (рис. 2, 5). Внутренние стороны всех накладок слегка вогнуты,

и вся плоскость покрыта по длинным сторонам параллельными царапинами для лучшего приклеивания к основе.

У пояса погребенного находилась бронзовая цельнолитая пряжка с щитком и подвижным железным язычком (рис. 3, 2). На щитке пряжки рельефно изображено лицо человека. Сама пряжка, составляя единую

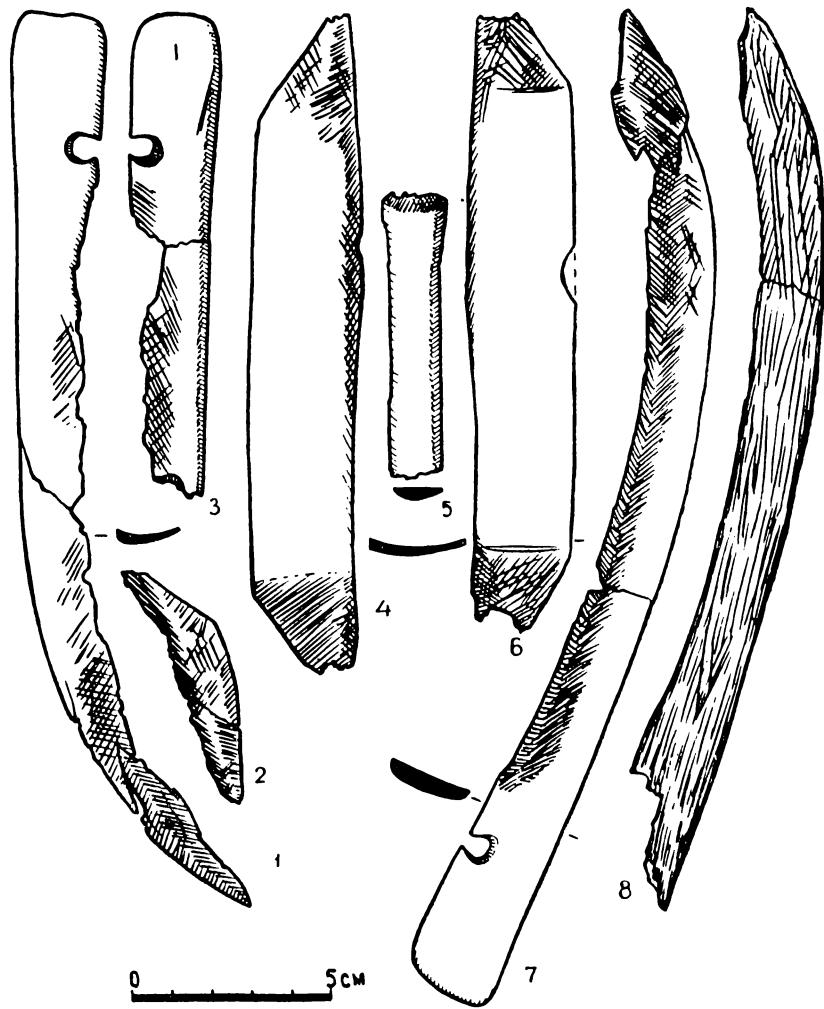

Рис. 2. Костяные накладки сложного лука

композицию со щитком, приобретает форму головного убора. На оборотной стороне имеются три шпенька для крепления к ремню.

К поясному набору относятся и 5 бляшек-накладок подпрямоугольной формы с двумя шпеньками на обороте (рис. 3, 6). Они орнаментированы сложным узором. Наконечник от пояса, удлиненной формы с за-

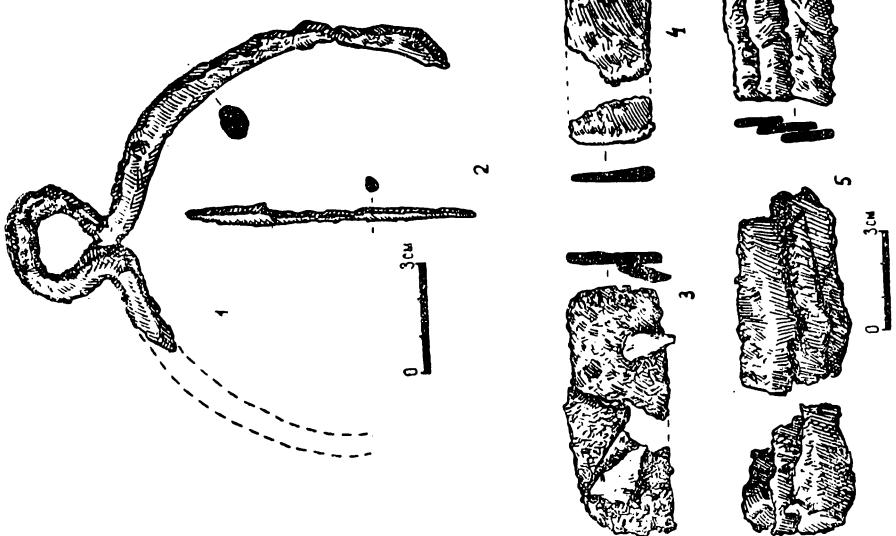

Рис. 4. Железные изделия: 1 — стремя; 2, 5 — фрагменты изделия; 3, 4 — пластинки

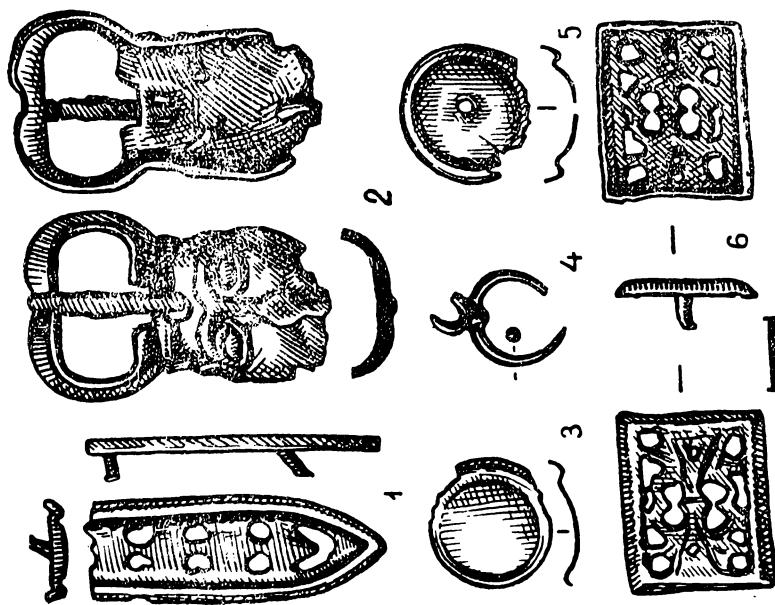

Рис. 3. Металлические изделия: 1 — наконечник от поясного набора; 2 — пряжка; 3, 5 — пуговицы; 4 — серьга; 6 — бляшка-накладка (1, 2, 6 — бронза; 3—5 — серебро)

остренным концом, находился между колен (рис. 3, 1). По внешним краям наконечника проходит неглубокий желобок, внутри которого имеются парные сквозные отверстия.

Чуть выше пояса лежали две круглые серебряные пуговицы, изготовленные из фольги (рис. 3, 3, 5). В середине одной из них имеется сквозное отверстие. По-видимому, основа пуговицы была деревянная.

На правой стороне черепа обнаружена серебряная серьга, состоящая из двух припаянных друг к другу несомкнутых колец различного диаметра (рис. 3, 4).

Рядом с пряжкой находились сильно коррозированные железные пластинки. Две более широкие из них удалось восстановить (рис. 4, 3, 4). Они имели прямоугольную форму со слегка закругленными углами и тонкие просверленные отверстия по краям для пришивания. Остальные тонкие узкие пластинки представляли собой слипшийся комок (рис. 4, 5). У крестцовых и бедренных костей найдены фрагменты неопределенных железных предметов (рис. 4, 2).

Обряд раннетюркского захоронения воина находит близкие аналогии в Центральном², Южном³ и Восточном Казахстане⁴. Такой же обряд широко распространен на Алтае⁵ и в Туве⁶.

Погребения с конем и ориентирование погребенного человека на восток считаются более ранними, чем ориентирование по оси СЮ и обычай (за редким исключением) класть коня головой в противоположную сторону⁷.

Инвентарь, сопровождающий погребенного воина с конем, также широко распространен в названных памятниках Казахстана, Алтая и Тузы V—VIII вв. Стремя с петлеобразным ушком считается более ран-

² Кадырбаев М. К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. — ТИИАЭ, т. 7. Алма-Ата, 1959, с. 185, рис. 20, 3, с. 199.

³ Максимова А. Г. Средневековые погребения Семиречья. — В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, с. 146—153, табл. I.

⁴ Арсланова Ф. Х. Погребение тюркского времени в Восточном Казахстане. — В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969, с. 43—57; Черников С. С. К изучению древней истории Восточного Казахстана. — КСИИМК, вып. 69. М.—Л., 1957, с. 20.

⁵ Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965, с. 54—61; Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 529—531.

⁶ Вайнштейн С. И. Очерк этногенеза тувинцев. — Ученые записки ТНИИЯЛИ, вып. V. Кызыл, 1957, с. 183; Он же. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—1957 гг. — Там же, вып. IV. Кызыл, 1958, с. 233; Он же. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве. — Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции (далее ТТКАЭ). 1959—1960 гг. Т. II. М., 1966, с. 294—311; Грач А. Д. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве. — ТТКАЭ, М.—Л., 1960, с. 18—48; Он же. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге. — ТТКАЭ, М.—Л., 1960, с. 120—150; Кызласов Л. Р. Этапы средневековой истории Тузы. — Вестник МГУ, 1964, № 4; Он же. Тува в период Тюркского каганата VI—VIII вв. — Вестник МГУ, серия IX, М., 1960.

⁷ Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ..., с. 54—57; Вайнштейн С. И. Памятники второй половины I тысячелетия..., с. 320—321; Он же. Некоторые вопросы истории древней Кара-Холе..., с. 248; Кадырбаев М. К. Памятники ранних кочевников..., с. 185, рис. 20, 3.

ним и пережившим все остальные формы железных стремян⁸. Стремена такой формы, изготовленные из железа и дерева, судя по этнографическим материалам Казахстана, дошли до настоящего времени⁹. Поясной набор, выполненный в высоком художественном стиле, не выходит за рамки V—VIII вв.

Из-за плохой сохранности мы затрудняемся определить типологию и сделать конкретный анализ железных предметов. Сохранившиеся две пластиинки напоминают панцирные¹⁰. Одна серебряная серьга, характерная для мужского погребения, по стилю близка к алтайским серьгам¹¹, разница лишь в форме подвесок. У алтайских серег имеется каплевидная полая подвеска.

Известна лишь одна бронзовая пуговица-бляшка, аналогичная нашим серебряным пуговицам, — из кургана КХ—58—II погребения I¹².

По обряду захоронения и типологии вещевого материала описанное погребение воина следует датировать широкими хронологическими рамками — VI—VIII вв. Сузить эти рамки, на наш взгляд, может обнаружение сложного лука с полным набором костяных накладок. Наиболее ранние сложные луки с полным набором костяных накладок (7 экз.) найдены в Забайкалье, в Ноинулинских курганах¹³ и в Ильмовой пади¹⁴. Такой же лук найден в погребении на поселении Актобе 2, относящемся к рубежу IV—V вв. н. э.¹⁵ Сложные луки с 7 накладками особенно часто встречаются в катакомбных погребениях Тянь-Шаня и датируются первой половиной I тысячелетия н. э.¹⁶

В памятниках раннетюркского времени сложный лук несколько изменяется. Уменьшается количество костяных накладок. По исследованиям А. А. Гавриловой, в кудыргинских могилах конца VI—VII вв. находятся две пары концевых накладок без срединных, а в дальнейшем остается только пара срединных¹⁷.

В нескольких курганах Тувы VI—VII вв. также найдены две пары концевых с парой срединных накладок¹⁸. Тенденция уменьшения коли-

⁸ Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ..., с. 34.

⁹ Аргынбаев Х. А. Қазактың ер-турман жабдықтары. — В кн.: Казахстан в XV—XVIII вв. Алма-Ата, 1969, с. 196, рис. 7.

¹⁰ Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971, с. 52—62, табл. XXVIII—XXXIV.

¹¹ Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ..., табл. XII, 4; XX, 1, 30; XXI, 1.

¹² Грач А. Д. Археологические исследования в Кара-Холе..., с. 95, рис. 28, 5.

¹³ Руденко С. И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.—Л., 1962, с. 25.

¹⁴ Сосновский Г. Б. Раскопки Ильмовой пади. — СА, 1946, VIII, с. 62.

¹⁵ Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Поселение Актобе 2. — В кн.: Древности Чардара. Алма-Ата, 1968, с. 71—80, рис. 33.

¹⁶ Бернштам А. Н. Кенкольский могильник. Л., 1940, с. 21, табл. XXVII, XXVIII; Кожамбердиев И. Катакомбные памятники Таласской долины. — В кн.: Археологические памятники Талассской долины. Фрунзе, 1963, с. 12, 56, 57, рис. 1—7; Кубиров А. К. Археологические работы в Центральном Тянь-Шане. — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. II. М., 1959, с. 114, 115, 122, 125—127, 128, рис. 26, 132.

¹⁷ Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ..., с. 36—57, 64.

¹⁸ Грач А. Д. Археологические исследования в Кара-Холе..., с. 126, рис. 65; Вайнштейн С. И. Памятники второй половины I тысячелетия..., табл. III, 11, 13; VII, 1, 2, 3.

чества костяных накладок наблюдается в Южнорусских степях¹⁹ и в Казахстане²⁰.

Таким образом, наличие сложного лука с полным набором костяных накладок, который, как правило, встречается в погребениях не позже VI в., позволяет датировать захоронение воина у бывшего с. Алатау VI—VII вв.

¹⁹ Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов, с. 35, прил. 5.

²⁰ Арсланова Ф. Х. Погребение тюркского времени..., с. 43—57, табл. I; Она же. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XII вв.), рис. 25, 26, 26а; Максимова А. Г. Средневековые погребения Семиречья, табл. II, 11—13; Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Поселение Актобе 2, рис. 33.

РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА И ЗАДАЧИ ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Вопрос о необходимости изучения памятников раннеоседлой земледельческой культуры Южного Казахстана неоднократно ставился в археологической литературе. Южный Казахстан рубежа и начала I тыс. н. э. представлял собой область, где интенсивно протекал процесс зарождения оседло-земледельческой культуры. Изучение памятников этого периода позволит, с одной стороны, лучше осветить вопросы реконструкции культуры и социально-экономических процессов жизни средневекового общества, внутренней структуры и динамики развития города, а с другой стороны, выявить этногенетический процесс эпохи «великого переселения народов»: перемещения, оседание, ассимиляцию *ялемен*, внешнеполитические связи. Исследование этих процессов в контактном регионе Южного Казахстана является одной из наиболее актуальных задач истории Средней Азии, и, следовательно, особую важность приобретают материалы раннеземледельческих поселений.

В дореволюционный период археологического изучения Казахстана сведения о редких археологических памятниках или случайных находках публикуются в трудах Оренбургской ученой архивной комиссии, Туркестанского кружка любителей археологии, местных отделов Русского географического общества. Академик В. В. Бартольд описал внешний вид городищ и поселений, лежащих на древнем караванном пути от Тараза до Испиджаба¹. Первую попытку в области учета памятников Южного Казахстана по видам сделал В. Д. Городецкий в 1915 г.² Археологическое изучение памятников Казахстана в дореволюционный период

¹ Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. — Записки Академии наук. Серия 8, т. 1. Спб., 1897, № 4, с. 4.

² Городецкий В. Д. К археологии Чимкентского уезда. — Известия Туркестанского отдела Русского географического общества. Ташкент, вып. 5, 1922, с. 99—108.

носило кустарный характер, поэтому конкретно вычленить исследования в области ранних оседлых поселений не представляется возможным.

В послеоктябрьский период, в 30-е г. Г. В. Григорьеву, исследовавшему памятники Ташкентского оазиса, удалось выделить своеобразную культуру, названную им каунчинской. Хозяйство поселений каунчинской культуры носило комплексный характер: скотоводство в сочетании с земледелием. Исследования последних лет предлагают следующую датировку каунчинской культуры, выделяя 3 хронологических периода: I—III, IV—V и VI—VIII вв. н. э.³

Результатом работ Хорезмской археологической экспедиции под руководством С. П. Толстова в 40—50-е гг., изучавшей комплекс памятников Джеты-Асар, бассейна нижней Сырдарьи, явилось выделение джетыасарской культуры. Хронологически она включает в себя 3 последовательных этапа развития: I—IV, IV—VII, VII—IX вв. н. э.⁴ Исследователи джетыасарской культуры, отмечая своеобразие ее, одновременно указывают на связь с другими среднеазиатскими земледельческими культурами, в частности с культурой районов средней Сырдарьи.

Культура ранних земледельцев районов Отранского оазиса стала вырисовываться в результате широких археологических изысканий целого ряда исследователей — А. Н. Бернштама, А. Х. Маргулана, Е. И. Агеевой, Г. И. Пацевича⁵. Южно-Казахстанской археологической экспедицией под руководством А. Н. Бернштама были исследованы десятки ранних памятников Отранского оазиса и северных склонов Карагатая. Подъемный материал и данные стратиграфических раскопов поселений Алтынторбе, Пчакчи, Кок-Мардан, Тарса-тепе, Куйруктобе, Марданкуюк позволили выделить в районе средней Сырдарьи культуру кангюйско-каратаянского типа. Важным результатом работ следует считать попытку дать историческую топографию поселений и хронологическую классификацию керамики⁶. Наиболее ранней формой поселения, по мнению исследователей, являются округлые в плане тепе с расплывчатыми контурами. Это жилища многосемейной патриархальной общины с натуральной формой хозяйства. Работы последних лет позволили внести ряд корректировок в периодизацию керамики, предложенную Е. И. Агеевой, опиравшейся в своих выводах на ранние датировки джетыасарской и каунчинской культур.

Материал рубежа и первых веков нашей эры дало поселение Актобе

³ Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. М., 1971, с. 179—188.

⁴ Там же, с. 64, 74, 84.

⁵ Бернштам А. Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. — Известия АН КазССР, серия археологическая, вып. 2. Алма-Ата, 1949; Он же. Древний Отран. — Известия АН КазССР, серия археологическая, вып. 3. Алма-Ата, 1951; Маргулан А. Х. Оседлые поселения VIII—XIII вв. на северных склонах Карагатая. — Известия АН КазССР, № 46, серия археологическая, вып. 1. Алма-Ата, 1948; Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. — Труды ИИЛЭ АН КазССР, т. V, 1958.

⁶ Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений..., с. 61—202.

на северных склонах Карагату, близ городища Баба-Ата⁷. Это поселение тесно связано с окружающими районами общностью форм посуды, а жители — общими идеологическими представлениями. Поселение датируется исследователями III в. до н. э. — III в. н. э.

Важные археологические результаты в области изучения оседлых поселений Южного Казахстана были получены из поселения Актобе 2, расположенного в верхней части среднего течения Сырдарьи, в зоне Чардаринского водохранилища⁸. Хозяйство поселения носило скотоводческо-земледельческий характер. Социально-экономические отношения характеризуются значительным имущественным и социальным неравенством, выразившимся в постройке на поселении крупного архитектурного комплекса — дворца. Поселение датируется I—IV вв. н. э.

К памятникам раннеоседлой земледельческой культуры Южного Казахстана, раскопанным полностью, относятся и поселения Қылкайнартобе и Чольтобе, расположенные в среднем течении р. Талас⁹. Материальная культура поселений развивалась на базе комплексного хозяйства, включавшего земледелие и скотоводство, и отражала преемственность культуры предшествующих эпох.

Поселение Қараултобе, относящееся к раннеоседлым земледельческим памятникам типа Каунчи, раскопано в верховьях р. Арысы¹⁰. Хозяйство носило скотоводческо-земледельческий характер. Памятник, датированный I—IV вв., относится, по мнению исследователя, к кругу памятников северо-восточной группы кангюйских племен.

В 1977 г. Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция под руководством К. А. Акишева приступила к раскопкам поселения Кок-Мардан, расположенного в Отарском оазисе на левом берегу р. Арыси. Полученные данные не позволяют пока делать выводы о хозяйственной и социальной жизни поселения, но дают конкретные основания уточнить верхнюю дату существования его. Керамика двух строительных горизонтов укладывается в рамки III—V вв. н. э.

Говоря о степени изученности поселений ранней оседло-земледельческой культуры Южного Казахстана и Отарского оазиса, следует отметить, что до сих пор раскопано лишь 5 памятников — Актобе Бабатинское, Актобе Чардаринское, Чольтобе, Қылкайнартобе и Қараултобе, тогда как памятники Отарского оазиса детальным раскопкам до последнего времени вообще не подвергались. В связи с этим мы не знаем во всех деталях ни стратиграфии большинства ранних поселений, ни их

⁷ Сенигеса Т. Н. Поселение Актобе.— Труды ИИАЭ АН ҚазССР, т. 14. Алма-Ата, 1962, с. 57.

⁸ Максимова А. Г., Мерциев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968, с. 36—71.

⁹ Мерциев М. С. Поселение Қылкайнартобе I—IV веков и захоронение в нем воина IV—V веков.— В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, с. 79—92.

¹⁰ Подушкин Н. П. Новое поселение раннеzemледельческой культуры на юге Казахстана.— Известия АН ҚазССР, серия общественных наук, 1968, № 5, с. 71—75; Он же. Ранние оседлые поселения долины реки Арыси (I—VIII вв.). Автореф. Дис. ... канд. истор. наук.— Алма-Ата, 1970.

планировки и архитектурных особенностей. Датировки проводились на основании подъемного материала, они очень приблизительны, и, как мы видим на примере Кок-Мардана, широкие раскопки приводят к их пересмотру. Отсутствие стратиграфических колонок затрудняет реконструкцию динамики процесса возникновения и развития раннеоседлых поселений, что в итоге приводит к значительным пробелам в изучении всей средневековой истории Оттарского оазиса. До сих пор не получили разработки и требуют подробного освещения следующие вопросы: закономерности возникновения земледельческой культуры в Южном Казахстане; характер материальной культуры и специфика хозяйства (выделение керамических комплексов, особенностей стратиграфии, топографии и планировки по регионам), взаимосвязи с кочевыми скотоводческими племенами; этнические компоненты в оседло-земледельческой культуре. Для Оттарского оазиса, где оседло-земледельческая культура существовала вплоть до позднего средневековья, исследование ранних поселений приобретает исключительное значение, что и подчеркнуто в перспективах работ ЮККАЭ¹¹. В связи с развертыванием широких археологических работ в Оттарском оазисе представляется целесообразным одновременное ведение раскопок средневековых городищ и раннеоседлых земледельческих поселений.

¹¹ Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Оттар. Алма-Ата, 1972, с. 205--212.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Лившиц В. А. (Ленинград)	
О происхождении древнетюркской рунической письменности	3
Акишев К. А., Акишев А. К.	
Происхождение и семантика иссыкского головного убора	14
Байпаков К. М.	
Культ барана у сырдарынских племен	32
Ахинжанов С. М.	
Из истории движения кочевых племен евразийских степей в первой половине XI века	46
Алпысбаев Х. А.	
Индустрия палеолита Южного Казахстана	54
Сенигова Т. Н., Бурнашева Р. З.	
Изобразительный мотив льва в прикладном искусстве древнего Казахстана	65
Арсланова Ф. Х. (Калинин)	
К датировке металлических изделий эпохи бронзы казахстанского Прииртышья	82

Сообщения

Ерзакович Л. Б.

Раскопки в восточной части Оттара (к вопросу о стратиграфии и хронологии поздних слоев) 96

Грошев В. А.

О роли ирригации в истории поселений и городов Оттарского оазиса 107

Максимова А. Г.

Курганы близ Талгара 114

Синенская Н. И.

О художественной выразительности андроновской керамики Казахстана 123

Чариков А. А.

Каменные скульптуры средневековых кочевников Принртышья 130

Макарова Л. А.

Кости животных из двух поселений эпохи бронзы в Северном Казахстане 141

Кузнецова Э. Ф.

Состав металла наконечников стрел Казахстана сакско-савроматского времени 152

Тепловодская Т. М.

Структурный анализ керамики со знаками городища Оттар 165

Жолдасбаев С. Ж.

Мечеть XIV—XV вв. в окрестностях Оттара (поселение Байылдыр) 172

Савельева Т. В.

Из истории изучения древностей в районе г. Алма-Аты 183

Егорова Н. П.

Некоторые замечания об архитектуре позднесредневекового Оттара 189

Курманкулов Ж.

Погребение воина раннетюркского времени 191

Адильгиреев Б. Х.

Религия земледельческая культура Южного Казахстана и задачи ее исследования 198

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ДРЕВНЕГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО ҚАЗАХСТАНА

Утверждено к печати Ученым советом Института
истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова
Академии наук Казахской ССР

Рецензенты: кандидаты исторических наук
Б. Е. Кумеков, А. М. Оразбаев, Р. Д. Ходжаева

Редактор *В. В. Сирождинова*
Худож. редактор *А. Б. Мальцев*
Оформление художника *Л. И. Матвеева*
Техн. редактор *В. М. Муромцева*
Корректор *Т. П. Нежданова*

ИБ № 467

Сдано в набор 23.10.80. Подписано в печать 4.12.80.
УГ 03086. Формат бумаги 70×90¹/₁₆. Типографская № 1.
Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. п. л. 14,9.
Уч.-изд. л. 15,4. Тираж 1900. Заказ 170.
Цена 2 руб.

Издательство «Наука» Казахской ССР
Типография издательства «Наука» Казахской ССР
Адресс издательства и типографии: 480021, г. Алма-Ата, Шевченко, 28.